

Даниэль Клугер
Убийственный маскарад
М.: Вагриус, 2001

Содержание:

- Даниэль Клугер. Убийственный маскарад (роман), стр. 5-198
- Даниэль Клугер. Непредсказанное убийство (повесть), стр. 199-396

Даниэль Клугер

Убийственный маскарад

Рыжие орангутанги на небольшой, причудливо украшенной какими-то псевдотропическими растениями эстраде, самозабвенно выводили знойную, томительную мелодию. Натаниэль Розовски не сразу узнал в их замысловатой импровизации «Караван» гениального Дюка Эллингтона. Неожиданные, бьющие по нервам гитарные рифы, басовые пассажи, вдруг врезавшиеся в паузы, делали хрестоматийную пьесу почти неузнаваемой. «На то они и орангутанги, чтобы корезить нашу человеческую музыку», – философски подумал Натаниэль.

Впрочем, уверенности в том, что на эстраде находились именно орангутанги, у него не было. Рыжая шерсть и отсутствие хвостов отнюдь не являлись стопроцентным доказательством. Тем более, что красные задницы, насколько он помнил школьный курс зоологии и последующие экскурсии с сыном в рамат-ганский зоопарк «Сафари», не являлись атрибутом упомянутых выше человекообразных обитателей Юго-Восточной Азии.

– Вам нравится?

Розовски обернулся на этот голос с мягкими словно кошачьи лапки интонациями. К нему подходила невероятно яркая восточная красавица – то ли Клеопатра, то ли Семирамида. Бесчисленные золотые (или золоченые) кольца-серьги-бусы тихонько позванивали при каждом шаге. Чуть приподнятые к вискам уголки миндалевидных глаз, подведенные синей краской. И волосы, завитые в сотню мелких косичек и обсыпанные золотистой пудрой, колыхались черной волной. Словом, оживший барельеф – из Вавилона или Мемфиса.

Клеопатра-Семирамида остановилась совсем близко. Аромат экзотических духов вызвал у Натаниэля легкое головокружение.

– Я привык к классической аранжировке, – ответил он, вновь поворачиваясь к музыкантам. – Кстати, как называются эти животные? Орангутанги?

– Понятия не имею, – Клеопатра рассмеялась. – Думаю, фантазии у них хватило ненамного. Правда? Музыканты в обезьяньих шкурах – это уже штамп.

– Действительно, – сказал Розовски. Про себя подумал: «И восточная косметика а-ля Нефертити – тоже.» Вслух вежливо заметил: – На таком приеме, как ваш, куда экзотичнее выглядели бы черные смокинги и белые рубашки со стоячими воротничками.

– Как у вас, господин Розовски? – спросила Клеопатра-Семирамида.

Розовски оглядел себя и рассмеялся.

– В самую точку. Я, признаться, забыл, что тоже вырядился как... как... – он не нашел подходящее сравнение, махнул рукой и снова засмеялся. – Наверное, я старомоден. Мне сказали: праздничный вечер. У меня представление о вечерних туалетах осталось на уровне конца прошлого века.

– Ну, вы совсем не такой старый, – заметила Клеопатра.

– Такой, такой, – убежденно сказал Розовски. – Именно такой. Может быть, еще старше. Временами я ловлю себя на том, что помню появление первого автомобиля. Думаю, именно с этим связана моя нелюбовь к этому изобретению.

Она рассматривала его в упор, и Натаниэль занервничал. Уже в который раз за сегодняшний вечер он почувствовал себя не в своей тарелке. И оттого немного разозлился.

– Госпожа Смирнова, – он обвел зал внимательным взглядом, – что-то я не вижу хозяина...

Виктория Смирнова (таково было настоящее имя Семирамиды-Клеопатры) какое-то время продолжала на него смотреть, словно собираясь сказать что-то важное, потом вдруг выражение ее лица изменилось.

– Правда, куда Арик запропастился? – в грудном голосе не слышно было беспокойства, те же кошачьи интонации. – Думаю, беседует с кем-нибудь из гостей.

– В таком случае, прошу прощения, – Натаниэль изобразил озабоченность. – Я пройду к входу. Все-таки, работа есть работа.

Смирнова кивнула и отошла к группе гостей, отличавшихся наиболее вычурными нарядами.

Натаниэль облегченно вздохнул – он чувствовал себя скованным в обществе зеленоглазой красавицы – и вышел на крыльцо. Собственно говоря, ему совсем не хотелось принимать этот

заказ – детективное агентство не служба охраны, – но в конце концов согласился. Пришли очередные счета, его секретарша Офра сообщила официальным тоном, что общая сумма долга намного превышает все то, чем располагает агентство, – и тут появился на пороге его офиса странный тип, которого, как выяснилось, звали Аркадий Смирнов. Смирнов, что называется, с порога предложил двенадцать тысяч за восемь часов работы охранником на его вилле.

Натаниэль подумал, что ослышался.

– Устраиваю праздничный вечер для друзей, – пояснил Смирнов, довольно бесцеремонно усаживаясь в кресло для посетителей. – Карнавал, если хотите. Маскарад. Знаете, музыка, шум, гости. Гостей будет очень много, – он заложил ногу за ногу, так что открытая сандалия оказалась почти на уровне глаз хозяина кабинета. – Так как насчет обеспечения безопасности?

Натаниэль некоторое время задумчиво созерцал пальцы ноги потенциального клиента. Пальцы заканчивались не очень чистыми ногтями.

Проследив за его взглядом, Смирнов безмятежно улыбнулся, даже не подумав чуть опустить ногу.

– Жарко, – сообщил он. – Терпеть не могу закрытые туфли... Так как же насчет моего заказа? Беретесь или нет?

Теперь Розовски окинул откровенно недоверчивым взглядом всего посетителя и пришел к выводу, что Аркадий Смирнов не похож на человека, способного вот так, запросто, выложить двенадцать тысяч шекелей – три тысячи долларов – только для того, чтобы произвести впечатление на окружающих. И не потому, что выглядел он чересчур прижимистым – вовсе нет. Просто никто никогда бы не поверил, что сидевший в продавленном кожаном кресле человек хоть раз в жизни держал в руках сумму, превышающую месячное пособие по безработице. Небритые чуть одутловатые щеки, небрежно зачесанные набок редкие светло-русые волосы, припухшие веки мало соответствовали представлению о достатке. Комплект дополняла линялая футболка навыпуск, коротковатые неопределенного цвета джинсы и надетые на босу ногу старые облезшие сандалии.

«Вот так выглядят нынешние миллионеры, – с философской грустью подумал Розовски. – Как, все-таки, измелчал народ за последние полвека...» Почему именно за полвека – он и сам не знал.

Единственное, что могло заставить Натаниэля воспринять прозвучавшее предложение с крохотной долей серьезности – неожиданно умный и пронизательный взгляд светло-серых глаз. Но поскольку этот взгляд надежно маскировался выпуклыми стеклами очков, детектив обратил на него внимание, уже открыв рот для отказа. Теперь же, вместо этого, он коротко кашлянул и украдкой посмотрел на своего помощника Алекса Маркина. Маркин сидел в углу кабинета и притворялся погруженным в чтение толстого журнала с потрепанной обложкой и выпадавшими страницами. Отрешенно-сосредоточенное выражение лица свидетельствовало, что Маркин весь обращен в слух. Почувствовав на себе взгляд шефа, он тотчас оторвался от чтения и энергично замотал головой: дескать, ни в коем случае!

Розовски кивнул и вновь обратился к посетителю. Смирнов полулежал в кресле и с интересом озирает кабинет частного детектива.

– У вас много работы? – спросил он.

– Очень много, – ответил Розовски. – Весь штат в разгоне, все мои пинкертонеры в поте лица добывают важную информацию, спасают похищенных, возвращают легкомысленных жен любящим супругам, и так далее... – он с виноватым видом развел руками и кивнул в сторону помощника. – Вот, один Саша остался, поскольку его главным оружием является необыкновенно светлая голова. Можно сказать, прозрачная голова. Он у нас мозговой центр. Сейчас, например, анализирует совершенно секретные сведения относительно судьбы знаменитой Янтарной комнаты. У него есть веские подозрения, что комнату распилили и продают в виде сувенирных бус на Стамбульском базаре... – лицо Натаниэля осветилось любезной улыбкой. – Бросьте притворяться, господин Смирнов. По телефону вы сообщили, что направил вас к нам некий господин Баренбойм. А господин Баренбойм, прежде чем отправить кого-нибудь в мое агентство, считает своим долгом сообщить, во-первых, – Натаниэль загнул один палец, – что частный детектив Натаниэль Розовски является лучшим детективом Израиля, а может быть, и всего мира. И во-вторых, – он загнул второй палец, – что указанный Розовски сидит без дела, поскольку специализируется исключительно на делах русской общины, а уровень преступности в русской

общине стремится к нулю. Соответственно, и доходы вышеупомянутого замечательного детектива, увы, стремятся к той же одиозной цифре.

Аркадий Смирнов засмеялся и снял очки.

– Верно, верно, – он сел нормально и чуть наклонился вперед. – Именно так он и сказал. Что вы классный специалист и что сидите без работы и без денег. Так как насчет моего предложения?

Натаниэль с трудом подавил вздох. Ни одно рекламное агентство не могло сравниться с его бывшим соседом Владимиром Баренбоймом в скорости распространения сведений о ком бы то ни было. Что самое интересное: все или почти все дела, которыми Розовски занимался с подачи неугомонного соседа, выходили сыщику боком. И тем не менее, он каждый раз брался. Рекомендация Баренбойма означала дело с хорошей головной болью, но, увы, именно Баренбойм был тем самым человеком, встреча с которым и побудила Натаниэля Розовски, тогда еще офицера полиции, открыть частное сыскное агентство для работы на «русской улице». Володя, без году неделя в стране, соблазнился возможностью легкого заработка. И оказался жертвой афериста соотечественника. Причем, афера была видна невооруженным глазом любому. Но глаза Баренбойма в ту пору оказались, похоже, обращенными к радужным картинам безмятежного будущего. Если бы не Натаниэль, бывший в то время, как уже было сказано, соседом наивного репатрианта и полицейским, несостоявшегося миллионера обобрали бы на полную катушку.

С тех пор прошло несколько лет. Самое интересное, что Баренбойм, в конце концов, действительно стал если и не миллионером, то достаточно зажиточным человеком – правда, Натаниэль до сих пор не знал, каким именно бизнесом занимается этот человек. А Розовски после случая с соседом задумался вдруг о том, что возрастающая с каждым днем община выходцев из бывшего СССР представляет собою нетронутую ниву для частного детектива, знающего русский язык и худо-бедно понимающий психологию бывших граждан социалистической супердержавы. В результате появилось на шумной тель-авивской улице Алленби детективное агентство с русской вывеской.

Розовски вздохнул. Воспоминания о первых днях и первых делах, о надеждах и планах вызвали в нем короткий приступ ностальгии.

– Знаете, – сказал он, с неохотой возвращаясь из дня вчерашнего в день сегодняшней, – вы ведь не объяснили мне, что именно я должен охранять и чью безопасность обеспечивать. Я так понимаю, у вас что – есть основания чего-то опасаться. Или кого-то. Нельзя ли чуть подробнее? Возможны нежелательные визитеры, попытки сорвать торжество? Кстати говоря – что за торжество, если не секрет? День рождения, свадьба? И где все это будет происходить?

Аркадий Смирнов пожал плечами.

– Честно говоря, я не думаю, что мне следует чего-то или кого-то опасаться, – ответил он. Похоже, его почему-то забавляла мысль о необходимости охраны. – Но... – он вдруг рассмеялся. – Знаете, у вас в Израиле так любят кормить публику баснями о русской мафии, что я решил чуть-чуть подразнить гусей. Мои знакомые обеспечат утечку информации для газетчиков – дескать, на вилле в Кфар-Шауль собирается гулять русская мафия.

В небольшом городке, вернее – пригороде Тель-Авива Кфар-Шауль – в последние годы выросли целые кварталы роскошных вилл самой замысловатой архитектуры. Натаниэль пару раз бывал там. Еще одно подтверждение старой истины насчет обманчивой внешности – самая плохонькая вилла в Кфар-Шауль стоила целое состояние. Впрочем, плохоньких вилл здесь не бывало.

Розовски задумался. Ничего особо остроумного в затее собеседника не было. Но, по крайней мере, ему не собираются навязать необходимость обслуживания бандитской сходки – такие, с позволения сказать, празднества под жарким средиземноморским солнцем проводились довольно часто. Правда, крутые ребята из Москвы и прочих российских градов и весей предпочитали фешенебельные отели Эйлата на Красном море.

Все-таки он не очень понимал – для чего платить такие деньги за мистификацию? Нанял бы пару-тройку студентов, они бы и за десятую часть с удовольствием сыграли роли суровых сторожей.

Впрочем, у богатых свои причуды.

Словно угадав его мысли, Аркадий Смирнов сказал:

– Я бы мог, конечно, позвать каких-нибудь молодых ребят. Но если уж устраивать спектакль, так чтоб без сучка, без задоринки. Вас хорошо знают как серьезного человека и хорошего профессионала. Ваше присутствие на вечеринке придаст дополнительную убедительность моей затее, – он улыбнулся. Улыбка была хорошая, искренняя. Так улыбаются люди, не держащие никаких фигов в карманах и камней за пазухой. Последний раз так улыбался Натаниэлю его бывший стажер Габи, ныне отбывавший срок за соучастие в предумышленном убийстве. Ох-хо-хо, подумал Натаниэль, вот примешь такое предложение, и потом долго придется отмываться от обвинений в связях с русскими мафиози...

И черт с ним, все равно обвиняют. Обидно, что обвиняют бывшие сослуживцы-полицейские.

– Вы не израильтянин? – спросил он.

– Почему? – Смирнов удивленно поднял редкие выгоревшие брови.

– Вы только что сказали: «У вас в Израиле», – пояснил Розовски. – А у вас – это где?

– А-а, – Аркадий усмехнулся. – Нет, это я так... Еще не привык думать об Израиле как о своей стране. Вообще-то мы с женой репатриировались четыре года назад. Она так и живет здесь. А я все больше в разъездах. В основном, конечно в России. Извините, не представился толком, – он извлек из заднего кармана бумажник. Бумажник был стерт до белизны. Смирнов порылся в отделениях, вытащил визитную карточку, бросил ее через стол Натаниэлю. На карточке значилось: «Аркадий Смирнов. Торговый дом 'Лига'. Оптовые поставки продуктов питания в страны СНГ и Балтии. Представитель в Израиле».

– Понятно. Значит, поставки продуктов. И как идут дела?

– Нормально идут, – ответил Смирнов. – Пока не жалуемся. Люди хотят есть при любой власти и при любом режиме. Хоть при коммунистах, хоть при демократах. Вы давно не были в Москве?

– Вообще не был, – ответил Натаниэль. – Мы репатриировались из Минска. Можете мне не верить, но за двадцать лет жизни в Союзе я ни разу не имел возможности съездить в Москву. А потом все никак не получалось. В Ленинграде пару раз бывал. В Крыму бывал, летом. Даже в Сибири – студенческие стройотряды. Помните такую штуку?

– Помню, – израильский представитель торгового дома «Лига» улыбнулся. – Сам ездил несколько сезонов. Говорите, в Сибири? Где именно?

– Тында, – ответил Натаниэль, – поселок Тында. Знаете?

– Знаю, конечно. А сколько лет вы уже в Израиле?

– Почти двадцать пять.

– Ого! – Смирнов даже не пытался скрыть удивления. – Ни за что бы не сказал, вы говорите по-русски без акцента.

– Практика большая, – пояснил Натаниэль скромно. – Вам же Баренбойм объяснил: мы работаем исключительно по делам русской общины.

– Да-да, я помню, – Смирнов кивнул. – Короче, в московских магазинах сейчас можно купить все то же самое, что и в израильских. Плюс лекарства. Например, лечебную косметику из грязей Мертвого моря.

– Понятно. И это все поставляет ваша «Лига»?

– Ну что вы, конечно нет. Наша доля – десятые доли процента. Но и этого достаточно.

– Все-таки: что за торжество вы собираетесь отмечать? – спросил Розовски.

– Семейное торжество, – ответил Аркадий. – Скажем так: недавно мне удалось заключить интересную сделку. И решил это отметить. Знаете, последние четыре года я даже выходных толком не имел. Дела, дела... – он развел руками. – Вот и решил: черт с ними, с делами! Море, солнце... Почему бы не устроить праздник для души?

– Действительно, – повторил Натаниэль задумчиво. – Почему бы не устроить? Ладно, – он чувствовал, что совершает очередную большую ошибку (или глупость – что то же). – Пишите точный адрес и время.

Для личного спокойствия, после ухода гостя Натаниэль позвонил Баренбойму. Владимир (он же – Зеев, старая, сугубо израильская традиция смены имени после репатриации) ответил так, как и следовало ожидать: «Аркадий Смирнов? Мировой мужик, другому бы я и не рекомендовал. А что? Есть какие-то сомнения?»

«Как тебе сказать... Он не очень похож на бизнесмена, – честно признался Розовски. – Скорее на какого-нибудь художника. Не очень удачливого». – «Должен тебе заметить, – язвительно

сообщил Баренбойм, – что ты был похож на частного детектива ровно две недели с начала работы. Когда у тебя из-под левой руки торчал „кольт“, а на носу сидели черные очки».

Натаниэль рассмеялся. Действительно, он первое время пытался выглядеть так, как выглядели герои американских боевиков. Даже приобрел совершенно ненужный кольт – вместо своего старого надежного «Йерихо». На русских клиентов это не производило ровным счетом никакого впечатления. И Розовски махнул рукой на рецепты Голливуда.

«Так что? – снова спросил Баренбойм. – Есть у тебя сомнения или нет? Если есть – скажи, обсудим».

Сомнений у Натаниэля не было. За исключением чисто интуитивных, а значит – несерьезных.

И вот теперь, обряженный в черный смокинг, частный детектив Розовски расхаживал с дурацким видом по внутреннему двору, превращенному в танцевальный зал, угрюмо разглядывал экзотические маскарадные наряды полусотни гостей и рассеянно слушая разноязыкую речь – в основном русскую с вкраплением иврита и английского. Левый карман заметно топорщился, и танцующие уважительно косились на оттягивавшую лацкан рифленую рукоятку «кольта». Знали бы они, что озабоченно хмурившийся детектив в последний раз стрелял из своего револьвера пятнадцать лет назад. В полицейском тире.

Ожил крохотный наушник, прикрепленный за ухом. Голос Маркина, точно так же изнывавшего от скуки у наружной двери виллы, сообщил:

– Натан, к вам двигаются очередные гости. Ребята превзошли сами себя. Умрешь со смеху.

– Хорошо, если со смеху, – буркнул в микрофон Розовски. Через несколько мгновений во дворе действительно появилась весьма экзотическая процессия. Она сразу привлекла внимание всех, кто уже находился внутри. Даже обезьяний джаз на мгновение смолк, а потом спонтанно заиграл нечто торжественное – чуть ли не «Интернационал».

Картина была впечатляющей. Под громкую музыку во двор медленно вошли четверо высоких мужчин в масках и нарядах, долженствующих, как решил Натаниэль, изображать одеяния китайских мандаринов. На плечах они несли носилки с балдахинном. Под балдахинном на расшитых золотом подушках неподвижно сидел некто в золоченом халате, расшитом драконами. Его лицо, так же, как и лица носильщиков прикрывала маска. Желтая, с узкими прорезями глаз и высокомерно изогнутыми тонкими губами. Рука в желтой перчатке небрежно держала раскрытый веер. С трех сторон его прикрывали небесно-голубого цвета шторы. Передняя штора была отдернута.

Танцы прекратились, оркестр затих. Послышались восхищенные возгласы, аплодисменты. Аркадий Смирнов, откуда-то вынырнувший в центр двора и обряженный в маскарадный костюм какого-то фантастического императора, поспешил к вошедшим, отвесил шутливый поклон и пригласил чувствовать себя, как дома. После этого носильщики прошли в центр большого зала, молча поставили носилки с «богдыханом» и так же молча удалились. Аркадий махнул рукой музыкантам, те вновь перешли на танцевальную музыку, и вокруг странной фигуры, восседавшей под балдахинном, закружились танцующие.

Розовски вздохнул, покачал головой. «Клоуны...» Все это казалось ему по меньшей мере безвкусным. Но, в конце концов, не его это дело. Он приглашен для того, чтобы ходить с озабоченной физиономией и время от времени что-то невразумительно бормотать в микрофон.

Орангутанги закончили терзать свои электронные погремушки и вдруг так пронзительно выдали импровизацию на тему гершвиновской *Summertime*, что Натаниэль немедленно забыл обо всем, включая паланкин, драконов и «императора». Стоял и слушал, раскрыв рот, фантастические гитарные пассажи, шедшие в совершенно неожиданном дуэте с саксофоном.

Кто-то тронул его за локоть. Это вновь была хозяйка виллы.

– Вам не скучно? – спросила она. – Хотите выпить?

– Я ведь на службе, – напомнил Натаниэль, несколько раздосадованный тем, что ему не дали дослушать любимую мелодию.

– Бросьте, это же фикция. Кого охранять? От кого? – Виктория пренебрежительно взмахнула рукой, в которой держала бокал с шампанским. «Да она здорово опьянела», – с непонятным смущением подумал Розовски.

– Все это полная ерунда, – сказала вдруг госпожа Смирнова, приходя в мрачное настроение. – Бал, маскарад, гости. На кой черт все это было нужно Аркашке? Спятил совсем... Я спрашиваю: что

еще за праздник? Смеется. Я, говорит, такое провернул. Завтра скажу – обалдеешь... – она вздохнула. – Ладно, не хотите пить – не пейте. Пойду я.

Натаниэль еще пару раз обошел зал, стараясь не столкнуться ни с кем из веселящихся гостей. Вышел на крыльцо-веранду, где в полном одиночестве маялся Маркин. Сюда почти не доносились ни звуки музыки, ни непрерывный говор многих голосов, от которого у Натаниэля уже начинала кружиться голова. На крыльце у него тоже закружилась голова – но уже от сильного аромата цветущего дерева с огненно-красными кистями вместо листьев. Во внутреннем дворе, превращенном на сегодняшнюю ночь волею хозяев в бальный зал, цветочный аромат почти не чувствовался. Непонятно почему.

Натаниэль скуцающе посмотрел в темное небо с яркими огоньками звезд. Механически отметил перевернутую дубльвэ Кассиопеи, ковш Большой Медведицы над горизонтом. И конечно, любимое свое созвездие – Орион. Почему любимое, он не знал. Проверив таким образом память на школьный курс астрономии, Натаниэль отвел взгляд от далеких звезд.

– Ну что? – спросил он Маркина. – Как тут дела? Никто не покушался на честь и достоинство нашего нанимателя? Дай-ка сигарету.

– Опять? – спросил Маркин.

– Что – опять? Ах да, – вспомнил Розовски, – ты же у нас куришь трубку. Ну, извини. У шефа память дырявая. Бывает.

– Если бы только память, – проворчал Маркин.

– А что еще?

– По-моему, и карман у тебя тоже дырявый.

– Потому мы с тобой и торчим здесь, – напомнил Натаниэль. – Чтобы залатать этот карман... – он посмотрел на часы. – Ч-черт, еще три часа тут болтаться. Может, сходишь туда? Пугнешь гостей. Посмотришь на них суровым взглядом. Постоишь под пальмой. Там красивые пальмы растут у эстрады. Две штуки. И лианы с китайскими фонариками. А? А начальник подышит свежим воздухом. Между прочим, по двору гуляет парочка совершенно натуральных депутатов. Они, по-моему, от русского размаха немножко обалдели.

– Что за депутаты? – поинтересовался Маркин.

– Я видел Якова Арци и Шмуэля Гордона. А вот журналистов, на которых наш друг рассчитывал, по-моему, нет. Хотя черт их разберет, в масках-то... Ладно, – он вздохнул. – Похоже, у тебя не появилось желание туда идти. Придется мне.

Носилки с балдахинном все еще стояли посередине овального двора, и «китайский богдыхан» с веером в руке сидел на подушках в прежней позе. «Крепкий мужичок, – одобрительно подумал Натаниэль. – Даже не шелохнется.» Он остановился напротив паланкина и вежливо поинтересовался:

– Не надоело? Может, выйдем покурим? Опрокинем по рюмочке.

«Китаец» не ответил.

– Как угодно, – Розовски махнул рукой и двинулся дальше.

Время никак не желало сокращаться. Застыло, хоть тресни. Только далеко за полночь музыканты начали делать все большие перерывы между танцами, а число гостей постепенно сократилось. Ближе к трем часам во дворе осталось не более десятка, – плюс официант и бармен.

А в самом центре так и стояли носилки с невозмутимым «китайцем».

«Похоже, беднягу забыли», – подумал Розовски. Он собрался подойти ближе и предложить вызвать такси, раз уж носильщики благополучно разъехались.

Его опередила хозяйка.

– Прикажете подавать карету, сударь? – шутливо спросила Виктория. Гость не ответил.

Его неподвижность вдруг показалась Натаниэлю странной и даже пугающей. Он быстро отстранил Смирнову и осторожно взял «богдыхана» за плечо. От его движения «китаец» завалился назад, голова упала набок.

Розовски сорвал желтую маску и отступил на шаг. Какая-то женщина (Натаниэль почему-то был уверен, что не хозяйка) истерически закричала.

Из-под маски глазам немногих, еще не успевших покинуть роскошную виллу Аркадия Смирнова, предстало искаженное судорожной гримасой лицо самого хозяина.

Если Натаниэлю чего-нибудь хотелось меньше, чем вообще находится в этом дворе и в это время, так это чтобы полицейский наряд возглавлял его старый друг, бывший сослуживец и подчиненный старший инспектор Ронен Алон.

Врач, прибывший на скорой, после короткого осмотра, сообщил о необходимости известить полицию. На вопрос Натаниэля о причинах смерти врач почесал в затылке. Он был молод, лет двадцати пяти-двадцати семи. Видимо, совсем недавно окончил университет и еще не привык обрывать любопытствующих и смотреть сквозь собеседника.

– Черт его знает... – в его голосе звучало некоторое сомнение. – Похоже на смерть от удушья. Так что симптомы очень похожи на отравление каким-нибудь цианидом... – врач покосился на лежащий у руки покойника бокал с остатками темной жидкости. Натаниэль тоже посмотрел туда, подошел ближе, присел на корточки. Вынул из кармана пачку бумажных салфеток, вытащил одну. Обернул ею бокал, осторожно поднял. Принюхался. Повернулся к врачу и покачал головой.

– Никакого запаха, – он осторожно положил бокал на место и поднялся. – Это не синильная кислота. И вообще, не цианид.

– Но симптомы похожи, – повторил врач. – Не знаю, не знаю... Все-таки, в таких сомнительных случаях следует извещать полицию.

Розовски кивнул и отошел в сторону. Картина действительно была похожа на отравление. В самый неподходящий момент и в самом неподходящем месте.

Чудес на свете не бывает. Вернее бывают – малоприятные. Так что спустя четверть часа, перед мрачным сыщиком стоял не менее мрачный инспектор полиции.

– О Господи... – пробормотал Натаниэль. – Ты что – специально выбираешь время дежурства?

– То же самое я хотел бы спросить у тебя, – язвительно заметил инспектор Ронен Алон. – Ты не мог бы находить покойников в другие дни? Например, когда я отдыхаю или в отпуске?

Они представляли собою комичную пору – рослый, чуть грузный Розовски и невысокий поджарый Алон. Когда-то служили вместе и были, что называется, не разлей вода. Уход старшего друга и начальника из полиции в частный сыск вспыльчивый Алон воспринял как смертельное оскорбление. И если прочие бывшие коллеги просто перенесли на Натаниэля общую профессиональную неприязнь полицейских к частным детективам, то у Ронена в груди в течение всех этих лет горела незаживающая рана, вызванная таким предательством.

Словно в насмешку судьба в образе Владимира-Зеева Баренбойма вечно подбрасывала Натаниэлю дела, заставлявшие его пересекаться с Роненом.

На риторический вопрос инспектора Розовски не ответил, да тот и не ожидал ответа. Он быстро принялся распоряжаться прибывшими полицейскими. Двое встали у входной двери, двое – у заднего выхода. Эксперт Нохум Бен-Шломо, добрый приятель Натаниэля, издали кивнул сыщику и склонился над телом хозяина виллы. Маленький щуплый инспектор Алон мячиком летал по двору. Через короткое время все находилось на своих местах: сбившиеся в кучку гости (те из них, кто не успел покинуть вечеринку до обнаружения тела), отдельно – на угловой скамье под бдительным присмотром дюжего полицейского – окаменевшая Виктория Смирнова, в центре – парочка экспертов, занимающихся покойником.

И, разумеется, отдельной группой, частный детектив Натаниэль Розовски с помощником. Ронен сделал вид, что только сейчас заметил на них переговорные устройства.

– Смотри-ка! – протянул он. – А что это у вас? Вы кого изображали? Инопланетян?

– Мы изображали охрану, – нехотя сообщил Натаниэль.

– Понимаю, понимаю, – Ронен сочувственно покачал головой. – Это действительно тяжелая задача. И честно скажу – вы с ней вполне справились. Сколько тут было гостей?

Натаниэль вытащил из кармана листок с фамилиями приглашенных.

– Тридцать два, – ответил он.

– Вот! – торжествующе сказал инспектор Алон. – Я же говорю – тридцать два охраняемых в течение... какого времени?

– Восьюми часов.

– В течение целых восьми часов такие профессионалы охраняют двор с тридцатью двумя отдыхающими – и в результате только один труп. Я горжусь вами, ребята, – сердечно сказал он. – Вы превзошли сами себя! Вас можно заносить в книгу рекордов Гиннеса. Сколько вам заплатили?

– Пока – несколько, – отрезал Розовски. Маркин удивленно взглянул на шефа, но промолчал. Натаниэль действительно собрался вернуть чек, врученный авансом. Но помощнику об этом сказать не успел. Впрочем, Маркин, не первый год работавший с Натаниэлем, привык к идиотским, по его мнению, поступкам шефа. К таковым он, без сомнения, относил периодические возвраты авансов – в тех случаях, когда Розовски полагал свою работу недостаточно эффективной. Маркин еле заметно пожал плечами – на большее выражение несогласия он никогда не решался – и отвернулся.

– Послушай, Ронен, – сказал Розовски. – Я должен тебе объяснить кое-что.

– Конечно, – согласился инспектор. – Еще как должен. И я с удовольствием выслушаю твои объяснения, но – позже. Ты явишься завтра в управление и все мне расскажешь. Договорились? А сейчас – извини, у меня много дел. Я принимаю твои охранные функции на себя. Можете идти.

– Я могу переговорить с хозяйкой? – угрюмо спросил Натаниэль.

Алон повернулся и посмотрел на Смирнову. Даже отсюда было видно, что ее колотит крупная дрожь.

– Не думаю, – сказал он сухо. – Ей сейчас нужна помощь врача, а не частного детектива. Все, Натаниэль, тебя здесь никто не держит. Езжай домой и хорошенько обдумай, что ты будешь говорить мне завтра.

– Сигареты есть? – спросил Натаниэль.

Инспектор Алон, после некоторого колебания, протянул ему пачку «Тайма». Розовски закурил. Он терпел отсутствие сигарет в течение восьми часов, и теперь сразу же закружилась голова.

Увидев, что начальник закурил, Маркин тоже извлек из кармана свою черную обгрызенную трубку и принялся энергично набивать ее табаком.

Алон демонстративно повернулся спиной к бывшему сослуживцу и жестом подозвал сержанта, опрашивавшего гостей.

– Ни черта, – с досадой сказал сержант, листая блокнот. – По-моему, они все тут немножко того, – он покрутил пальцем у виска. – В общем, выходит так, что в носилках сидел кто-то другой, а потом этот другой превратился в труп хозяина виллы.

– И кто же этот другой? – поинтересовался инспектор.

– Неизвестно. Он был в маске с самого начала. То есть, его внесли на носилках, поставили посередине зала. Он сидел, сидел, а потом, когда маску сняли, оказалось – хозяин... – сержант заглянул в блокнот и прочитал по слогам: – Смирнов.

Алон кивнул. Судя по глубокой задумчивости, обозначившейся на его обычно подвижном и живом лице, из объяснения сержанта он не понял ровным счетом ничего. Натаниэль ему искренне посочувствовал.

– А может быть, это и был хозяин? С самого начала? – спросил инспектор.

Розовски счел необходимым вмешаться:

– Хозяин встречал носилки.

Ронен смерил его откровенно недоверчивым взглядом:

– Ты уверен?

– Уверен. Четверо парней внесли носилки в зал, поставили. Там, где они сейчас стоят. Потом к носилкам подошел господин Смирнов.

«Или кто-то, обрядившийся в его костюм,» – подумал вдруг Розовски. Но говорить этого вслух не стал.

– А потом сидевший на носилках превратился в господина Смирнова, – глубокомысленно заключил инспектор Алон. – К тому же, умершего. Не морочь мне голову, Натан. Я же сказал – завтра дашь объяснения. Пока что у тебя получается нечто вроде сказки. Или бреда. Куда, по-твоему, девался первый? Тот, кого приветствовал хозяин?

– Понятия не имею, – честно ответил Натаниэль.

– А кто принес носилки?

– Гости показывают, что было четверо парней, – повторил сержант с блокнотом.

– Тоже в масках? – недоверчиво спросил инспектор.

– Тоже в масках.

– Что за идиотская затея! – с досадой сказал инспектор. – Ну как тут составишь словесный портрет? Как определишь хоть какие-то приметы? Ни черта не получится!

Подошел доктор Бен-Шломо.

– Смерть наступила, насколько я могу судить, более двух часов назад, – сообщил он. – Причина, как и предположил врач «скорой помощи», отравление ядом. Действительно, похоже на синильную кислоту, но по ряду признаков я бы предположил, что был использован какой-то синтетический яд. Вот только какой именно – посмотрим на вскрытии... Ч-черт, вся эта синтетическая новомодная гадость имеет скверную привычку не оставлять следов! – с досадой добавил эксперт. – Одна надежда на анализ остатков в бокале. Что-то там есть на доньшке.

Инспектор молча кивнул. Вдруг глаза его изумленно округлились и он вполне внятно и громко выругался. Натаниэль, собиравшийся было подойти к декоративным носилкам, удивленно оглянулся. К ним быстрым шагом приближался Кинг-Конг собственной персоной. Клыки гигантской обезьяны, казалось, сверкали в радостном предвкушении.

Впрочем, приблизившись к Натаниэлю и инспектору, Кинг-Конг сдвинул маску на лоб, так что она превратилась в нечто вроде бейсбольной кепочки. Розовски с трудом сдержал стон, рвавшийся сквозь сцепленные зубы. Обезьянья маска скрывала обманчиво-добродушную физиономию Амнона Герцога, корреспондента уголовной хроники из газеты «Хадашот а-ир». Похоже, покойному Аркадию действительно удалось поддразнить газетчиков. Только вот эффект получился явно не тот, на который рассчитывал устроитель вечера.

Увидев, что Герцога в первую очередь интересуется инспектор, Натаниэль поспешил притвориться помощником экспертов и деловым шагом приблизился к укрытому покрывалом телу в центре двора. Правда, остановился он на расстоянии двух метров – чтобышний раз не раздражать Алона, бросавшего в его сторону свирепые взгляды. Ему подумалось, что сейчас декоративные носилки напоминают фамильный склеп: драконы-гербы, вычурная резьба. Кто-то не пожалел денег на этот безумный спектакль.

Он докурил сигарету, поискал, куда выбросить. Не нашел. Затушил окурки о подошву, положил в карман. По словам эксперта выходило, что между шуточной встречей Аркадия Смирнова и неизвестного в китайской маске и до смерти Смирнова прошло не более четверти часа. Ну и ну. Встретились, поговорили.

Потом зачем-то поменялись местами (Натаниэль был уверен, что именно так Смирнов оказался в носилках: мертвого на глазах гостей в паланкин не втащишь). Это как раз легко можно было сделать. Натаниэль вспомнил о шторках, прикрывавших внутренности паланкина от посторонних глаз. Дальше... Дальше в руке Смирнова оказался бокал с отравленным вином.

Розовски хмыкнул. Кому понадобился этот идиотский спектакль? Меняться местами... С кем? И куда этот неизвестный исчез?

И когда?

Несколько раз сверкнула фотовспышка – напарник Герцога, обряженный каким-то индийским раджей, старательно отработывал задание. Окрик инспектора на него не подействовал никак.

Отделавшись от настырного Амнона, инспектор направился к бармену и официанту, стоявшим за стойкой бара и явно не торопившимся уходить.

Аммон ухватил за локоть Натаниэля.

– Ну, а ты что скажешь, Натан? – спросил он. – Мнение полиции мне уже известно.

– Уже есть мнение? – пробормотал Натаниэль. – Быстро ребята действуют. А думают еще быстрее.

– Так что? – спросил Аммон. – Ты знаешь, что здесь происходило?

– Вечеринка, – ответил Розовски. – На которой ты, Аммон, тоже присутствовал.

Журналист досадливо отмахнулся.

– Мы пришли сами. Никто нас не звал. Просто появилась информация – дескать, богатые русские будут гулять, устраивается маскарад, карнавал, черт-те что. Я и подумал: а вдруг?

– Вот тебе и вдруг. Извини, Аммон, я на службе. Никаких комментариев.

– Брось, Натан, ты же уже не в полиции, – усмехнулся Герцог. – Мне ли не знать!

– Именно, Аммон, именно, – ответил Розовски. – Не в полиции. Потому и должен следить за собой, – он отвернулся. Разочарованный Герцог направился к кучке испуганных гостей.

Между тем инспектор Алон закончил беседовать с официантами, вновь подошел к сыщику.

– Ну и ну, – раздраженно сказал он. – Что же получается: покойник в течение двух часов находился у тебя перед глазами, а ты ничего не заподозрил?

Против желания, Натаниэль опустил голову. Возразить инспектору Алону было нечего. Разве что объяснить, что он, Розовски, совершенно убежден в том, что покойники имеют обыкновение находиться на кладбище. В крайнем случае, в морге. Но никак не посреди ярко освещенного танцевального зала в самый разгар праздничного бала.

– Он был в маске, – Розовски чувствовал, что Алон имел все основания иронизировать. Большого провала Натаниэль не помнил за всю свою жизнь. – И потом, Ронен: это была чистой воды мистификация. Никто ничего не опасался, никто всерьез не относился к обеспечению безопасности.

– Вот как?

– Хозяин просто хотел разыграть гостей. Вернее, газетчиков... – Натаниэль понял, что его объяснения звучат как весьма неуклюжие оправдания. – Во всяком случае, так он мне сказал... Ладно, я потом тебе все объясню. Значит, мы можем быть свободными?

Не отвечая, Ронен Алон добавил, словно размышляя вслух:

– И злоумышленник мог благополучно ускользнуть у вас перед носом. Если только он был, этот злоумышленник.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Розовски.

– Может быть, господин Смирнов таким вот образом решил покончить счеты с жизнью? С кем-то договорился, потом залез в носилки, выпил яд. Судя по всему этому, – Ронен обвел рукой овальный двор, – он отличался эксцентричным характером, разве нет?

Натаниэль промолчал. Ему тоже приходило в голову такое объяснение.

– Ох-хо-хо... Ладно, идите, – инспектор махнул рукой. – Натаниэль, на твоём месте я бы вернул министерству юстиции лицензию. Кроме шуток. Детектив, на глазах которого убивают клиента, – это, знаешь ли...

Розовски повернулся и вышел. Маркин последовал за ним.

– Он прав, – хмуро сказала Натаниэль, когда они отъехали от злополучной виллы. – Какой я, к черту, детектив? Смех один.

Сидевший за рулем Маркин промолчал. Впрочем, Розовски и не требовал ответа.

– Ты видел, как эти парни ушли? – спросил Натаниэль после продолжительной паузы.

– Какие?

– Которые привезли «китайца».

Маркин отрицательно качнул головой.

– Видимо, ушли через заднюю дверь... Эх, ч-черт... – с досадой сказал Натаниэль. – Ну зачем мы ввязались в эту историю? Пошутить ему захотелось, шутник...

– Мы! – фыркнул Маркин. – Не мы, а ты!

– А ты что же – не мог меня отговорить?

Задыхнувшийся от негодования Маркин чуть не завалил машину в кювет. Нажав на педаль тормоза так, что нога едва не продавила старенькой «субару» днище, он возмущенно повернулся к начальнику.

– Я не мог отговорить?! – заорал он. – Да я так мотал головой, что у меня чуть уши не оторвались!!

– А что ты орешь? – в свою очередь рявкнул Натаниэль. – Ты что – первый день со мной работаешь? Знаешь ведь, что у меня развито чувство противоречия! Хотел отговорить – надо было уговаривать принять заказ! Тоже мне... Ладно, поехали, – сказал он неожиданно спокойным тоном. – Чего ты остановился?

– В следующий раз... – Маркин вывернул на основную трассу, ведущую от Кфар-Шауль в Тель-Авив. Трасса была совершенно пуста. – В следующий раз так и сделаю. А еще лучше – просто уволюсь... Слушай, Натан, ты что – серьезно? Насчет оплаты?

– А ты как думал? – проворчал Розовски. – Хорошенькое обеспечение охраны. Ты хоть понимаешь, что в течение последних двух часов мы были телохранителями – в буквальном смысле слова. Именно хранителями тела. Бездыханного. А оно, между прочим, никуда исчезать и

не собиралось... – Натаниэль мельком взглянул на помощника и снова уставился на бегущую в свете фар трассу. – Так что завтра придется ехать к вдове и возвращать чек.

Маркин тихонько вздохнул.

– Сочувствую, – сказал он искренне. – Разговаривать с вдовой при таких обстоятельствах... – он покачал головой.

– А ты не разговаривай, – посоветовал Натаниэль невинным голосом. – О чем тебе с ней разговаривать?

Маркин снова тормознул. Если бы не ремни безопасности, Натаниэль ткнулся бы носом в стекло.

– Это почему же я не должен с ней разговаривать? – спросил Маркин с подозрением. – Вообще: при чем тут я? Что ты еще придумал?

– Ничего я не придумал, – ответил Натаниэль. Похоже, его вдруг очень заинтересовала пустая дорога и натыканные по обе ее стороны дорожные указатели и огромные рекламные щиты, способные до смерти напугать малоопытного автомобилиста. – Завтра поедешь к вдове и вручишь ей чек. Вместе с нашими соболезнованиями. Вот и все. А разговаривать с ней не нужно. И прекрати останавливаться через каждые десять метров. Так мы никогда не доберемся домой... – он вздохнул, приблизил к глазам раскрытую ладонь. На ладони лежал небольшой – сантиметра полтора на два – клочок бумаги.

– Что это у тебя? – поинтересовался Маркин, бросив недовольный взгляд на начальника.

– Да так... – неопределенным тоном ответил Розовски. – Какая-то бумажка. Валялась возле балдахина.

– На ней что-то написано? – спросил Маркин.

– Да нет, ничего не написано... – отозвался Натаниэль. Он какое-то время вертел бумажку, потом поднял ее, посмотрел на просвет. Хмыкнул, немного подумал и спрятал в карман.

– Сокрытие улики, – заметил Маркин. – Ну у тебя и привычки!

– Какая это улика? – хмуро ответил Натаниэль. – Никакая это не улика. Бумажка.

– Что же ты ее не выбросил? – ехидно спросил Алекс.

– Сохраню на память. Ты за дорогой смотри, – сердито приказал Розовски. – Опять в кювет съедешь, а на меня свалишь.

Согласно классификации Натаниэля, существующие неприятности можно разделить на две большие категории. К первой относятся неприятности временные, целиком создающиеся самим человеком. Например, поленился сделать что-то важное, и после этого вынужден тратить время на исправление результатов собственной лени. Ко второй категории относятся неприятности постоянные и никак от тебя независящие.

Например, существование большого числа родственников, требующих внимания и помощи.

Утром, через два дня после происшествия в Кфар-Шауль, Натаниэля ждала неприятность именно такого рода. Когда он с мокрыми после душа волосами вышел в кухню и привычно поцеловал хлопотавшую у плиты мать в морщинистую щеку, та тут же сказала:

– Натанчик, мне нужна твоя помощь. Дело очень серьезное. Розовски встревожился.

– Понимаешь, вчера позвонила Бэлла. Так вот, у нее большие проблемы с Гариком, можешь себе представить? – мать поставила перед Натаниэлем тарелку с поджаренными тостами и тоненько нарезанным сыром.

– Бэлла, – пробормотал Розовски. – Ах да. Бэлла... – он так и не вспомнил, кто из ближайших родственников с материнской стороны носит это имя. – И что же за неприятности с... с кем, говоришь? С Гариком? Это кто, муж?

– Натан! – мать решительно грохнула кастрюлей. – Пожалуйста, не притворяйся склеротиком! Что за моду ты себе взял? Гарик – сын Бэллы. Твой, между прочим, племянник... – она замолчала, сосредоточенно хмурясь. – Нет, племянником он приходится твоему двоюродному брату Арику. А тебе... – мать задумчиво вытерла руки фартуком. – Кем же он приходится тебе?...

Натаниэль молча уплетал бутерброды, запивая их кофе. При этом он не забывал бросать на молчавшую мать вопросительные взгляды. Сарра Розовски обладала примерно тремя десятками (а может, и сотнями) родственников, имевших обыкновение сваливаться на голову в самый неподходящий момент и с самыми невообразимыми проблемами. Натаниэль очень надеялся, что на этот раз проблема сведется к плохой успеваемости неизвестного племянника. Или его мальчишеской грубости. Неясно было, впрочем, мальчишка ли он. Иные племянники, остро нуждавшиеся в помощи, приближались к пенсионному возрасту.

– Неважно, – наконец, сказала мать, окончательно запутавшись в родственных связях своего семейства с взывающими о помощи Бэллой и Гариком. – В общем, она случайно вскрыла письмо, присланное ему. И прочитала. Ну, ты понимаешь: все-таки, сын. Она бы ни в коем случае не стала читать запечатанное, но раз уж вскрыла – по ошибке. В общем, прочитала.

– И что же? – Натаниэль окончил завтрак, отодвинул пустую чашку. – Вообще-то, читать чужие письма всегда считалось занятием предосудительным, если они не были написаны классиками марксизма-ленинизма. Об этом даже в Талмуде написано... Так что? Что оказалось в письме? Инструкции по похищению начальника генерального штаба? Тайный план русской мафии по захвату контроля над тель-авивским рынком А-Тиква?

– Перестань болтать глупости! – Сарра Розовски сердито поджала губы. – С тобой невозможно говорить серьезно, а дело очень серьезное! Бэлла лежит с гипертоническим кризом, Борис – это ее муж, – собирается идти в полицию, но боится оставить Бэллу! А ты тут шуточки шутишь: штаб, рынок... Взят себе моду смеяться над матерью!

– Я вовсе не смеюсь, мама... Так что же там было, в этом письме? – спросил Натаниэль. – И, кстати говоря, сколько лет моему племяннику Гарикку?

– Гарикку, слава Богу, уже пятнадцать. А в письме... Я сейчас покажу, – мать быстро выпорхнула из кухни и тут же вернулась с двумя листками бумаги, приколотыми к конверту. – Вот, прочитай.

Прежде, чем читать письмо, Натаниэль внимательно осмотрел конверт, обратный адрес: «Беэр-Шева, улица Жаботинского...» Край конверта оказался оторванным – случайно или нарочно, – так что ни номера дома, ни номера квартиры не было. «Будем надеяться, что улица Жаботинского в Беэр-Шеве не самая длинная», – подумал Натаниэль.

– Читай, читай! – потребовала мать. – Что ты марки разглядываешь?

Розовски послушно прочитал:

«Здравствуй, Гарик! Спасибо за письмо...»

– Это можно пропустить. Читай дальше. Со второй страницы, – подсказала мать.

Натаниэль послушно перевернул листок:

«Что же касается твоей просьбы, то в двух словах дело обстоит так. Рыжая телка забеременела от придурка в драных джинсах – это который взял кассу супера еще при тебе. Ты должен помнить»... Это о ком? – чуть ошарашено спросил он.

– Читай, читай, – мать скорбно вздохнула.

– «Ее папаша поклялся придурка прикончить, но пока что, по ошибке, отправил на тот свет ни в чем неповинного туриста из Мексики. Студент окончательно спился – при тебе он был маменькиным сыночком, мы еще смеялись: и говорит шепотом, и краснеет на каждом шагу. А теперь он еще и на иглу подсел. В общем, сейчас все ждут – чем закончится дело с папашей той рыжей и сможет ли полиция найти придурка, взявшего кассу (он там при этом еще убил хозяина и посетителя, ты должен помнить). Вот так обстоят наши дела, если вкратце. Пока, твой Владик»... Ну и ну, – сказал Натаниэль. – И кто же этот Владик?

– Один из его друзей. Живет в Беэр-Шеве, – ответила мать. – Гарик иногда к нему ездит. В гости. Ты можешь себе представить, в какую там компанию попал мальчик?

– Да уж, – пробормотал Натаниэль. – Хороша компания. Наркоман, грабитель. Девочка, похоже, та еще... Убийство... Хотя и по ошибке, но предумышленное. Можно, конечно, переиграть на состоянии аффекта. Если найти хорошего адвоката...

– Натанчик! – мать молитвенно сложила руки на груди. – Я тебя прошу: разберись с этим делом. Выясни – что это за бандиты и сделай так, чтобы они отцепились от Гарика! Бэлла этого не переживет. И Боря тоже. Я не верю, что наш Гарик мог спутаться с такими босяками! Я уверена: они хотят мальчика запутать, а потом шантажировать! Вот помани мое слово...

– Ладно-ладно, – Натаниэль сложил письмо и спрятал его в карман. – Позвоню в полицейское управление Беэр-Шевы, узнаю. Что-нибудь придумаем. Не переживай. И успокой родственников, спасем вашего Гарика.

– Нашего! – поправила сердито мать. – Нашего Гарика.

– Пусть нашего, – со степенями родства Розовски так и не разобрался. – Мне пора.

Зазвонил телефон. Мать сняла трубку.

– Алло... Да, сейчас, – она протянула трубку Натаниэлю. – Тебя. Женщина.

Розовски взял трубку:

– Алло, слушаю.

– Простите, что беспокою, – голос показался смутно-знакомым. – Я звонила в офис, но ваш помощник – Саша, кажется? Он сказал, что вы, скорее всего, еще дома.

Теперь Натаниэль узнал Викторю Смирнову. Настроение, и без того паршивое, упало почти до нулевой отметки. «Убью Маркина! – мрачно подумал Натаниэль. – Сегодня же, не откладывая в долгий ящик. Могу же я позволить себе поступок для улучшения душевного состояния?»

Картина убийства обалдую-помощника так ярко предстала перед его глазами, что он даже заулыбался. И совсем забыл, что на той стороне провода ждут его ответа. Спohватившись, он произнес нейтральным голосом:

– Госпожа Смирнова, мне, право же, очень жаль. Примите мои соболезнования. Конечно, я должен был приехать сам, но...

Она перебила его:

– Перестаньте, я вас ни в чем не виню. Это же действительно задумывалось, как розыгрыш. Вы не могли ничего сделать. И я звоню вовсе не для того, чтобы сделать вам выговор.

– Вот как? – промямлил Розовски. Настроение, вместо того, чтобы улучшиться, осталось паршивым, но теперь к нему примешалось еще и неопределенное беспокойство.

– Мне нужна ваша помощь, – сказала Смирнова. Мы можем встретиться?

– Сегодня?

– По возможности – сейчас.

– Будет лучше, если вы объясните, что именно от меня требуется, – осторожно заметил Натаниэль.

– Господи, ну что может понадобиться от частного детектива?! Я хочу проконсультироваться с вами... – она запнулась, а когда вновь заговорила, в ее искусственно-спокойном голосе почему-то

послышались истерические нотки. – Очень, слышите?! Забудьте о деньгах! Не надо было их присылать! Я... – она вновь замолчала. Совсем растерявшийся Натаниэль услышал в трубке всхлипывания.

– Успокойтесь, успокойтесь, Виктория, – торопливо заговорил он. – Конечно, я помогу вам, с удовольствием! («Что я плету? Какое тут удовольствие?»). Я сейчас как раз собирался в агентство, так что, если вы подъедете туда, мы обо всем поговорим. Это на улице Алленби, очень легко найти. Там есть здание – если ехать от старой автостанции...

Женщина поспешно перебила его:

– Извините, господин Розовски, я сейчас не в том состоянии, чтобы куда-то ехать или идти. Без конца кто-нибудь приходит, понимаете... Не могли бы вы приехать ко мне? Пожалуйста!

– Хорошо, – ответил Розовски, ругая себя за мягкотелость последними словами. Несколько раз, вместо того, чтобы принимать клиентов в конторе он соглашался приехать в назначаемое ими место. И вечно попадал в неприятности. – Буду у вас примерно через полчаса.

– Спасибо, – она положила трубку.

Розовски некоторое время рассеянно смотрел перед собой, потом тоже положил трубку – так осторожно, будто та была сделана из хрупкого стекла.

– Уф-ф... – выдохнул он и озадаченно посмотрел на мать, все еще стоявшую рядом. – Вот ведь какие дела... Вечно я встречаю во что-нибудь...

Мать с готовностью кивнула. Она была полностью согласна с последним замечанием. Мало того: именно об этом она твердила сыну без малого пять лет – с тех самых пор, как Натаниэль Розовски оставил уважаемую и серьезную должность в полицейском управлении Тель-Авива и открыл детективное агентство, специализировавшееся на «русских» делах. Натаниэль развел руками – мол, знаю, знаю, а что делать? Мать молча удалилась в кухню, а он позвонил в агентство. Ответила секретарь Офра.

– Привет, девочка, – сказал Натаниэль. – Дай-ка мне нашего бездельника.

– Бездельник занят делом, – радостно сообщила Офра. – Наш клиент, который просил вернуть удравшую жену, вчера ночью попал в больницу с множественными переломами ребер. Его избил новый ухажер жены, тот самый, которого Маркин вроде как уговорил вернуть красавицу законному супругу. Ухажер вернул, но после передумал. И нашего Маркина вызвали в полицию, поскольку его имя фигурирует как в показаниях потерпевшего, так и в показаниях виновника, – все это она выпалила, как обычно, одним духом.

– Ага-а... – растерянно протянул Розовски. – В полицию. Понятно. Давно уехал?

– Только что. Когда ты приедешь? – спросила она.

– Когда приеду, – честно ответил Натаниэль. – Так и говори всем, – он перезвонил Маркину на мобильный телефон:

– Саша? Мне нужна твоя машина.

– Не могу, – в голосе Маркина слышались торжествующие нотки. – Я как в том анекдоте, знаешь? «Где Рабинович?» – «Он на даче показаний». Так вот, тот Рабинович – это я. Я еду на дачу показаний.

– От твоих показаний там никому не будет ни холодно, ни жарко, – сказал Натаниэль. – Так что ты сейчас снова не Рабинович, а Маркин, и едешь прямо ко мне домой. Все претензии пусть адресуют старшему инспектору Ронену Алону, отдел по расследованию убийств, округ Яркон. В случае чего, скажешь, что он тоже вызвал тебя для дачи показаний. В связи с происшествием в Кфар-Шауль. К нему ты тоже, конечно, не поедешь, но зато у тебя будет прекрасный повод... – Натаниэль подумал немного. – Нет, даже два повода не ехать в полицию вообще. Так что езжай ко мне.

В ответ Маркин только вздохнул. Эти вздохи продолжались уже несколько лет – с тех самых пор, как Маркин впервые появился в конторе Натаниэля. А связаны они были с тем, что Розовски категорически отказывался обзаводиться автомобилем, всякий раз весьма убедительно обосновывая преимущества общественного транспорта перед частным. Это отнюдь не было связано с жадностью. Просто еще в период жизни на доисторической родине Натаниэль с некоторой оторопью наблюдал за странными изменениями в психике и поведении тех своих знакомых, кто поддавался слабости и купил сверкающее никелем и лаком чудовище. Знакомые менялись на глазах, превращаясь в рабов неодушевленных, но тем не менее весьма жадных

предметов. Самым страшным было то, что рабы себя таковыми не чувствовали, они любили коварных рабовладельцев, заботились о них, гордились ими. Тогда Натаниэль поклялся себе никогда и не при каких обстоятельствах не уподобляться подобным мутантам. Что удивительно: почему-то несчастный образ водителя собственной машины никак не влиял на управление машинами чужими. Полицейский психолог, которому Натаниэль однажды рассказал об этой своей навязчивой идее, в ответ принялся разглагольствовать пространно и путано, каким-то образом увязывая машины с женами, объясняя поведение Натаниэля боязнью семейного очага и склонностью к чужим женам. Розовски очень удивился и обиделся – во-первых, потому что семья у него в тот момент существовала, а во-вторых, потому что никогда он не был любителем ухлестывать за замужними дамами.

Так или иначе, но свой автомобиль у Натаниэля так и не появился. Несмотря на это, при необходимости он бесцеремонно завладевал старенькой «субару» помощника. Маркин пытался протестовать первые полтора года, упирая, главным образом, на нелогичность поведения шефа.

– Я только при расследовании логичен, – заявил Розовски. – А во всем остальном – принципиальный противник логики. Человек не должен вести себя логично. Это так же противоестественно, как бритый кактус.

И Маркин махнул рукой.

Подъехав к вилле Смирновых, Розовски не сразу покинул автомобиль. Настроение его, как уже было сказано, достигло нулевой отметки после телефонного звонка Виктории Смирновой. Так что теперь, если следовать все той же шкале, оно – то есть, настроение, – уже определялось величиной отрицательной. Что, естественно, не способствовало желанию встречаться с вдовой. Выругав себя в очередной раз за мягкотелость и слабость к женским слезам, Натаниэль, кряхтя, выбрался из машины – при этом «субару» скрипела и качалась, готовая вот-вот развалиться на составные части – и очень медленно двинулся к знакомой уже двери под небольшой изящной аркой. Когда до арки оставалось всего несколько шагов, дверь распахнулась, и по ступеням крыльца быстро сбежал мужчина. Он так стремительно двигался, что едва не сбил детектива. Пробормотав какие-то извинения, мужчина быстрым шагом направился к стоявшему чуть в стороне темно-вишневому «фольксвагену». Через мгновение раздался мягкий рокот двигателя, и «фольксваген», сразу же набрав скорость, помчался по шоссе Кфар-Шауль – Тель-Авив.

Чуть ошарашенный стремительностью незнакомца, Натаниэль покачал головой. На полицейского тот не был похож, значит, видимо, либо родственник погибшего, либо знакомый. Приезжал выразить соболезнование, а теперь старался наверстать упущенное время. Розовски поднялся по ступеням и нажал на кнопку дверного звонка. Немного подождал. Мягко щелкнул замок, дверь приоткрылась. Хозяйка даже не поинтересовалась, кто именно звонит.

Он вошел внутрь, прошел через парадный ход во двор. Здесь ничего не напоминало о недавнем испорченном празднике – эстраду, на которой резвились музыканты-орангутанги, разобрали, стойку временного бара тоже. Теперь этот двор представлял собою просто овальное пространство, не такое уж большое, обрамленное живой изгородью.

Натаниэль миновал небольшую застекленную галерею и вышел в просторный салон. Поначалу ему показалось, что помещение так же пусто, как и двор. Он огляделся с некоторой растерянностью. Женский голос, раздавшийся неожиданно близко, заставил его вздрогнуть:

– Здравствуйте, господин Розовски, спасибо, что приехали... – Виктория Смирнова, уже не в экзотическом наряде, а в длинном черном платье, неподвижно стояла в углу, за бочкообразным стволом декоративной пальмы. Солнце поднялось не очень высоко, и тень от растения почти полностью скрыла хозяйку виллы.

– Да-да, – пробормотал Натаниэль. – Извините, что... Я вас не сразу увидел, это дерево...

Виктория вышла ему навстречу и остановилась, зябко потирая руки.

– Я все время мерзну. Нервы.

Сейчас ее лицо выглядело очень постаревшим. Покрасневшие немного опухшие глаза, сеть морщинок, окружавшая ненакрашенные губы. Черный платок, скрывавший волосы, подчеркивало бледность. Натаниэль подумал, что не знает даже цвета ее волос – позавчера Виктория была в египетском парике.

– Похороны были вчера утром, – она сказала это лишенным всяких интонаций голосом. – Все так быстро, я даже не успела привыкнуть к тому, что его нет...

Натаниэль подумал, что к такому многие не привыкают и за двадцать лет. Вслух сказал:

– Да, еврейские законы предписывают как можно скорее предавать тело умершего земле. Примите мои соболезнования, Виктория.

Она кивнула, отошла к небольшому дивану, стоявшему в углу. Жестом пригласила сестр Натаниэля. Розовски пододвинул кресло, сел напротив. Хозяйка молчала, глядя в пол. Сыщик неловко кашлянул.

– Вы, наверное, не будете сидеть шив'у? – зачем-то спросил он.

– Что? Что не буду? – переспросила она.

– У евреев принято после похорон сидеть шив'у, – объяснил Натаниэль. – Семидневный траур. На полу, без стульев. Поститься, принимать соболезнования.

– А, – она махнула рукой, – какие мы евреи, Натаниэль? Мы нормальные советские люди. Не знаем ни обычаев, ни правил. Так вот... И потом: какая разница? Ему уже все равно. А соболезнования я и так принимаю.

– Вы правы. Наверное, сегодня было много посетителей? – спросил Розовски. – Одного я, по моему, только что встретил.

– Что?... Ах, да... Нет, это не посетитель. То есть, посетитель, но... Это юрисконсульт Арика. Цви Нешер, адвокат.

– Да? – Натаниэль вспомнил очки в тонкой оправе, светло-серый галстук с изящной булавкой. Действительно, настоящий преуспевающий адвокат. Хоть сегодня на плакат: «Будь юристом!» – Тогда понятно.

– Он пришел... Ну, во-первых, конечно, выразить соболезнование. А во-вторых – предложил свои услуги. На случай каких-либо осложнений с полицией.

– Вот как? – Розовски удивленно поднял брови. – А что, уже появились осложнения?

– Нет, но вы же сами понимаете, – Виктория неловко пожала плечами, – мы только называемся репатриантами. На самом-то деле мы живем в чужой стране. Не знаем законов, не знаем правил. Все может быть, так что хорошо иметь под рукой знающего человека.

– Иметь под рукой знающего человека всегда полезно, – согласился Натаниэль, – но вы зря волнуетесь. Так мне кажется.

– Он утром звонил в полицию, – сообщила Смирнова. – Я имею в виду Нешера. Ему дали очень странный ответ. Вот он и забеспокоился. Сразу позвонил мне. Еще до приезда. А я сразу же позвонила вам.

– И что же ему сказали в полиции? – спросил Розовски.

– Ну... Вроде бы, это... эта... В общем, то, что случилось вчера, весьма похоже на самоубийство.

– Вот как... – Натаниэль покачал головой. – Что же, это первое, что приходит в голову. И что вы сами по этому поводу думаете?

– У него никогда не было никаких суицидальных наклонностей! – с нажимом сказала Виктория. – Никогда, слышите? И никогда никаких поводов для... для такого безумного шага! Мой муж был нормальным человеком, энергичным и жизнерадостным. И никаких изменений настроения в последнее время я не замечала!

– Ну, он ведь мог просто скрывать от вас, – заметил Розовски. – Может быть, не хотел заранее огорчать. Может быть... – он сам понимал, как это звучит. На самом деле потенциальный самоубийца скрывает свое намерение отнюдь не из сердобольного отношения к близким. Какая уж тут, к черту, сердобольность! Плевать хотел самоубийца на окружающих, ему себя жалко, а не других. – Словом, – сказал он, – тут нельзя утверждать наверняка. Другое дело, если вы вспомните о каких-то планах, которыми он делился с вами, может быть, о планировавшихся им встречах. Знаете, – он сделал неопределенный жест рукой, – ну, если человек решил добровольно уйти из жизни, скажем, в воскресенье, то вряд ли можно будет в его карманном календаре обнаружить запись о встрече, которую он планирует на понедельник. Понимаете?

– Понимаю, – Виктория задумалась. – Н-нет, – сказала она с некоторой неуверенностью в голосе. – Честно говоря, я не могу припомнить... – она замолчала, растерянно посмотрела на сыщика. – Странно. Обычно я всегда знала о его планах. А ведь верно – ничего он не планировал. Ни поездок, ни встреч. Я имею в виду – последнее время. Я вот сейчас вспомнила: за этот злосчастный вечер он словно бы и не заглядывал. Будто какую-то веху поставил. А за ней – неизвестность...

– Кстати о вечере, – Натаниэль полез в карман за сигаретами, но сообразил, что не испросил разрешения закурить. Смирнова махнула рукой, пододвинула ближе к нему пепельницу. Пепельница стояла на крохотном журнальном столике с выгнутыми ножками, который Натаниэль принял поначалу за подставку для декоративных цветов. Потом увидел на стеклянной полочке журнал в яркой цветной обложке.

Вместо того, чтобы закурить, он рассеянно взял в руки журнал, полистал его. Журнал оказался туристическим, выходящем на английском языке, – и старым, за сентябрь прошлого года. Приглашал провести праздники Рош-а-Шана в Европе. На выбор – в Париже, Женеве, Вене.

– Ну и как? – зачем-то спросил Натаниэль. – Были в прошлом году в Европе?

– Я – нет, – ответила Смирнова. – Аркадий ездил. В Швейцарию.

– На праздники?

– Нет, деловая поездка. По-моему, на три дня.

«Полгода назад». Натаниэль еще не знал, зачем ему эта информация, спросил машинально, чтобы о чем-то спросить. Он отложил журнал и только сейчас заметил лежавший на полу маленький белый прямоугольник. Визитная карточка, видимо, использовалась в качестве закладки и только что выпала. «Цви Нешер, адвокат. Юридические, нотариальные услуги, консультации». Дальше шли два телефонных номера – домашний и служебный, номер факса, адрес.

– Очень кстати. Я могу взять эту карточку себе? – спросил Натаниэль. – На всякий случай.

– Конечно...

Сбоку хлопнула дверь. Из бокового помещения – Натаниэль догадался, что там располагается кухня, – выплыла странная процессия: три пожилые женщины одного роста и одинаково одетые в черные платья и платки. Женщины двигались гуськом, друг за другом. Дойдя до середины гостиной, они остановились и одновременно, словно по команде, повернулись в сторону детектива. Розовски быстро поднялся с диванчика.

– Моя тетя, – представила Виктория первую. – И ее подруги. Пришли мне помочь.

Натаниэль неловко поклонился. Он чувствовал неудобство под пристальными и, как ему казалось, не очень одобрительными взглядами трех пар одинаково прозрачных старческих глаз.

Женщины синхронно кивнули в ответ на его поклон. После чего головы в платках повернулись уже к хозяйке.

– Натаниэль Розовски, частный детектив, – сказала она. – Я попросила его помочь кое с чем разобраться. Тетя Роза, пожалуйста, оставьте нас еще ненадолго. Мы скоро закончим.

Храня прежнее молчание три парки, как про себя назвал их Розовски, выплыли из гостиной в сад.

Натаниэль покачал головой.

– Я как раз хотел задать вам вопрос, – сказал он, – не страшно ли оставаться одной в доме? Но вижу...

– Страшно, – ответила вдруг Виктория. – Тетя Роза, конечно, предложила побыть эти дни со мной, но я отказалась. Так что, все равно – одна. И в большом пустом доме.

– Зачем же вы отказались? – удивленно спросил Натаниэль.

Виктория пожала плечами.

– Не знаю. Во-первых, я не могу отвечать на вопросы, не могу разговаривать на отвлеченные темы. А тут придется. Тетя любит поговорить, и, – она улыбнулась уголками рта, – рассматривает односложные ответы как неуважение. Обижается. А во-вторых... Ну, неважно, – перебила она сама себя. – Перед их появлением вы хотели о чем-то меня спросить, но не успели. Верно? Насчет вечера.

– Да-да, – Розовски снова сел и, наконец-то, закурил. – Да, насчет вечера... Видите ли, госпожа Смирнова, я не очень понимаю свою роль. Мои вопросы – это, так сказать, рецидив старого полицейского прошлого. На самом деле – нездоровое любопытство. Давайте-ка сделаем так, – он внимательно посмотрел на дымящийся кончик сигареты. – Давайте сделаем так: вы объясните мне, для чего я приехал и в какой помощи вы нуждаетесь. А уж после этого я буду задавать вопросы.

«Или не буду», – добавил он про себя.

– Хорошо. Во-первых, называйте меня Викторией. Или просто Викой. «Госпожа Смирнова» – слишком официально. Во-вторых, насчет помощи... – она поправила платок. Прядь волос упала на лоб. – Можно сигарету?

Розовски протянул ей пачку своих любимых «Соверен», поднес огонек зажигалки. Она сделала одну затяжку, закашлялась, тут же погасила сигарету.

– Господи, неужели вы верите в то, что Аркадий покончил с собой?! – с силой произнесла она. – Это же чушь! Полная чушь!

– Самоубийство вашего мужа, – осторожно заметил Натаниэль, – не является предметом веры или неверия. Это всего лишь одна из версий, выдвинутых полицией. Определенные основания такая версия имеет. Отсутствие планов у вашего мужа после даты праздника. Загадка самого праздника – по какому поводу? Обещание сообщить какую-то важную новость во время маскарада. Может, важной новостью как раз и должен был стать такой вот эффектный уход из жизни... – он сделал небольшую паузу. Виктория не перебивала и не смотрела на него. – Думаю,

логика рассуждений полиции в данном случае такова, – сказал Розовски. – Ваш муж представляется им личностью эксцентричной. Подтверждением тому может служить, например, вчерашний маскарад. Манера одеваться. Кое-что в поведении, – он вспомнил визит Аркадия Смирнова в агентство. – Господи, да вы же сами вспомните массу мелочей, которые словно для того и случились, чтобы именно таким образом очертить характер вашего мужа! На самом-то деле, – поспешно добавил он, – эти мелочи бывают в жизни любого человека, но...

– Но не любой человек умирает столь экстравагантным образом, – перебила Виктория. – Вы это хотите сказать? Мелочи, которые вдруг приобретают особый смысл из-за смерти человека.

– В общем, да. Прибавьте к этому способ смерти – яд в вине. Один из самых распространенных способов, которыми пользуются самоубийцы. И, кстати говоря, для преднамеренного убийства – один из самых редких способов. Полицейские рассуждали следующим образом: «Богатый русский умер в результате отравления ядом. Место, способ и время свидетельствуют, что это никак не могло быть, например, заказное убийство».

– Почему? – спросила Виктория.

– Потому что киллеры не травят своих жертв ядом, да еще в столь экзотической обстановке, – объяснил Розовски. – Лишние расходы, не имеющие никакого смысла. Киллер действует огнестрельным оружием – обычно, разовым. В крайнем случае – холодным. Такова статистика: пуля и взрывчатка – семьдесят с лишним процентов, нож – оставшиеся. На все остальные способы приходится менее двух процентов. И среди этих двух процентов я не помню яда, – он понимал, что сказанное делает его толстокожим и безжалостным. Все-таки, через два дня после смерти человека обсуждать с его вдовой статистику преступлений как нечто отвлеченное, воспитанный человек, наверное, не стал бы. Но Розовски делал это сознательно. Виктория Смирнова выглядела замороженной. Он хотел вызвать хоть какие-то эмоции – гнев, неприязнь, неважно.

Пока что это Натаниэлю не удалось. Вдова совершенно равнодушно выслушала, какими способами следовало бы преступникам убить ее мужа с тем, чтобы следствие пришло к наиболее достоверной версии случившегося.

– Вообще, для преднамеренного убийства все выглядит слишком театрально, – продолжил Натаниэль деловито. – Я хочу сказать, что убийца должен быть столь же эксцентричен, как и ваш муж. Согласитесь... – он вдруг замолчал. Неясная мысль мелькнула у него, когда он произносил эти слова. Неясная, не до конца сформулированная, но, как будто, содержащая намек на ключ.

– Что? – спросила Виктория. Похоже, она просто не слушала детектива. – С чем я должна согласиться?

– Что?... – рассеянно пробормотал Натаниэль. – Нет, ничего, я просто... – он нахмурился. – Нет, это я так. Словом, – сказал он, – я вполне понимаю логику, которая привела полицию к версии о самоубийстве. Вот только не знаю, каков мотив. Без мотива все эти рассуждения остаются рассуждениями. Если человек не является неврастеником, если он не болен смертельной болезнью, если нет иного, столь же серьезного повода, вряд ли ему может прийти в голову мысль о самоубийстве... Скажите, – спросил он, – господин Нешер не говорил об этом?

Виктория покачала головой.

– Понятно... – разочарованно протянул Натаниэль. – И какой именно яд послужил причиной смерти, тоже, разумеется, не сообщали. Впрочем, скорее всего, они еще не получили результатов...

– Вы все время говорите: эксцентричная личность, экстравагантная личность, – Виктория смотрела перед собой, лицо ее выглядело неподвижной маской. – Но это неправда. Не был он ни эксцентричен, ни экстравагантен. Умен – да. любил розыгрыши. Любил дружеские компании. Любил путешествовать.

Натаниэль хотел было возразить, что необычной ему кажется лишь смерть Аркадия, что же до всего остального – он всего лишь изложил возможную точку зрения полиции. Но не стал.

– Ладно, оставим это, – сказал он. – Итак, чего же вы хотите от меня?

Вопрос был совершенно излишним. Розовски уже знал, что собирается предложить вдова. Мало того – он уже принял ее предложение.

– Расследуйте это дело, – сказала Виктория. – Распутайте его. Вы можете, я слышала от многих. Я не верю в то, что Аркадий покончил с собой. Значит, его убили. Я хочу, чтобы вы нашли

преступника, – она проговорила эти слова так, как профессиональные секретарши стучат на машинках – с короткими равными промежутками. Видимо, несколько раз репетировала.

Натаниэль тяжело вздохнул.

– Вообще-то я уже начал расследование, – он посмотрел на часы. – Минут пятнадцать назад. Все-таки, ваш муж погиб в тот момент, когда я должен был его охранять. Пусть это был розыгрыш, спектакль – неважно. Только учтите – я ставлю об этом в известность всех клиентов – возможности частного сыска в Израиле весьма ограничены существующим законодательством. Я не имею права допрашивать кого-либо – только беседовать при наличии согласия. И запись этих бесед ни одним судом не могут рассматриваться в качестве официального документа. Я не могу проводить обыск. Я не могу... – он махнул рукой. – Откровенно говоря, я и заниматься расследованием убийства не могу – расследованием полноценным, так сказать. Не имею права. Если об этом узнают – меня лишат лицензии. Я могу оказывать следствию – или частному лицу – только вспомогательные услуги. Например, полицейский следователь знает, что подозреваемый носил очки. В этом случае мне милостиво разрешается собрать сведения о наиболее покупаемых в Израиле формах оправ. И поделиться этими сведениями с полицией.

Теперь на бледном равнодушном лице Виктории появились какие-то эмоции – удивление, потом разочарование.

– То есть, я не могу вас нанять для расследования обстоятельств гибели моего мужа? – недоверчиво спросила Виктория.

Натаниэль отрицательно качнул головой.

– Но вы можете нанять меня для того, чтобы я собрал информацию частного характера о его времяпровождении... ну, скажем, в течение последних шести или семи месяцев, – пояснил он. – Предположим, вы хотите узнать, чем занимался ваш муж, скрывал ли он от вас какие-то свои знакомства... – Натаниэль поспешно поднял руку, видя, что Виктория хочет что-то сказать. – Я ни на что не намекаю, Боже сохрани! Я просто объясняю вам, как следует сформулировать наше соглашение, понимаете? Ведь я могу в ходе расследования столкнуться с полицией. Они почему-то всегда уверены в злом умысле с моей стороны. Должен же я объяснить им вполне невинный характер моих занятий... – он коротко улыбнулся. – Вот, а если в ходе такого сбора я натолкнусь на что-то особенное, способное пролить свет на это трагическое происшествие, – Розовски развел руками, – на все воля Божья. Мы сделаем определенные умозаключения, а потом честно передадим все обнаруженное полиции... Или адвокату, – добавил он, вспомнив сбегавшего по ступеням человека.

Виктория некоторое время колебалась. Детектив обратил внимание на то, что ей почему-то не понравилась оброненная им фраза насчет знакомств, скрывавшихся покойным. Она сказала, все еще хмурясь:

– Согласна. Какая мне разница – как это будет называться? Сбор информации или расследование? Главное – я хочу знать причины его смерти.

– Есть еще одно обстоятельство, – сказал Розовски. – Вдруг мое расследование подтвердит версию полиции? Версию самоубийства? Что будем делать тогда?

Виктория, нервно расхаживавшая до этого по салону, при этих словах остановилась и резко заявила:

– Тогда вы должны найти того, кто толкнул к этому! Повторяю, я уверена: Аркадий никогда бы не покончил с собой. Но если это произошло – значит, должен быть тот, кто толкнул его на этот шаг. И вы найдете его!

«Даже если этим человеком окажется его собственная жена?» – вслух Натаниэль этого, разумеется, не сказал. Он вообще ничего не успел сказать, потому что сразу же после заявления Виктории затренькал дверной звонок, и на сцене появились новые действующие лица.

Вошли двое, мужчина и женщина, из числа вчерашних гостей. Их лица показались Натаниэлю знакомыми, – в отличие от остальных, на маскараде эта пара была без масок и явно испытывала неловкость. Мужчина большею частью проводил время у доски бара, женщина либо стояла с ним рядом – не очень довольная, – либо беседовала с кем-то из гостей. Два или три раза Натаниэль видел ее рядом с переодетым хозяином и один раз – в обществе Клеопатры-Семирамиды. Розовски попытался вспомнить, когда эти двое покинули вечеринку – до смерти Аркадия или после, – но не смог.

Войдя в салон, гости поздоровались с поднявшимся при их появлении Натаниэлем и сразу же устремились к Виктории. Розовски заметил, что по лицу вдовы промелькнуло раздражение. Тут же, впрочем, уступившее место вежливой полуулыбке.

– Вика, дорогая, – мужчина положил руки ей на плечи, проникновенно посмотрел в глаза. – Нам очень, очень жаль. Я никак не приду в себя, Аркаша был моим старым другом... – он зачем-то оглянулся на женщину, круглое плоское лицо его сморщилось, словно он проглотил что-то очень кислое. – Если тебе нужна какая-то помощь, только скажи.

Его спутница молча кивнула.

– Да, конечно, – Вика осторожно сняла с плеч его руки. – Спасибо, Коля, мне ничего не нужно. Я звонила в Москву, родителям. Возможно, они переедут сюда в ближайшее время, – она подошла к дивану, села. Очень напряженно, будто на экзамене.

Женщина подошла ближе. Она была несколько старше Виктории, лет тридцати пяти-тридцати семи. Натаниэль отметил искусный грим, тщательно уложенные каштановые волосы, холодный взгляд. Темно-серое платье строгого фасона выгодно подчеркивало фигуру. При всем том пара не производила впечатления богатых людей.

– Это хорошо, что они приезжают, – сказала она. – Тебе не следует оставаться одной. Может быть, пока что переедешь к нам?

– Нет, Дина, спасибо. Мне здесь хорошо. И вполне спокойно. Кроме того, я еще не решила, стоит ли им приезжать. Не исключено, что я сама уеду отсюда. Продам эти хоромы – и уеду. Сама понимаешь: работы нет, приличной специальности – тоже.

Натаниэль почувствовал за этими короткими банальными фразами какой-то подтекст. Казалось, что эти женщины давние соперницы. Вот только что оказалось предметом соперничества?

Словно почувствовав его взгляд, Дина оглянулась. По ее лицу было видно, что она безуспешно пытается вспомнить, откуда ей знаком этот немолодой высокий мужчина.

– Меня зовут Натаниэль, – Натаниэль вежливо улыбнулся. – Вы могли видеть меня позавчера. Мельком.

– Ах, да, верно... – судя по выражению лица, Дина не вспомнила его. – Вам сейчас следует бывать с Викой как можно чаще, – озабоченно сказала она, и Розовски понял, что его записывают в друзья-утешители молодой вдовы. От неожиданности он смутился, а когда в голову немедленно полезли самые пошлые анекдоты, обыгрывавшие эту ситуацию, – разозлился.

Но объяснить ничего не успел.

– Натаниэль Розовски – частный детектив, – представила его Виктория Смирнова. – По моей просьбе занимается расследованием причин смерти Аркадия. А это – наши друзья. Николай Ройзман. Его жена, Дина.

Теперь оба – и Дина, и Коля (по всей видимости, муж) – во все глаза рассматривали представителя экзотической профессии.

– Ух ты, – сказал Николай. – Частный детектив. Надо же! По-моему, мерзкое это занятие: копаться в чужом грязном белье. А? Следить за кем-то, выискивать. Хуже, чем полицейский, правда?

– Правда, – ответил Натаниэль с беспечной улыбкой. – Копаться в грязном белье всегда нехорошо. Но приходится. Почему-то оставлять грязь считается менее предосудительным. Вообще, знаете ли, Николай, иной раз я кажусь самому себе доброй и терпеливой мамашей.

Проказник загадил пеленки, а я внимательно так рассматриваю следы его деятельности: уж не заболел ли, бедняга? Не расстроился ли желудок? Не пора ли вкатить ему хорошую порцию слабительного?

Про себя он подумал: «Очень воспитанный джентльмен. И меня обожает. С первой нашей встречи. Кажется, наши чувства взаимны».

Николай перестал рассматривать в упор широко улыбавшегося детектива и обратился к Виктории:

– А что, у полиции есть какие-то проблемы?

– Полиция считает, что Аркадий покончил с собой.

– Не может быть! – воскликнула Дина. По выражению ее лица и интонации следовало заключить, что только это и могло быть. Мало того: Дина наверняка знает, из-за кого Аркадий покончил с собой. Любой, чья проницательность отличается от проницательности телеграфного столба, мог понять: госпожа Ройзман считает виновницей трагедии Викторину Смирнову. Теперь Натаниэль окончательно убедился в том, что женщины ненавидят друг друга. Скорее всего, Дина находилась с Аркадием в близких отношениях. И Виктория об этих отношениях знает. И еще – осведомленность Виктории не является секретом для Дины.

Чего не скажешь о ее муже. Судя по физиономии, этот грузный пятидесятилетний мужчина ни на какие подтексты не был способен. Впрочем, внешность обманчива. Натаниэль вспомнил покойного Аркадия Смирнова и его непрезентабельный вид.

– Что значит – самоубийство? – переспросил он. – Разве это не был сердечный приступ?

– А что, Аркадий жаловался на сердечные боли? – тут же спросил Натаниэль у Виктории. Та немного смутилась.

– Нет, – ответила она. – Просто я не хотела говорить по телефону об отравлении.

– Отравление? – казалось, у Николая вылезут глаза на лоб. – Отравление чем?

– Каким-то ядом, разумеется, – объяснил Розовски. – Скажите пожалуйста, мы не могли бы побеседовать? Как-нибудь на днях?

Тот коротко взглянул на жену и вдруг опустил глаза.

– А чего там беседовать... – угрюмо сказал он. – Нечего нам беседовать, ничего я не знаю. Мы и ушли-то раньше. До того, как его нашли...

– Нам пора! – заявила Дина. И, коснувшись губами щеки Виктории, сказала: – Держи себя в руках, дорогая. Если что-то понадобится – не стесняйся, звони в любое время.

– Секундочку! – крикнул вслед Натаниэль. – Не стоит уходить так поспешно, знаете, это очень похоже на попытку скрыть какие-то сведения...

Чета Ройзманов при этих словах остановилась, будто натолкнувшись на невидимую преграду.

– Что вы хотите этим сказать? – воинственно спросил Николай. При этом он сурово нахмурился и попытался угрожающе выпятить вперед челюсть. Поскольку челюсть надежно скрывалась жировыми отложениями, вперед выпятились два плохо выбритых подбородка.

– Ровным счетом ничего, – ответил Натаниэль.

– Нет-нет, вы обвинили нас в попытке что-то скрыть! – Ройзман мерил сыщика уничтожающим, как ему казалось, взглядом.

– Вовсе нет, я только сказал, что в глазах полицейского следователя, например, ваше нежелание отвечать на вопросы, – причем, заметьте, вы даже не знаете, что именно я хочу спросить, – весьма напоминало бы попытку скрыть от следствия важную информацию, – все это Натаниэль произнес легким беспечным тоном, глядя поверх головы возмущенного толстяка.

Тут в разговор вступила госпожа Ройзман.

– Вы ведь сказали, что не имеете отношения к полиции! – заметила она.

– Совершенно верно, – Розовски улыбнулся женщине с максимумом обаяния. – Именно так. И вы совсем не обязаны отвечать на мои вопросы. Я не имею права вас допрашивать. Ни как свидетелей, ни как подозреваемых. Я просто объяснил вам, как в дальнейшем следует себя вести – когда с вами захотят побеседовать полицейские.

– Какие еще полицейские?! – Николай вновь взъерился. – При чем тут полицейские? Что вы несете, господин...

– Розовски, – подсказал детектив. – Натаниэль Розовски.

– Минутку, – Дина подошла ближе, оглянулась на неподвижно стоявшую Викторю. Та была погружена в собственные мысли и на сцену, разыгравшуюся у двери, никак не реагировала. – Мы вовсе не отказываемся отвечать на вопросы. У нас просто очень много дел. А времени мало. Но если вопросов немного – пожалуйста, мы ответим.

– В данный момент у меня всего лишь один вопрос, – сказал Натаниэль. – Только один. Известно ли вам, по какому поводу устроен был позавчерашний праздник?

– Откуда? – буркнул Николай. – Арик позвонил, пригласил... Сказал – семейное торжество с сюрпризом. Вот тебе и сюрприз...

– Так-так... И вам тоже не было известно? – обратился сыщик к Дине.

– Что?... – Натаниэль готов был поклясться, что в глазах женщины мелькнуло странное выражение, то ли испуг, то ли растерянность. – Н-нет... Нет, конечно, нет!

– А когда вы получили приглашение?

– Две недели назад. Вы считаете, что это как-то связано со смертью Арика? – спросила она в свою очередь.

Розовски пожал плечами.

– Нет, пока что я ничего не считаю, просто пытаюсь собрать информацию. Спасибо за ответы. Надеюсь, если у меня возникнут еще какие-то вопросы, вы позволите задать их?

Николай посмотрел на жену, потом кивнул и добавил:

– Но учтите: через десять дней мы уезжаем. Собираемся навестить моих родителей.

– Непременно учту, спасибо, что предупредили. На всякий случай: где вы работаете?

– В экскурсионном бюро, – ответила Дина. – Муж – сторож на автостоянке.

– В Тель-Авиве? – спросил Натаниэль.

– В Бней-Браке, – буркнул Николай. – Через два дня на третий.

После их ухода Викторю спросила:

– Значит, мы договорились?

– Конечно, конечно... Скажите, Вика, какие отношения связывали вашего мужа с этой женщиной? – спросил Розовски.

– Они были любовниками. Довольно долго. Еще до того, как Аркадий познакомился со мной. И некоторое время после. Даже после нашей свадьбы, – ответила Викторю. – Думаю, Дина рассчитывала, что Аркадий разочаруется во мне и вернется к ней. Может быть, даже женится.

– Она не была тогда замужем?

– Нет, Дина вышла замуж полтора года назад.

– Вы случайно узнали об этой связи?

– Об Аркадии и Дине? Что вы, конечно нет! Я ведь, на самом деле, очень ненаблюдательна. Если бы Аркадий не признался, я бы до сих пор находилась в полном неведении.

«Может, и лучше было бы», – подумал Натаниэль. Он вытащил из пачки очередную сигарету. Спohватившись, предложил Вике. Она повертела в руках красную пачку с золотым кружком в центре. В кружке был изображен средневековый рыцарь с копьем.

– «Соверен», – прочитала Викторю. – Никогда таких не курила.

– А, ерунда, – чуть смущенно ответил Розовски. – Еще одна дурацкая привычка. У меня их вообще-то много – дурацких привычек. Вот и с сигаретами... Английские сигареты. Говорят, что они самые экологически чистые. Ерунда, конечно, но когда-то мне это сообщение понравилось. С тех пор по утрам я обязательно курю «Соверен». Правда, в течение дня потом очень быстро перехожу на всякую гадость... – он покрутил головой. – Давайте-ка лучше вернемся к делу. Расскажите о вашем муже. Каким он был?

При слове «был» у Викторю дернулась щека. Натаниэль с тревогой подумал, что сейчас станет свидетелем истерики. Но нет, когда Смирнова заговорила, в голосе не было даже намека на сдерживаемые слезы.

– Аркадий... – она задумалась. – Не знаю, что вас интересует.

– А вы просто рассказывайте, – предложил Розовски. – Вспоминайте и рассказывайте.

– Мы познакомились шесть лет назад. Мне было двадцать четыре года, ему – тридцать. Я только закончила университет – факультет романо-германской филологии. Ждала распределения... – она с некоторым раздражением тряхнула головой. – Кому нужны все эти подробности? В истории нашего знакомства ничего особенного не было. Если не считать, что

предложение он сделал мне на третий день. В кафе. Я, конечно, растерялась. Протрясла что-то вроде того, что мы совсем не знаем друг друга. А он сказал, что человека узнать вообще невозможно. Поэтому разницы никакой – три дня или три года. Вот... – она пожала плечами. – Через месяц мы поженились. Два года жили в Москве. Арик тогда работал в фирме «Сервис плюс». Сначала авторемонт, потом попытался торговать подержанными иномарками. А однажды пришел домой очень поздно, потерянный. Я спросила, что случилось. А он ответил: «Фирмы больше нет», – и еще, что он решил завтра подавать документы на выезд в Израиль. Оказалось, что они взяли какой-то кредит, потом компаньон Арика куда-то уехал. Вместе с деньгами, принадлежащими им обоим, – Виктория крутила в руках ярко-красную пачку с золотым кружком. – И мужу пришлось отдавать долг самостоятельно. Кредиторы, насколько я теперь понимаю, были не из официальных кругов, так что ситуация становилась опасной. Чтобы рассчитаться, он отдал им фирму, машину и доверенность на квартиру. Так что к моменту отъезда у нас не было ничего.

Натаниэль не перебивал. Он слышал подобные истории не раз и не два, все они были похожи друг на друга как близнецы.

– Вот, собственно, то, что касается нашей прежней жизни, – Виктория, наконец, закурила. – А здесь с самого начала дела пошли неплохо. Аркадий встретил какого-то своего университетского товарища.

– Понятно. Скажите, все-таки, – чем он собирался удивить вас – и гостей – позавчера?

– Понятия не имею, – усталым голосом ответила Виктория. – Я спрашивала, но он сказал: «Я такое провернул, завтра узнаешь – обалдеешь». И все.

– И обалдели... – пробормотал Натаниэль. Он повернулся к окну. – Вчера, кроме гостей, во дворе были бармен и официант, а также пятеро джазистов-обезьян, – сейчас наряды музыкантов казались ему вопиющей безвкусицей. – Как вы их нанимали и откуда? И кто закупал продукты и напитки?

– Музыканты, официанты и бармен были приглашены из зала для торжеств. Кажется, из «Султановых прудов». Продукты и напитки выбирал бармен. Собственно говоря, там и продуктов то было чуть. Правда, напитков, как всегда, многовато...

– «Султановы пруды»... Это на а-Масгер, да? – уточнил Натаниэль.

– Да, кажется.

– А как зовут бармена, не помните?

– Мм... Кажется, Ницан, – Виктория наморщила лоб. – Или Нисим. Что-то на «н»... Извините, Натаниэль, у меня все эти дни голова тяжелая. Я плохо соображаю, а еще хуже вспоминаю детали.

– Все в порядке, Виктория, все в порядке. У меня осталось совсем немного вопросов, – Розовски ободряюще улыбнулся. – Потом вы отправитесь отдыхать.

– Вы уйдете, я, наверное, приму снотворного и постараюсь поспать до следующего утра.

– И отлично... Такой вопрос: маскарадные костюмы, убранство двора. Кто занимался этим?

– Муж договорился с какой-то фирмой, которая занимается устройством празднования Пурим. Но как называется фирма, честно говоря, не помню, – ответила Виктория. Вдруг лицо ее прояснилось: – Вспомнила! Фирма называется «Пуримшпиль»!

– Да уж, – Натаниэль невесело усмехнулся. – Хороший пуримшпиль¹ они устроили... – он записал названия зала и фирмы, спросил: – Когда ваш муж пришел к нам в контору, он упомянул о каком-то очень удачном контракте, – сказал Натаниэль. – Вы не знаете, что за контракт?

Виктория покачала головой.

– Контракт, видимо, был не из рядовых, – Розовски докурив сигарету, поднялся. – Вы бы не могли дать мне телефон того человека, который устроил Аркадия в «Лигу»? Школьного товарища?

– Да, конечно. Посидите, пожалуйста, я сейчас принесу. Все документы – в кабинете наверху. Телефонная книжка Аркадия – тоже.

Она быстро поднялась по винтовой лестнице, ведущей на второй этаж. Натаниэль подошел к большому – во всю стену – окну. Прямо перед ним росло дерево с крупными красными цветами,

¹ Пуримшпиль (*идиш*) – еврейский народный спектакль, разыгрывается на праздник Пурим, вариант еврейской «комедии дель арте»

такими яркими, что не видно было листьев. Он вспомнил, как называется это дерево. Пунциана. Окно было распахнуто настежь, но, к своему удивлению, Розовски не почувствовал вчерашнего приторного запаха. «Да, – вспомнил он, – пунциана же почти не пахнет».

Вернулась Виктория. Она выглядела растерянной.

– А записной книжки нет, – сообщила она. – Нигде. Ни в столе, ни в шкафу. Я даже в сейф заглядывала.

Натаниэль озадаченно посмотрел на нее.

– Вы уверены, что она была именно там, в кабинете?

– Конечно, я перед приходом гостей – позавчера – выписывала оттуда новый номер телефона Дины и Коли! – расстроено ответила Виктория. – И положила на место – в верхний ящик стола. А теперь ее нет.

– Может быть, полицейские унесли? – предположил Натаниэль.

– Нет, они просматривали документы в кабинете, но, по-моему, ничем не заинтересовались. Во всяком случае, ничего не взяли.

– Вы не волнуйтесь. Ее мог взять Аркадий – уже после того, как вы положили на место, – сказал Натаниэль. – А вернуть не успел. В этом случае она оказалась в полиции. вместе с телом. Я позвоню инспектору Алону, попрошу. Найдем. А телефон ваших сегодняшних гостей вы помните? Они ретировались так поспешно, что я не успел попросить.

– По-моему, вы их здорово напугали, – сказала Виктория. – Вы что же, считаете их в чем-то замешанными? Или это у вас такая манера разговора?

– Ни то, ни другое. Запуганными они были до того, как пришли сюда. Позавчерашним происшествием. А разговариваю я, обычно, так, как того желает собеседник.

– Вот как? – Виктория озадаченно посмотрела на Натаниэля. – Вы полагаете, что такого обвинительного тона они ожидали?

– Не ожидали. Но нуждались именно в нем, – ответил Розовски. И добавил с чуть виноватой улыбкой: – Один мой приятель недавно пытался меня убедить, что частных детективов в природе не существует. Что частный детектив – всего лишь материализация подсознательных надежд некоей группы людей, остро нуждающихся в специфической помощи. Они... как это он выражался... они ре-ду-ци-ру-ют... Ну и словечко, н-да-а... Так вот, они редуцируют некие волны подсознания, рожденные надеждой и нуждой. И в результате материализуется частный сыщик. Потом, когда проблема решена, их поле ослабевает, и – адье, Шерлок Холмс медленно растворяется в густом лондонском тумане.

Виктория расхохоталась.

– Ну и как – убедил?

– Почти, – ответил Розовски абсолютно серьезно. – Почти убедил. Но не до конца, кое-какие сомнения у меня остались. И потом: как-то нескромно чувствовать себя чужой надеждой, – тут он, все-таки, тоже рассмеялся: – Не слушайте мою болтовню. Я просто хотел сказать, что с некоторых пор стараюсь угадать, каким тоном следует разговаривать с тем или иным человеком. Только и всего. Хотя, знаете, – Натаниэль доверительно понизил голос, – иногда очень хочется иметь возможность периодически удаляться в небытие. Для полного, так сказать, отдыха.

Телефон зазвонил как положено – в самый неподходящий момент. Натаниэль как раз пытался найти подходящее место для стоянки на запаруженной транспортом Алленби.

– Алло! – сердито крикнул он в трубку, пытаясь управлять одной рукой. – Кто это? Я перезвоню позже.

– Ты обедал?

– Мама, я не могу сейчас разговаривать. Поставлю машину, перезвоню, – он бросил телефон на сидение и резко вывернул руль вправо, чтобы избежать столкновения с так же суматошно дергавшимся «фордом». Водитель «форда» высунулся в окно почти по пояс и принялся подробно излагать свое личное мнение о способностях Натаниэля в части вождения автомобилей. Это ему дорого обошлось: тотчас старый джип превратил ему заднее крыло в гармошку. Пока там выяснялись отношения, Натаниэлю удалось юркнуть в образовавшуюся впереди щель и, наконец, найти выделенный незанятый пятячок асфальта. Вслух ругая автомобили, дороги, олуховодителей и городские власти, он перебежал через дорогу к серому ободранному зданию, три этажа которого стали приютом трех десятков крохотных офисов. В том числе, и офиса агентства «Натаниэль».

Прыгая через три ступеньки, Розовски поднялся на третий этаж, распахнул дверь и в полном изнеможении упал в любимое свое кресло. Офра, сосредоточенно стучавшая по клавишам, никак не отреагировала на шумное появление шефа.

– Офрочка, свари мне кофе, – умильным голосом попросил Натаниэль.

– Кофе кончился, – сухо ответила Офра.

– Тогда завари чаю.

– А чая никогда не было.

– Офра, – сурово сказал Розовски. – Если ты немедленно не примешь меры, здесь произойдет трагедия.

Офра подняла, наконец, голову и с интересом посмотрела на Натаниэля.

– Да-да, – сказал Натаниэль. – У меня пухнет голова. Если я немедленно не выпью кофе, она распухнет настолько, что череп больше не сможет ее сдерживать. Она взорвется. И заляпает твои бумаги содержимым.

– Откуда там содержимое? – презрительно возразила Офра, но все-таки поднялась из-за своего столика, подошла к шкафчику и достала распечатанную пачку кофе. – Учти, – сказала она сердито, – этот кофе я купила за собственные деньги. И, конечно же, не для того, чтобы поить бессовестного рабовладельца и эксплуататора.

– Эксплуататор полон раскаяния, – проникновенно сообщил Натаниэль, жадно наблюдая за процессом заваривания кофе. По конторе разнесся восхитительный аромат.

Сделав несколько глотков, Розовски блаженно улыбнулся.

– Слава Богу, это именно то, чего мне не хватало.

– Ну и самоуверенность, – фыркнула Офра. – По-моему, тебе не хватает еще кое-чего.

– Офра! – Натаниэль погрозил пальцем. – Прекрати язвить начальнику. Когда-нибудь он может возмутиться.

– Испугал!

Некоторое время Розовски наблюдал за ее сосредоточенным лицом.

– Где Маркин? – спросил он.

– В твоём кабинете, – ответила Офра. – Притворяется, что разбирает бумаги. Кстати, – она вновь поднялась, неторопливо обогнула свой стол и бухнула на колени начальника увесистую пачку газет. – Я смотрю, вашими стараниями агентство получает все более широкую известность.

Натаниэль просмотрел заголовки, один другого краше: «Смерть русского бизнесмена», «Труп под маской», и тому подобное. Красочные фотографии: на одной – бездыханный Смирнов в паланкине, на других – испуганные гости в идиотских нарядах.

– В каждой статье обязательно сообщают, что безопасность вечера обеспечивало агентство «Натаниэль», – не без язвительности сообщила Офра. – Ты полагаешь, теперь от клиентов отбоя не будет?

– В самую точку, – мрачно произнес Розовски. – Теперь нас будут приглашать в гости к конкурентам.

Он поднялся (газеты при этом упали на пол и живописным веером покрыли стол в приемной), взял обеими руками крохотную чашку с остывающим кофе и направился в кабинет. Маркин действительно находился здесь – в кресле начальника, ноги на столе. При виде входящего Натаниэля, Маркин поспешно вскочил. Розовски хотел доходчиво объяснить ему нормы поведения на рабочем месте – на чужом рабочем месте, – но тут заверещали сразу два телефона: сотовый и рабочий.

Розовски замер с открытым ртом. Маркин схватил трубку:

– Алло, агентство «Натаниэль» слушает.

По сотовому телефону в очередной раз звонила мама. Розовски терпеливо выслушал обвинения в невнимании, обстоятельно рассказал о том, что ел на обед (при этом он вспоминал меню недельной давности, подшитое в одну из папок и выученное наизусть). Наконец, педагогический запал Сарры пропал, она перевела дух и уже другим тоном спросила:

– Ты что-нибудь узнал?

– Да, конечно... – Розовски только сейчас вспомнил об утреннем разговоре и устрашающем письме. У него похолодело внутри: он не сразу нащупал заднем кармане сложенный вчетверо листок. – Кое-что узнал. Вечером расскажу. Ты не волнуйся, я все улажу, – он отключил телефон и озадаченно спросил в пространство: – Интересно, а как я все улажу?

– Ты о чем? – Маркин уже закончил говорить по второму телефону. – Между прочим, это звонил инспектор Алон. Я сказал, что тебя нет.

– Да-да, – рассеянно сказал Розовски. – Конечно, меня нет. Откуда я могу взяться? Меня уже давно нет... Послушай, ты знаешь кого-нибудь в полиции Беэр-Шевы?

– Нет, а что?

– Надо бы туда позвонить, – Розовски протянул помощнику письмо, полученное от матери. – Вот, почитай.

Маркин прочитал.

– Ого! – он озадаченно покачал головой. – Ничего себе! И что же?

– Есть основания полагать, – ответил Розовски, – что эти веселые ребята живут в Беэр-Шеве. Попробуй выяснить, о ком может идти речь.

– Попробую, – сказал Маркин.

– Вот-вот, попробуй, – буркнул Натаниэль. – Хоть чем-то полезным займешься...

В кабинет вошла Офра.

– Натан, тебе дважды звонил инспектор Алон. И трижды – мама.

– Хорошо, спасибо... Так что ты скажешь, Саша? Съездишь в Беэр-Шеву?

– В Беэр-Шеву? – Офра удивленно посмотрела на шефа, потом на Маркина. – Мы работаем уже и в Беэр-Шеве?

– Представь себе.

– У меня в Беэр-Шеве живут родственники, – сообщила Офра, с надеждой глядя на начальника. – А ты, между прочим, обещал мне поручить какое-нибудь дело. Мне надоело сидеть и перепечатывать никому не нужные архивы.

– Точно! – обрадовался Маркин, которому совсем не улыбалось переть в такую даль. – Офра запросто разберется и с рыжими телками, и с прочей бандой.

Натаниэль с сомнением посмотрел на секретаря и помощника.

– Ну ладно, – сказал он. – Вот, прочитай, – он забрал письмо у Алекса и протянул было его Офре. – Ах да, это по-русски... – он вздохнул. – Ну, слушай.

По мере чтения, глаза Офры становились все шире. Когда Натаниэль опустил письмо, она зловеще поинтересовалась:

– Это вы придумали вместе с Алексом? Или автором гениальной идеи является исключительно господин Розовски?

Натаниэль растерялся. И, похоже, не он один. Маркин тоже.

– Может быть, вы думаете, у меня только и хватает способностей на то, чтобы слушать содержание дурацких телесериалов?

– К-каких сериалов?... – обалдело спросил Розовски.

Офра уничтожающе посмотрела на шефа (Маркина она вообще игнорировала).

– Экзаменуем? – она подняла глаза вверх и с издевательской старательностью сообщила: – Каждому телезрителю известно, что в сорок четвертой серии мексиканской мыльной оперы «Дом исчезающих надежд» героиня Вероника ди Кампо, именуемая в данном письме «рыжей телкой», забеременела от своего возлюбленного Алехандро, согласно интерпретации письма – придурка в драных джинсах. Ее благородный, но вспыльчивый отец, сеньор Эстеве, поклялся вступить за честь дочери, но по ошибке, действительно, убил ни в чем неповинного человека... Достаточно? Об остальных событиях – ограблении супермаркета и о спившемся студенте – повествуют соответственно, сорок пятая и сорок шестая серии «Дома исчезающих надежд». Сериал демонстрируется по третьему каналу общегосударственного телевидения в прайм-тайм – с восемнадцати до девятнадцати часов – три раза в неделю. Между прочим, с титрами на английском и русском языке. Сорок четвертая, сорок пятая и сорок шестая серии шли на позапрошлой неделе.

Выпалив все это, Офра стремительно вышла из кабинета и гневно хлопнула дверью.

– Точно! – сказал потрясенный Маркин. – Я же смотрел эту галиматью! То-то я думаю – что-то знакомое...

Натаниэль изображал жену Лота. То бишь, соляной столб, в который любопытная дамочка превратилась, оглянувшись на погибающий дом. Дар членораздельной речи он обрел минут через десять или пятнадцать. Глядя в злосчастное письмо, он протянул руку к телефону и осторожно снял трубку.

– Алло, мама? Дай мне, пожалуйста, номер твоих димонских родственников. Нет, ничего не случилось, все в порядке. Хочу их успокоить, – деревянным голосом сказал он. – Кстати, этот Гарик – он куда не уезжал на позапрошлой неделе?

– Уезжал, – ответила мать. – На Север, погостить.

– Понятно... – Натаниэль набрал записанный номер. В трубке раздался явно молодой голос. – Простите, это случайно, не Гарик?

– Да, это я.

– Очень приятно, это звонит ваш дядя... Я хотел задать вам пару вопросов. Ну, во-первых, любите ли вы телесериалы? В частности, «Дом исчезающих надежд»?

– Еще бы! – оживленно ответил Гарик. – Я каждый день смотрю. А вы какой дядя? Откуда?

– Из Тель-Авива. Зовут меня Натаниэль.

– Очень приятно, – весело сказал Гарик. – Вы у нас бывали?

– Нет, пока что не бывал... Так я насчет сериала. Скажите, уважаемый Гарик, что вы делаете, если какую-то серию посмотреть не удастся?

– Тогда прошу пересказать содержание кого-нибудь из друзей, которые видели. А что?

– А вы не помните, какие серии пропустили?

– Смотря когда.

– Ну, недавно. Скажем, на позапрошлой неделе.

– Конечно, помню, – легко ответил Гарик. – Сорок четвертую, сорок пятую и сорок шестую. Ездил в гости, в Кацрин, а там, как назло, телевизор полетел. Мне должен был их описать Владик, мой товарищ. Он живет в Беэр-Шеве. Но, почему-то, не описал.

– Понятно. Ну, я надеюсь, вы скоро получите это описание. Всего хорошего, Гарик. Как мама себя чувствует?

– Уже лучше.

– Передайте ей, что звонил ее родственник Натаниэль, сын Сарры. Пусть успокоится, все уже улажено, – он повесил трубку и снова набрал домашний номер. – Мама? Передай, пожалуйста, Бэлле, пусть отправляют сына только туда, где телевизор исправен. Мальчик очень любит мексиканские сериалы... – положив трубку, он вышел в приемную, где разгневанная Офра с такой силой стучала по клавишам, что, казалось, клавиатура компьютера разлетится на мелкие кусочки.

– Офра, – сказал Розовски, – девочка... Клянусь, у меня и в мыслях не было подшучивать над тобой. Более того: только что ты спасла двух людей от больницы и одного – от необоснованного тюремного заключения. Я преклоняюсь перед твоими аналитическими способностями, клянусь!

Треск клавишей на мгновение стих. Не глядя на шефа, Офра спросила официальным голосом:

– Значит ли это, что мне обещана прибавка к зарплате?

Натаниэль тяжело вздохнул и поспешно ретировался в кабинет.

Маркин уже устроился в своем любимом угловом кресле, вытащил из-под шкафа стопку журнал.

– Бросай-ка все это, – скомандовал Натаниэль. – Есть серьезная работа.

– Какая? – Маркин с сожалением поднялся и подошел к столу. – Кфар-Шауль?

– Вот это дедукция! – восхитился Розовски. – Вот это интуиция! Если бы и память была такой же!

– А что – память? Я на память не жалуюсь.

– Тогда верни-ка мне чек покойного, – потребовал Натаниэль. – Насколько я понимаю, вдова его не взяла.

– Так я его вложил на наш счет, – Маркин удивленно округлил глаза. – А что, разве неправильно? Я же знал, что ты возьмешься за это дело.

– Понятно, – проворчал Розовски. – Значит, знал. Так вот, на будущее запомни: ты не должен знать заранее то, чего я сам еще не знаю. А теперь слушай. Садись и записывай.

Маркин подчинился.

– Первое: меня интересует информация по деятельности компании «Лига», – Розовски протянул помощнику визитную карточку, оставленную Смирновым в первое и единственное посещение агентства. – Чем занимается в Израиле, кто возглавляет. Какими были отношения между покойным и руководством фирмы. Второе... – он немного подумал. – Второе: у Аркадия Смирнова здесь живет какой-то старый друг, кажется, с университетских времен. Живет давно...

Маркин быстро писал в блокноте какими-то странными значками, больше похожими на иероглифы.

– Что это за язык? – удивленно спросил Натаниэль. – Что за буквы?

– Между прочим, я когда-то изучал стенографию, – гордо объявил Маркин. – Так вот, это – стенограмма.

– Ишь ты! – восхитился Розовски. – Надо же... Записать-то ты записал. А прочесть сможешь? А то, знаешь, один мой приятель недавно выучил ассиро-халдейский язык. По его словам, на пятьдесят процентов. Ровно наполовину. То есть, он с закрытыми глазами может нарисовать все значки, которыми эти древние ребята пользовались. А значков, между прочим, несколько сот. Можешь себе представить? Но вот незадача: написать может, а вот прочесть – пока нет. Они у него все перепутались.

– Не волнуйся, – Маркин обиделся. – У меня не перепутаются. Я освоил стенографию на сто процентов. Лучше диктуй дальше. Как, говоришь, фамилия друга?

– Никак, – ответил Натаниэль. – Фамилии вдова не помнит. Странно, правда? Так что попытайся выяснить сам. Информация у меня должна быть через... – он немного подумал. – Через два дня.

Маркин облегченно вздохнул и удивился щедрости шефа. Обычно ему выделялось два часа. Правда, Розовски немедленно забывал о своих требованиях.

– Я могу взять машину? – осторожно поинтересовался Маркин.

– Можешь, – рассеянно ответил Натаниэль (он уже зарылся в какие-то свои бумаги). – Если найдешь. Честно говоря, я и сам не помню, где ее поставил.

Маркин кротко возвел очи горе и вышел из кабинета. Оставшись один, Розовски разложил перед собой несколько листочков с записями, визитные карточки. После короткого раздумья, он выбрал карточку адвоката Нешера и набрал номер, значившийся служебным.

Трубку очень долго никто не брал. Потом ответила женщина.

– Прошу прощения, – вежливо начал Натаниэль, – я хотел бы поговорить с господином Нешером. Мне была назначена встреча, но я хотел бы ее перенести.

Последовала пауза, после которой женщина раздраженно сообщила:

– Не знаю, кто и где назначил вам встречу, но никакого адвоката Нешера здесь нет.

Натаниэль немного растерялся.

– Но мне дали именно этот телефон...

Собеседница тяжело вздохнула.

– Да, кажется, он снимал этот офис, но давным-давно переехал.

– Давным-давно, – озадаченно повторил Розовски. – Вот оно что... Наверное, я что-то перепутал. А нынешний его номер вы не можете назвать?

– Не могу, – и она повесила трубку.

Натаниэль огорченно посмотрел на телефонный аппарат. Мелочь, конечно, но плохо, что расследование начинается с неприятной мелочи.

Он позвонил Смирновой. После короткого размышления, та вспомнила нынешний номер Цви Нешера. Натаниэль поблагодарил. Виктория положила трубку первой. Розовски успел расслышать чьи-то голоса – видимо, очередные посетители пришли выразить соболезнование вдове.

На следующий звонок отозвался настоящий офис Цви Нешера. Но адвоката на месте не оказалось.

– Он задерживается в суде, – ответила женщина, по-видимому, секретарь. – Думаю, сегодня вы его уже вряд ли застанете. Что-нибудь передать?

– Нет, ничего передавать не надо. Во сколько он должен прийти завтра?

– Как обычно – к восьми. Но если вы не договорились о встрече заранее, боюсь, он не сможет вас принять.

– Значит, завтра и договорюсь, – ответил Розовски. – Спасибо за объяснение.

В кабинет заглянула Офра.

– Хочу тебе напомнить, – сказала она, – трижды звонил инспектор Алон. По-моему, в третий раз он был уже не просто зол. Не советую тебе попадаться под горячую руку. Позвони ему.

– Ну да, – буркнул Натаниэль. – Позвони. Скажешь тоже... И это, по-твоему, называется «не попадаться под горячую руку»? Нет, Офра, лучше я позвоню ему завтра. Или послезавтра.

– Или через неделю, – подхватила Офра.

– Видишь, ты и сама знаешь, – он поднялся из-за стола. – А если он позвонит, передай: я срочно выехал... ну, скажем, в Эйлат. Обеспечивать безопасность встречи финансовых тузов, приехавших из России на отдых. Вернусь, как ты правильно заметила, через неделю.

– А на самом деле? – уточнила Офра.

– А на самом деле я просто ушел. И буду здесь завтра в восемь. Если не произойдет чего-нибудь неожиданного. Договорились?

Натаниэль поднял руку в прощальном приветствии и покинул офис.

Натаниэль и сам толком не знал, с чего вдруг ему вздумалось в конце дня навестить странную семейную пару, с которой он имел удовольствие познакомиться днем на вилле Смирновых. Скорее всего, просто хотелось иметь формальное оправдание своему уходу из офиса. Во всяком случае он добросовестно проделал долгий путь от Алленби до Рамат-Гана, где, по словам Виктории, Коля и Дина недавно сняли квартиру. Учитывая, что на этот раз Розовски пользовался громогласно рекламируемым им общественным транспортом, поездку на двух автобусах в конце рабочего дня следовало считать если не подвигом, то, во всяком случае, почти самопожертвованием.

Выйдя из автобуса напротив сверкающего здания Алмазной биржи, Натаниэль некоторое время сверял указательные таблички с записанным со слов Виктории Смирновой адресом. Убедившись, что вышел он, по крайней мере, на три остановки раньше положенного он чертыхнулся. Если бы в эту минуту появился автобус, следующий в сторону дома, он плюнул бы на этот визит (тем более, ничего приятного он не сулил) и забыл бы о добросовестном выполнении обязанностей по меньшей мере до завтрашнего утра.

Но, как назло, в сгущавшихся сумерках не видно было ни одного автобуса. И Розовски обреченно поплелся туда, где, как он предполагал, ожидался малоприятный вымученный разговор.

Когда он дошел до дома номер десять по улице Элиягу-Цедек – именно этот адрес ему записала на прощание Виктория, – было уже совсем темно. Дом выглядел совсем не так, как представлялось Натаниэлю. Почему-то ему казалось, что миллионеры дружат с миллионерами, и владельцы дорогих вилл поддерживают отношения исключительно с себе подобными. Может быть, где-нибудь дела и обстоят именно таким образом. Но только не в репатриантской израильской среде. Дом номер десять по Элиягу-Цедек был заурядным четырехэтажным домом, построенным лет двадцать назад – в светло-серой «шубе», с одним-единственным подъездом и стандартным травяным газоном перед с низкой железной изгородью. В таких домах когда-то представляли квартиры малообеспеченным семьям – израильский аналог знаменитых хрущевки.

Розовски на всякий случай сверился с записью. Никакой ошибки. Он прошел мимо стайки мальчишек, азартно гонявших мяч прямо на газоне, остановился у подъезда.

Не так давно Натаниэль прочитал в журнале «Гео», что в такой внешне моноэтнической стране как Израиль, встречается больше антропологических типов, нежели, например, во Франции или Германии. И даже, чем в России. В статье говорилось чуть ли не о полтораэтажных типах. Экзотическая парочка, которую он увидел на лавочке у подъезда, могла вполне служить иллюстрацией к той статье.

Два весьма пожилых обитателя дома номер девять с ленивым азартом играли в нарды. Один из них чем-то напоминал постаревшего кумира Натаниэлевой молодости великого чернокожего гитариста Джимми Хендрикса, второй вполне мог сойти за чуть располневшего папашу голливудского мастера ногопашного боя Джеки Чана. И у постаревшего Хендрикса, и у толстоватого Чана на головах аккуратно сидели вязаные ермолки религиозных евреев. Когда детектив поравнялся со скамеечкой, на него внимательно и доброжелательно воззрились две пары глаз – выпуклые темно-карие и узкие черные. Обе головы одновременно качнулись в приветствии: «Шалом».

Натаниэль ответил и вошел в подъезд. «Хендрикс» был типичным репатриантом из Эфиопии, о доисторической же родине «Чана» Натаниэль ломал голову всю дорогу до третьего этажа. Уже добравшись до искомой двери, он решил, что «Чан», возможно, уроженец провинции Сычуань, где, как выяснилось, еврейская община существовала с давних времен.

Дверь не открывали очень долго. Чувствуя облегчение, чуть окрашенное разочарованием, он собрался было уходить, но тут послышались медленные тяжелые шаги. Розовски приготовился отвечать на стандартный вопрос: «Кто там?» (вариантов было несколько: «Сосед», «Вика просила передать...» и тому подобное), – но никто ничего не спросил. Дверь распахнулась с неожиданной силой, и Натаниэль узрел расплывшуюся в радостной улыбке физиономию Николая. Он тоже

широко улыбнулся в ответ, приятно удивленный симпатией, которую, оказывается, успел зародить в недавнем знакомом.

Но тут хозяин квартиры узнал гостя и перестал улыбаться. Мало того – его лицо внезапно приобрело угрожающее выражение.

– Н-ну? – спросил Николай. – А т-ты чего здесь забыл? – он чуть покачнулся. – Теб-бя сюда звали? Или не звали?

Тут Розовски понял, что хозяин успел изрядно поддаться. Круглое лицо лоснилось от обильного пота, футболка вздернулась под грудь, обнажив объемистый волосатый живот.

Натаниэль понял, что выбрал не самый подходящий момент для визита. Но признаваться – даже самому себе – в том, что стоило прежде позвонить, а уж потом тащиться из одного города в другой, ему тоже не хотелось. Поэтому он сделал вид, что не заметил грубого тона и с вежливой улыбкой сказал:

– Ради Бога извините, Николай, но Вика Смирнова просила меня задать вам несколько вопросов. Это займет пару минут, не больше. Вы позволите войти? Дело в том, что эти вопросы я бы хотел задать не только вам, но и вашей жене...

Из сказанного Николай услышал, похоже, только последнее слово.

– Ах, ж-жена-а?... – зловеще протянул он. – А вот это видел? – и он продемонстрировал детективу короткопалую фигу. – Па-ашел вон, легавый... – пьяный Коля отпустил дверь, за которую держался все это время, и тут же рухнул прямо на гостя. Натаниэля обдало свежим ароматом спиртного. Он осторожно поддержал Николая, легонько подтолкнул его и в результате оказался внутри квартиры. Николай не сопротивлялся. Путь от входной двери до кухонного стола он проделал в бессознательном состоянии, уронив голову на грудь. И лишь усевшись с помощью детектива на стул с металлической спинкой, очнулся. Взгляд его пополз вверх и уперся в озабоченное лицо Натаниэля.

– Садись, – он мотнул головой. – Наливай.

Розовски не последовал ни первому приглашению, ни второму. Сидеть ему не хотелось, а наливать, при всем желании было нечего – на столе одиноко возвышалась пустая бутылка «Голда». И никакой закуски.

«Да-а... – подумал Розовски. – Я, действительно, пришел вовремя».

Хозяин то ли задремал, то ли отключился. Натаниэль немного подождал, прошел к входной двери, повернул ключ – не оставляя же дверь незапертой, – потом направился в салон. Включил свет. Взгляд его скользнул по стандартному набору мебели, остановился на фотографиях, висевших в рамках на стене. На одной была запечатлена свадьба хозяев – Николай в черном костюме, с белым цветком в петлице. Волос больше, жира меньше. Дина в белом платье, но без фаты.

Среди гостей, окружавших жениха и невесту, знакомых лиц не видно. Почему-то на свадьбе не присутствовали ни Аркадий, ни Виктория.

На другой фотографии – Николай и Дина. На этот раз, в обществе Смирновых, под высокой пальмой. На заднем плане какие-то древние мраморные развалины – ступени, колонны. Явно недавний снимок.

Натаниэль осторожно снял фотографию в рамочке, принялся внимательно ее рассматривать. В левом нижнем углу стояла дата: «13 июля 1998 года». Десять месяцев назад. Он еще раз внимательно рассмотрел снимок.

«Только приехали», – подумал он, имея в виду чету Ройзманов. Действительно, некоторые черточки – может быть, чуть напряженные лица, может быть, некоторая искусственность улыбок, а, возможно, не совсем привычная для израильтян одежда, – указывали на то, что одна из двух запечатленных на фотографии пар лишь недавно репатрировалась – месяца за два-три до снимка. Видимо, друзья решили свозить их на экскурсию. Натаниэль вернул фотографию на место. Под этими двумя снимками было еще несколько – в основном, группы людей на фоне европейских пейзажей – швейцарские Альпы, Эйфелева башня, Биг-Бен. Розовски вспомнил, что Дина сейчас работает в экскурсионном бюро. Видимо, фотографии запечатлели ее поездки с туристами.

Он подошел к большому стеллажу с книгами – единственному предмету обстановки, выпадавшему из общего репатриантского стандарта. Книг было очень много, они стояли на

прогибавшихся полках в два ряда. Основная масса – на русском языке, несколько десятков – на английском. Среди прочих – несколько крупноформатных томов с золотым тиснением на темно-зеленых переплетах – «Всемирная история». Когда-то Натаниэль потратил большую часть студенческой стипендии на приобретение такого же издания. При репатриации пришлось, конечно, оставить. Он с трудом подавил ностальгический вздох.

Полдюжины книг в беспорядке лежали на журнальном столике, вперемешку с туристическими журналами и проспектами на разных языках. Натаниэль рассеянно перебрал проспекты – все они рекламировали маршруты туристического бюро «Евро-тур», – поднял вишневый фолиант страниц в семьсот-восемьсот, рассеянно перелистал несколько страниц. Посмотрел на титульный лист. «Полная история Византии. Оксфорд, 1976 год». Он положил книгу на стол.

Из кухни донесся какой-то шорох. Натаниэль поспешно покинул салон. Коля сидел, привалившись головой к стене и тихонько похрапывал. Видимо, он чуть изменил позу во сне, этот звук и услышал Розовски. Он легонько потряс хозяина за плечо. Тот открыл глаза, мутно посмотрел на детектива.

– Николай, – на этот раз Натаниэль все-таки сел, пододвинув табурет поближе, проникновенно посмотрел в глаза Ройзману. С проникновенностью получалось плохо – мешал густое водочное дыхание, от которого у детектива запершило в горле. – Вы не знаете, когда вернется Дина?

– Дина? – Николай нахмурился и тяжело задумался. – А правда – когда?... – он тяжело вздохнул. – А... А она ушла... – он махнул рукой. – П-по делам...

Вряд ли Натаниэль сумел бы добиться от него более внятного ответа. Тем более, что Николай тут же вновь захрапел.

И не проснулся даже на звук дверного звонка.

Натаниэль, чувствуя облегчение, спешно пошел к двери. Он надеялся, что разговор с хозяйкой даст больше пользы.

Увы, надеждам не суждено было сбыться. Открыв дверь, Розовски обнаружил высокого парня в полицейской форме с сержантскими нашивками на рукаве.

– Явление последнее: те же и посланник судьбы... – пробормотал Натаниэль.

Сержант нахмурился.

– Господин Ройзман? – спросил он. – Вам необходимо проехать со мной.

– Вообще-то, я не Ройзман, – ответил Натаниэль с извиняющейся улыбкой. – Моя фамилия Розовски. Честно говоря, я здесь случайно, зашел на минутку. Ройзман – там, – он показал в сторону кухни.

Полицейский нахмурился, заглянул через плечо детектива. Тут на площадку поднялся еще один полицейский и тоже заглянул в квартиру. Натаниэлю все это очень не понравилось. Он подумал, что в последнее время плотность полицейских в Тель-Авиве существенно возросла. По крайней мере, в тех местах где оказывается он сам.

Увидев в кухне человека с закрытыми глазами, сержант спросил:

– Ему что – плохо?

Натаниэль тоже внимательно посмотрел на Колю. У того по лицу блуждала слабая улыбка.

– Да нет, – Розовски завистливо вздохнул. – Думаю, ему-то сейчас как раз хорошо. Гораздо лучше, чем нам с вами. А что случилось, сержант?

Прежде, чем ответить, тот смерил Натаниэля подозрительным взглядом и потребовал предъявить документы. Натаниэль показал запаянную в пластик копию лицензии – без особого желания. Полицейские не лучшим образом относились к своим коллегам, занимавшимся частным сыском. Отношение такое основывалось на уверенности, что частный детективы гребут деньги лопатами и не особо разборчивы в методах. И то, и другое было весьма далеко от истины. Розовски не встречал детективов-миллионеров, что же до методов ведения следствия, то, будучи в течение двенадцати лет полицейским офицером, он прекрасно знал, что и в полиции мало кто имел привычку работать в белых перчатках.

Полицейский долго и придирчиво сверял фотографию с оригиналом.

– А здесь вы что делали? – сурово спросил он.

– Хотел поговорить с этим человеком, – он указал на спящего Николая. – Но вы же сами видите...

Сержант оглянулся на напарника, отодвинул в сторону детектива и быстро прошел в кухню. Его долговязый напарник молниеносно перегородил выход – на случай, если подозрительный тип с лицензией частного детектива вдруг пожелает удрать. Натаниэль терпеливо улыбнулся. Ребят можно было понять – хозяин в бессознательном состоянии, хозяйка отсутствует, в квартире какой-то посторонний. В то же время он чувствовал себя уязвленным: было время – он тоже носил такую форму. Розовски отошел от двери (второй полицейский тут же вошел в квартиру) и проследовал в кухню. Сержант пытался привести в чувство Колю, но тот лишь мычал и слабо отмахивался.

– Вот черт... – растерянно сказал полицейский, оставляя безуспешные попытки. – Что же мне теперь делать? – он покосился на пустую бутылку и осуждающе покачал головой: «Уж эти мне русские...»

Натаниэлю стало жаль парня.

– Лучше бы вам прийти утром, сержант, – сказал он. – Сейчас вы от него все равно ничего не добьетесь.

– Я не могу утром! – с отчаянием в голосе воскликнул полицейский. – Он нам нужен сейчас! Немедленно!

Николай дернулся и едва не свалился. Розовски поддержал его, вернул в прежнее положение.

– Может, врача вызвать? – с надеждой спросил сержант.

Натаниэль покачал головой.

– Бесполезно. Медицина в таких случаях бессильна. А что случилось, сержант?

Тот сосредоточенно посмотрел на детектива, потом с надеждой спросил:

– Вы вообще-то знакомы с этим человеком?

– Можно сказать, что знаком, – уклончиво ответил Натаниэль.

– А жену его знаете? Видели?

– Видел. Не далее как сегодня. Между двенадцатью и часом. А в чем дело? – вопросы Натаниэлю очень не понравились.

– В таком случае, придется вам проехать со мной, – твердо сказал сержант. – Недалеко. За промзоной.

– И что же я там должен буду сделать? – вопрос был, конечно же, излишним. Натаниэль уже знал, что услышит в ответ. И не ошибся. Сержант сказал:

– Нужно опознать тело.

Поначалу Розовски еще надеялся на то, что имела место автокатастрофа. Но вскоре сообразил, что сержант и его напарник не имеют никакого отношения к дорожной полиции. Бело-голубой джип быстро пересек расстояние между Рамат-Ганом и Тель-Авивом, не меняя скорости пронесся по улочкам промышленной зоны. Розовски поразили уверенности, с которой вертел баранку младший полицейский. Он лихо лавировал по извилистым улицам, всякий раз ухитряясь в последний момент увернуться от, казалось, неизбежного столкновения с встречной машиной. Мелькали огромные светящиеся вывески автосалонов – «Мерседес», «Форд», «Мицубиси».

Наконец, Натаниэль не выдержал:

– Я так понимаю, парни, что тело к опознанию еще не готово. Верно?

Сержант, сидевший на переднем сидении, обернулся и удивленно воззрился на детектива.

– В каком смысле? – спросил он. – Что значит – не готово?

– А то, что иначе я не могу объяснить действия этого камикадзе, – проворчал Розовски и ткнул пальцем в спину водителя. – Он так несется, что я подумал: наверное, тело на опознание пока что находится несколько в ином статусе. Например, в статусе пассажира вашего джипа. Интересно, когда я превращусь в жертву аварии, кто будет опознавать меня?

– А-а, – сержант коротко засмеялся. – Не волнуйтесь, Ави у нас настоящий профи.

Словно подтверждая эти слова, водитель Ави заложил такой вираж, что едва не взлетел на стену близлежащего здания. Натаниэль, с видом фаталиста сложил руки на животе и закрыл глаза. Спокойное возлежание в кресле удавалось плохо: детектива носило от стенки к стенке.

Неожиданно движение выровнялось. Розовски открыл глаза и с удивлением обнаружил, что они уже выехали за пределы городской черты и направились к пардесам – как называют в Израиле апельсиновые рощи.

Когда полицейский автомобиль свернул с шоссе на проселок и углубился в рощу, Натаниэль окончательно убедился в том, что ни о какой автокатастрофе речь не идет.

Через несколько минут он убедился в этом.

Свет фар выхватил из плотной темноты бело-голубой микроавтобус «форд-транзит» с надписью «Полиция Израиля». Рядом стояли человек пять полицейских в форме. Джип остановился. Не дожидаясь приглашения, Натаниэль со вздохом облегчения покинул свое место.

Некоторое время он стоял, привыкая к твердой неподвижной земле – бешеная гонка по городу вызвала в нем подобие морской болезни, так что даже интенсивный аромат цветущих апельсиновых деревьев вызвал неприятные ощущения. Хотя пора цветения была на исходе – близился конец апреля, – воздух пронизывал экзотический сладковатый запах.

Сержант похлопал его по плечу. Розовски посмотрел туда, куда указывал его палец и обнаружил еще одну группу людей, освещенных фарами микроавтобуса. Трое мужчин в штатском склонились над чем-то, чего Натаниэль отсюда не видел.

Потому что очень не хотел видеть.

Но делать было нечего. Он молча пошел вперед, перелез через желтую ленту, растянутую на пластиковых кольешках. Пройдя несколько шагов, снова остановился. Один из штатских выпрямился, повернулся к нему, и Натаниэль узнал инспектора Ронена Алону. «Господи, – мысленно взмолился Розовски, – ну если ты не хочешь, чтобы я занимался этим расследованием, почему бы не дать мне это понять менее болезненным способом? Например, сбросил бы на голову кирпич...»

При виде частного детектива, Алон грозно нахмурился.

– Кто разрешил? – рявкнул он. Сержант, сопровождавший Натаниэля несколько оторопел.

– Но вы же сами распорядились... насчет опознания... Мы хотели привезти мужа, но он...

– Ронен, – терпеливо сказал Натаниэль, – это чистая случайность. Я знаком с Ройзманами и, когда сержант приехал, как раз был у них в гостях. Поверь, я вовсе не собирался сюда ехать, но Николай Ройзман просто не в состоянии передвигаться.

– Почему? – мрачно спросил инспектор. – Что значит – не в состоянии?

– Да пьян он! – воскликнул в сердцах сержант. – В полной отключке. И вот этот господин...

– ...Приехал, чтобы помочь бывшим коллегам, – подхватил Натаниэль. – Вот и все.

Инспектор долго молчал, в упор разглядывая детектива. Как назло, фары форда светили Натаниэлю прямо в лицо.

– В жизни не поверю, что ты оказался здесь случайно, – наконец, сказал инспектор. – Уверен: все это подстроено.

– В таком случае, все это подстроено тобой, Ронен, – сердито заметил Натаниэль. – Потому что именно ты прислал своих ребят на квартиру Ройзманов. Так что, давай лучше займемся делом...

– Стоп-стоп-стоп! – инспектор загордил Натаниэлю дорогу. – Прежде всего, объясни: какое отношение ты имеешь к этим людям?

– Никакого, – огрызнулся Розовски. – Наняли меня замочить их, да вижу: кто-то опередил... Послушай, Ронен, что ты привязался? Тебе привезли законопослушного гражданина, способного оказать помощь доблестной полиции. По элементарной причине: Николай Ройзман в данный момент не способен опознать собственную физиономию в зеркале. Боюсь, завтра он будет прилежно опознавать зеленых чертиков, прыгающих по кухне. Так что? Позволишь мне взглянуть? Или отправишь назад? Тогда распорядись насчет машины, я не намерен переться домой пешком, тут добрых пять километров до города. Все, думай, а я пошел, – не дожидаясь ответа, он бесцеремонно отодвинул Алону и направился к лежащему в траве телу.

Его решительность была продиктована не столько желанием действительно помочь инспектору Алону, сколько стремлением поскорее закончить с самым неприятным.

Оба эксперта на время их препирательств прекратили осмотр. При его приближении они молча расступились. Натаниэль присел на корточки.

– Узнаешь? – спросил за спиной Алон все еще недовольным голосом.

В свете двух фонарей лицо погибшей казалось неестественно белым, а губы и глаза почти черными.

– Да, – хмуро ответил Натаниэль и поднялся – возможно, с чрезмерной поспешностью. – Это она.

Эксперты одновременно развернулись к детективу. Натаниэлю они были незнакомы – видимо, появились в управлении уже после его ухода. Натаниэль хотел было отойти, но тут эксперты перевернули тело, и детектив увидел страшную рану. У него на мгновение закружилась голова, ему показалось, что в воздухе появился сладковатый запах крови. Но нет, разумеется, – просто показалось.

Розовски потер занывший висок, медленно и глубоко вдохнул, так же медленно выдохнул. Головокружение прошло, ноющая боль тоже исчезла.

Один из экспертов двинулся было к инспектору, но тот остановил его жестом, крепко взял Натаниэля за локоть и быстро повлек к машине. Розовски не сопротивлялся. Все равно ему бы не дали осмотреть место происшествия, да и помощники Ронена сделают это вполне профессионально. Натаниэль не имел ни малейшего желания впутываться в расследование второго убийства. В том, что Дина Ройзман стала жертвой именно убийства, а не несчастного случая, сомнений не было.

Толкнув детектива к стоящему поодаль «рено» (Натаниэль сразу не заметил эту машину, иначе был бы готов к присутствию здесь инспектора), Алон заговорил со сдержанной яростью:

– А теперь слушай меня, Натан, и запомни хорошенько! Мне не нравится твое участие во всей этой истории!

– Мне тоже... – устало сказал Розовски. – Мне тоже не нравится и эта история, и мое в ней участие. Хотя мы с тобой, наверное, имеем в виду разные вещи.

Алон досадливо отмахнулся от его слов и продолжил:

– Если у меня будет хоть малейшее подозрение в отношении тебя – попрощаешься с лицензией, даю слово.

– Какое подозрение, Ронен, ты в своем уме? – теперь Розовски возмутился по-настоящему. – Ты что же думаешь, я каким-то образом замешан в убийстве? По-моему, ты забыл, что я – тоже полицейский.

– Бывший полицейский! – рявкнул Ронен во весь голос. – Бывший!

Полицейские, стоявшие у «форда», оглянулись. Инспектор посмотрел на них и вновь понизил голос.

– Я не знаю, чем ты сейчас занимаешься и что за люди тебя окружают. Я не знаю... – Алон замолчал, прислонился к автомобилю рядом с Натаниэлем. – Ч-черт... – раздраженно сказал Алон. – Ну что ты тарачишься? А как, по-твоему, я должен все это понимать? Позавчера в Кфар-Шауль обнаруживается труп Аркадия Смирнова. В весьма своеобразной обстановке. Я приезжаю туда, и кого вижу в первую очередь? Тебя. И никаких вразумительных объяснений не слышу. Мистификация, игры в безопасность... Чушь собачья! Сегодня находят труп женщины с явными признаками насильственной смерти. И кто приезжает на опознание? Снова ты! И снова не можешь объяснить. И после этого ты будешь убеждать меня, что ничего не знаешь ни о первой смерти, ни о второй? – инспектор негодуя фыркнул. – Не поверю... Дай сигарету, – неожиданно сказал он вполне мирным тоном.

Натаниэль протянул ему пачку. Тоже закурил. Они некоторое время молча дымили. Потом Розовски спросил:

– Кто ее нашел?

– Таиландцы, – хмуро ответил инспектор. – Таиландские рабочие. Приехали на сезон в соседний кибуц. Я так понимаю, подцепили девиц, пришли сюда развлечься. Ты, надеюсь, еще помнишь, что тут по ночам творится?

Натаниэль кивнул. Немалое число проституток приводили своих клиентов именно в такие вот рощицы – благо их хватает у каждого израильского города. Головная боль для полиции: проституция не запрещена законом, запрещено сводничество и содержание притонов или домов свиданий. Патрули время от времени гоняли любителей ночных развлечений под сенью апельсиновых деревьев, но что толку? Патруль уезжал, парочки возвращались. Что же до таиландских рабочих, в последние годы приезжавших на заработки в Израиль, то они составляли вполне тихую, замкнутую общину, почти не доставлявшую полиции хлопот. Бывали, конечно, исключения (где их не бывает?), но крайне редкие. Таиландцы, вырываясь из пораженной безработицей и нищетой страны, слишком дорожили возможностью заработать в Израиле на приличную жизнь по возвращении домой.

– Я вот думаю: может, и она сюда приехала с кавалером? – сказал вдруг инспектор. – А вместо свидания...

– Да, возможно, возможно... – пробормотал Розовски. Алон чуть оживился:

– А что? Пока муж сидел дома, пил, как ты говоришь, свою водку, госпожа Ройзман отправилась на свидание с возлюбленным. Возлюбленный привез ее в рошу. Поссорились. Он ее ударил, она упала. Ударилась. Он, естественно, испугался и удрал. Потом появились таиландцы. Наткнулись на тело и вызвали полицию. По-моему, вполне логичное объяснение. Тем более, что ни следов ограбления, ни следов изнасилования, – излагая все это, Алон бурно жестикулировал, так что огонек его сигареты описывал в темном воздухе фантастические фигуры.

– Да, логично. Но так быть не могло, – задумчиво сказал Натаниэль.

Сигарета инспектора замерла в воздухе, превратившись в крохотную красную звездочку.

– Почему же не могло? – задиристо спросил он.

– Во-первых, она оделась не так, как одеваются на любовное свидание, – ответил Натаниэль. – Строгое платье, минимум косметики... Я бы предположил, что она готовилась к деловой встрече. Во-вторых, вокруг нет ни одного камня, о который она могла случайно удариться с такой силой...

Рядом с ними остановился микроавтобус с оранжевой мигалкой и красной шестиконечной звездой на дверцах. По окружности шла надпись: «Американская скорая медицинская помощь». Надпись Натаниэля не обманула: подъехавшая машина предназначалась для перевозки покойников. Он молча следил за тем, как санитары уложили тело Дины Ройзман в пластиковый мешок, погрузили в машину. Несколько бородачей в желтых пластиковых жилетах, с черными ермолками на головах и большими фонарями в руках – члены погребального братства «Хевра Кадиша» – тщательно обследовали место происшествия в поисках малейших следов крови. Травинки, мелкие камушки с бурыми пятнами аккуратно упаковывались в отдельные прозрачные пакетики, в соответствии с еврейской религиозной традицией: ни одна, даже мельчайшая частичка тела, даже капля крови не может остаться непогребенной. «С этими парнями и криминалистам делать нечего, – подумал Натаниэль. – Каждый сантиметр осмотрят, ничего не пропустят». Лица бородачей, когда на них падали лучи полицейских фонариков, были спокойно-деловитыми. Дверь санитарной машины, наконец, закрылась, заурчал двигатель, вспыхнула

мигалка. Машина помчалась в сторону Тель-Авива, похожего отсюда на праздничный пирог с множеством свечей. Обычно этот вид поднимал Натаниэлю настроение. Но сейчас был не тот случай.

– Да, так о чем это мы? – рассеянно спросил Натаниэль. – Так вот, насчет свидания. Нет, Ронен, никакого любовного свидания не было.

– Ну, Натан... – инспектор с сомнением покачал головой. – Все-таки, согласись: пардесы – не то место, где проводятся деловые встречи.

– Конечно, – Натаниэль кивнул. – А кто сказал, что встреча была именно здесь? Сюда ее привезли уже в бессознательном состоянии, дорогой мой. Готов спорить на что угодно – вскрытие покажет наличие в организме большой дозы снотворного.

Даже в темноте можно было заметить удивленно вздернутые брови инспектора.

– Откуда такая уверенность? – спросил он недоверчиво. – У тебя что, есть какая-то информация? Выкладывай!

– Ты этой информацией тоже обладаешь, – ответил Розовски. – Ровно в такой же степени. Ох-хо-хо, Ронен, неужели ты не обратил внимания на характер раны? Удар убийца нанес, когда женщина лежала ничком. Скорее всего, камнем. Или другим каким-то предметом, заранее приготовленным. Орудие убийства, естественно, забрал с собой. И выбросил где-нибудь в другом месте. Вот так, Ронен. Никакое это не любовное свидание, – повторил он.

Инспектор Алон некоторое время размышлял над словами детектива. Потом спросил:

– Ты считаешь, что убийца был один?

– Один, один. Там, возле тела, виден след от автомобиля. Так вот, я уже говорил, что Дина была без сознания. Убийца не смог далеко оттащить ее. Два или три метра. Если бы их было хотя бы двое, они отошли бы от дороги подальше. А тут – он рисковал: могли заметить с трассы. Значит, просто не мог отнести. Сил не хватило... – Натаниэль открыл дверцу «рено». – Я так полагаю, ты отвезешь меня домой? Честно говоря, паршиво себя чувствую. С утра ничего не ел, весь день на сигаретах и кофе... Ну так что насчет смерти Смирнова? Надеюсь, ты больше не будешь доказывать, что он покончил с собой?

Розовски лег спать около четырех часов утра – после того, как он подписал акт опознания, Алон вдруг потребовал – именно потребовал, – чтобы тот поехал вместе с ним к мужу несчастной. Натаниэль удивился и согласился. Поездка ничего не дала: Ройзман категорически не желал приходить в себя. В конце концов, полицейские решили оставить его в покое до утра – если можно считать покоем транспортировку забывшегося пьяным сном Николая в полицейское управление.

Только после этого инспектор с явной неохотой согласился отпустить Натаниэля. Правда, его подвезли к самому дому – давешний сержант подвез, – но все равно: Розовски чувствовал себя разбитым и измотанным.

Он не помнил, как добрался до постели (слава Богу, мать уже спала – Натаниэль успел предупредить ее, что приедет поздно). Стянул с себя одежду и тут же уснул. И, наверное, проспал бы до обеда, если бы ровно в двенадцать его не оглушил пронзительный телефонный звонок. Первые же фразы, услышанные Натаниэлем, прогнали остатки сна.

Звонил мужчина. Его голос был Натаниэлю совершенно незнаком:

– Господин Розовски?

– Предположим, – угрюмо ответил Натаниэль. Он все еще переживал из-за прерванного сна.

– То есть? – незнакомец почему-то встревожился. – Я ошибся? Это номер частного детектива Натаниэля Розовски?

– Не ошиблись, не ошиблись... – Натаниэль сел на кровати и попытался одной рукой извлечь из упавших на пол джинсов помятую пачку сигарет. – Розовски слушает. Говорите, что вам нужно?

– Я адвокат госпожи Смирновой, меня зовут Цви Нешер.

Выуженная пачка оказалась пустой. Натаниэль шепотом выругался, запустил пачку в угол. Лишь после этого до него дошло, что мог означать этот звонок.

– Алло, алло! – поспешно заговорил он, – Меня тут отвлекли... Что-нибудь произошло?

– Я звоню вам по поручению Виктории, – пояснил Нешер. – Сначала позвонил в ваш офис, но там почему-то никого не было. Кроме автоответчика.

Розовски тут же пообещал себе взгреть своих сотрудников, имевших скверную привычку в его отсутствие не реагировать на телефонные звонки. Такое обещание он давал с регулярностью одного раза в неделю.

– Почему Виктория сама не позвонила? – спросил Натаниэль.

– К сожалению, ей разрешили позвонить только адвокату, то есть, мне.

Мужественный баритон Цви Нешера звучал так спокойно, что детектив не сразу понял смысла объяснения.

– Кто разрешил? О чем вы говорите? – он недоуменно поднял брови, словно собеседник сидел напротив.

– Полиция, разумеется. Господин Розовски, она арестована. Ей собираются предъявить обвинение, по крайней мере, в одном убийстве.

– Собираются – что? – Розовски подумал, что ослышался. – Что значит – «по крайней мере, в одном»?

– Насколько я могу понять, полиция считает, что она убила свою знакомую, некую госпожу Ройзман. И совершила это после того, как то ли убила, то ли довела до самоубийства собственного мужа.

Натаниэль позавидовал выдержке адвоката. Он говорил с несколько отстраненной иронией – как телевизионный ведущий, зачитывавший заведомо ложный прогноз погоды.

– Где она сейчас? – встревожено спросил Розовски. – И что собираетесь делать вы?

– Она в участке. Я собираюсь подать в суд просьбу об освобождении под залог, – прежним размеренным тоном сообщил Нешер. – Думаю, мне это удастся. Полиция не располагает сколько-нибудь вескими уликами. Правда, увы, госпожа Смирнова, в свою очередь, не располагает сколько-нибудь убедительным алиби – на момент преступления. Как бы то ни было, я добьюсь ее

освобождения, но не раньше завтрашнего полдня. Кроме того, я собираюсь встретиться с вами. И как можно скорее. Таково желание моей подзащитной.

– Конечно, – сказал Натаниэль. – Конечно, мы встретимся. Я буду в конторе минут через сорок. Когда ее арестовали?

– Полтора часа назад. Она сразу же связалась со мной – ей позволили это сделать. Я постарался навести кое-какие справки, прежде чем беспокоить вас.

Розовски подумал, что инспектору Алону никак не откажешь в оперативности. И в решительности тоже.

– Что же, до встречи. Буду ровно через сорок минут, – адвокат положил трубку.

– Ч-черт... – расстроено произнес Натаниэль. – Может быть, Ронен прав? Бросать мне надо все это. Ну в самом деле, что же получается: как будто инфекция какая-то. Только появился клиент – бац, отравился! Только появилась клиентка – бац, арестована!

Он потащился в ванную комнату. Надежда на то, что холодный душ поможет, не оправдалась. Просто до этого болела сухая голова, а теперь – мокрая. Вся разница.

Он быстро оделся, снял трубку, чтобы позвонить Маркину. Передумал, решил добираться до конторы пешком. По крайней мере, свежий воздух, возможно, вернет ему способность мыслить здраво. Хотя вряд ли. Такая способность, похоже, никоим образом не зависит от внешних факторов.

– А поесть? – ахнула мать, увидев, как выходившего сына. Натаниэль только махнул рукой и бегом спустился по лестнице.

Стоя на автобусной остановке, Натаниэль раздумывал, стоит ли говорить с Роненом до назначенной встречи? Он уже снял с пояса сотовый телефон, чтобы набрать номер. Но тут как раз подкатил автобус, и Натаниэль решил отложить разговор.

Он был на Алленби через пятнадцать минут. Судя по всему, его сотрудники появились за несколько минут до прихода шефа. Во всяком случае, компьютер Офры не был включен, а Маркин только собирался уткнуться в свой любимый журнал. При виде Натаниэля, мрачно прошествовавшего в кабинет, Офра немедленно включила чайник, а Маркин, почему-то, спрятал в карман набитую трубку.

Розовски сел за стол и молча воззрился на помощника.

– Ты мне дал два дня, – немедленно начал оправдываться Алекс. – Так что нечего смотреть, у меня информации почти никакой.

– Выкладывай то, что успел, – сказал Натаниэль. – У нас мало времени, через пятнадцать минут сюда явится адвокат Смирновой. Между прочим, чем ты занимался с утра?

– Работал, – сердито ответил Маркин. Усевшись в продавленное кресло, он извлек пухлый блокнот, перевернул несколько исписанных стенографическими иероглифами страниц. – Значит, так, – Саша постарался придать своему голосу деловитое звучание. – Начнем с фирмы «Лига». Российская торговая компания. Как уже было сказано, занимается торговлей продуктами питания и частично – медикаментами. Продукты – в основном, фрукты и фруктовые соки – закупает в нескольких галилейских кибуцах по прямым соглашениям. Отгрузка морским путем, из Хайфы. У меня тут есть названия кибуцев, можно проверить, – он вопросительно посмотрел на шефа. Тот махнул рукой, Маркин продолжил: – Никаких отделений, филиалов, представительств в Израиле компания не имеет, счетов тоже. Переговоры с партнерами ведутся напрямую, без посредников. Кстати сказать, Аркадий Смирнов занимался Израилем лишь в малой степени. То есть, поначалу, конечно, именно он отвечал за эту часть работы. Например, первый контракт с фирмой «Ахава» на закупку косметики и лекарственных препаратов Мертвого моря подписал он. И с «Ютватой» тоже, на поставку молочных продуктов. Йогурты, кефиры, и так далее. Контракты не очень крупные. Но в последнее время его деятельность протекала за пределами Израиля, главным образом, в Европе.

– В Швейцарии, – подсказал Натаниэль, вспомнив туристический журнал-каталог на вилле в Кфар-Шауль.

– Точно. Но тут интересно другое, – Маркин перевернул еще несколько страничек. – В это же самое время фирма «Лига» выступает инициатором нескольких гуманитарных проектов – совместно с международными фондами, в том числе, Фондом Сороса, например. И вот тут в каждом случае представляет российскую сторону господин А.Смирнов, – Алекс откинулся в

кресле, заложил ногу за ногу. – Если учесть, что половина таких начинаний представляет собою элементарную перекачку денег в нужные карманы, то – сам понимаешь.

Розовски поднялся со своего места, подошел к окну. Окно выходило во двор, давным-давно превращенный в автостоянку. Каждую секунду въезжал какой-то автомобиль, тыкался из стороны в сторону.

– Значит, у тебя уже есть подозрения? – рассеянно спросил Натаниэль, продолжая следить за въезжающими и выезжающими машинами. – Ну-ну. А говоришь, мало информации... – он оглянулся на помощника, покачал головой. – Я и вижу – информации, действительно, мало. Но ты, тем не менее, уже успел сделать вывод о мошенничестве нашего покойного клиента. Нехорошо, дорогой мой.

Маркин пристыжено потупился.

– А вот то, что он почти не занимался Израилем – это любопытно, – задумчиво протянул Натаниэль. – Это важно... – он снова повернулся к окну и крикнул: – Офра, как там насчет кофе? Только на троих, – добавил он, глядя на остановившийся прямо под окном темно-вишневый «фольксваген-пассат».

Офра тут же оказалась на пороге кабинета с подносом. на подносе стояли три чашки кофе, сахарница, молочник и тарелочка с печеньем. Едва она поставила поднос на стол, как входная дверь распахнулась, и в контору агентства вошел мужчина, уже знакомый Натаниэлю по короткой встрече в Кфар-Шауль. Розовски кивком поблагодарил девушку и поднялся навстречу адвокату.

Сейчас Цви Нешер показался Натаниэлю несколько моложе, чем в первый раз. Он был, скорее всего, ровесником самого Натаниэля – лет сорока. Тщательно покрашенная седина. Аккуратно подстриженные усы, здоровый загар.

Маркин с любопытством разглядывал посетителя. Не так часто в агентстве появлялись люди, весь облик которых свидетельствовал о жизненном успехе.

Тут был как раз такой случай. Дорогой костюм, дорогие туфли. А также запонки и заколка для галстука. Да и сам галстук если не от Кардена, то уж от Кристиана Диора – точно. Холеные руки с ухоженными ногтями, безымянный палец левой руки украшал перстень с печаткой – явно дорогой и отнюдь не вульгарный.

Пока адвокат здоровался с Натаниэлем и знакомился с Маркиным, любопытная Офра заглянула в кабинет, как минимум, трижды. Розовски грозно глянул на нее и плотно закрыл дверь.

Цви Нешер сел в предложенное кресло. От кофе отказался. Натаниэль с видимым сожалением тоже отодвинул чашку. Маркин тут же завладел подносом, отнес его в свой угол и с удовольствием принялся за печенье.

– Собственно говоря, я не очень понимаю, чего ожидает Виктория от вашего участия, – сказал Нешер. – Думаю, сейчас следует сосредоточиться на отстаивании того факта, что полиция не располагает прямыми доказательствами ее вины.

– Понятно... – Натаниэль вытащил из ящика стола очередную пачку «Соверена», но не стал распечатывать, задумчиво ею постучал по ребру крышки стола. – Значит, вы хотите добиться оправдания за недостаточностью улик?

– Совершенно верно, – адвокат энергично кивнул. – Думаю, вы со мной согласитесь: это лучший выход из сложившейся ситуации.

– Ну почему же? – Натаниэль чуть рассеянно посмотрел на помощника. – Я совсем не уверен в этом. Соглашаться или не соглашаться... Не знаю, не знаю. Не владею информацией. Вы бы поделились со мной, господин адвокат. Что вам сказали в полиции?

Цви Нешер сосредоточенно нахмурился.

– Ничего определенного.

– Но, по крайней мере, они объяснили вам основания для ареста?

– Да, конечно. Обвинения базируются на показаниях мужа убитой, некоего Николая Ройзмана.

– Протрезвили на свою голову... – проворчал Натаниэль. – Он показал, что его жена в тот вечер должна была встретиться с Викторией?

– Его показания не столь однозначны, – ответил Нешер. – Иначе нам пришлось бы туго. Поскольку алиби на момент убийства госпожи Ройзман у моей подзащитной нет... Впрочем, я вам уже это говорил.

– Но без подробностей, – заметил Розовски.

– Да, верно, – Нешер с сомнением посмотрел на детектива и с еще большим сомнением на притихшего в углу Маркина. – Не знаю, должен ли я вообще посвящать вас в подробности...

– Думаю, должны, – Натаниэль, в конце концов, распечатал сигареты. – Думаю, должны, поскольку я все еще работаю на вашу подзащитную. Следовательно, вся информация, сообщенная вами не выйдет за пределы этой комнаты, – он закурил, некоторое время смотрел сквозь облачко сизого дыма на задумавшегося адвоката.

Нешер, видимо, принял решение.

– Хорошо, – сказал он. – Собственно, в отсутствии алиби как раз ничего особенного нет – Виктория заявила, что после обеда у нее разболелась голова, она приняла снотворное и проспала почти до полуночи. Потом, как она утверждает, около двух часов сидела в саду, читала. Поскольку живет она в настоящий момент одна, то и подтвердить ее слова некому.

– Частично их могу подтвердить я, – сообщил Натаниэль. – Когда я уходил от нее – если не ошибаюсь, в четверть третьего, – она действительно жаловалась на головную боль и говорила о том, что собирается принять лекарство и лечь спать.

– Но спящей вы ее не видели, – заметил адвокат.

– Разумеется, нет. Но и полиция не видела ее в это время бодрствующей на месте преступления, – резонно ответил Натаниэль.

– Конечно, конечно, но...

– Перейдем к показаниям господина Ройзмана, – предложил Натаниэль, довольно бесцеремонно перебивая адвоката. И это, похоже, не понравилось господину Нешеру. Во всяком случае, лицо его сразу же приобрело недовольное выражение. Правда, всего на секунду или две.

Раскрыв папку, которую до того держал на коленях, он сказал:

– Здесь зафиксированы его показания. Я попросил копию и получил ее, – адвокат протянул детективу два листка распечатки, скрепленные в левом углу. Розовски быстро пробежал глазами показания свежее испеченного вдовца, хмыкнул.

Маркин, вытянув шею, пытался рассмотреть текст. Натаниэль коротко глянул на помощника и сказал:

– Из этого следует, что Дина Ройзман неожиданно устроила мужу истерику... Видимо, после посещения виллы... Так. После чего призналась в том, что все эти годы, вплоть до злополучного торжества в Кфар-Шауль она была любовницей Аркадия Смирнова. Это повергло Николая в глубокое уныние, выразившееся в употреблении большого количества спиртного. В ходе означенного употребления, он слышал, как жена собралась и кому-то позвонила. Кому точно, он не знает. Но ему показалось, что Дина назвала имя Виктории Смирновой. С уверенностью может утверждать только, что она назначила встречу в центре города, в кафе «Апропо». О цели встречи ничего не было сказано. Смутно помнит, что кто-то к нему вечером приходил... – Натаниэль покачал головой. – Хорошо хоть смутно, но, все-таки, помнит... Это я к нему приходил вчера вечером, – объяснил Розовски Маркину. – Могу подтвердить: он был в полной отключке. Накачался «Голдом» под самую завязку.

Маркин сочувственно покивал, потом осторожно спросил:

– А кто он такой?

– Ройзман? – Натаниэль вздохнул. – Господин из России, который очень не любит частных детективов... Не вижу здесь ничего, что обосновывало подозрения против Виктории, – сказал Натаниэль адвокату, возвращая листки. – Если, разумеется, они все точно зафиксировали. Он ведь не утверждает, что жена назначила встречу именно Виктории. Может, да, а может, нет. Что по этому поводу говорит госпожа Смирнова?

– Я уже объяснял: она спала. С трех часов дня и до самого утра. Сейчас ей кажется, что какой-то телефонный звонок она сквозь сон слышала. Но и только, – ответил адвокат.

Натаниэль снова взял запись протокола, которую адвокат не успел спрятать в папку.

– На допросе присутствовал переводчик? Ага, вижу... – Натаниэль посмотрел на подпись переводчика, спросил: – Значит, Николай Ройзман, уроженец Москвы, репатриировался с женой в июле 1998 года... – Розовски вспомнил фотографию с подписью в квартире Ройзманов. – Так. Работает ночным сторожем на автостоянке. Это мы уже знаем. Название не указано. Понятно. А что насчет кафе, в которое отправилась Дина Ройзман? Полиция проверяла?

– В том-то и дело, – ответил адвокат. Его прекрасно вылепленный лоб перерезала глубокая морщина. – Они разыскали официанта, работавшего вчера вечером. Тот опознал на предложенной фотографии Дину Ройзман и показал, что около восьми она покинула кафе. По его мнению, то ли она кого-то увидела сквозь витрину, то ли ее кто-то вызвал.

– По его мнению, – повторил Розовски. – По его мнению. На чем оно основано – неизвестно. Это все?

– Да.

– Ну и дела, – Натаниэль удивленно глянул на внимательно слушавшего Маркина. – И на основании таких расплывчатых показаний полиция готова предъявить обвинение госпоже Смирновой?

– Представьте себе, – с прежней невозмутимостью произнес адвокат. – Дело в том, что у полицейских уже имеется вполне логичная версия. Они предполагают, что причиной убийства Дины Ройзман является попытка шантажа. Они ухватились за показания господина Ройзмана – имеется в виду любовная связь убитой с мужем Викторией Смирновой...

– Да-да, – сказал Натаниэль замороженным голосом. – Покойники так любили друг друга... – он покачал головой. – Извините, Цви, но обвинение выглядит не очень серьезно.

– Я тоже так думаю. Тем не менее, они решили увязать гибель Аркадия Смирнова и убийство госпожи Ройзман.

– Вы говорите – гибель, – заметил Розовски. – Значит ли это, что полиция еще не решила, было ли то убийством или самоубийством?

– Думаю, что значит, – ответил Нешер. – Во всяком случае, используют формулировку именно такую, неопределенную.

– Та-ак... – Натаниэль задумался, побарабанил пальцами по столу. – Так-так-так... Что же выходит – муж покончил самоубийством, а жена решила разделаться с соперницей, которая уже не являлась таковой? Очень последовательное суждение. Логичное и психологически обоснованное. Ах да, вы же упомянули еще и шантаж. Стойте, ничего не говорите, я попробую угадать самостоятельно... – он на мгновение прикрыл глаза, после чего произнес торжественным тоном: – Значит, так. На самом деле Аркадий Смирнов не покончил с собой, как первоначально предположил пронизательнейший из полицейских сыщиков инспектор Алон, а вовсе даже убит. Причем собственной женой. Естественно, из ревности. Безутешная любовница покойного об этом каким-то образом узнала, что родило в ней неистребимое желание подкрасться тихонько к убийце и заорать на ухо: «Ага! А я все знаю!» Та, подскочив от неожиданности, немедленно угостила шантажистку-соперницу крепким снотворным с небольшой примесью кофе... Сие событие, разумеется, происходило в кафе «Апропо», при большом скоплении любопытствующих, – пояснил Розовски помощнику, с удовольствием слушающему захватывающий рассказ шефа. – Вот, – Натаниэль вновь обратился к адвокату Нешеру, – а когда экзотический напиток подействовал должным образом, скрутила несчастную жертву, вывезла ее в пардесы и там, под безмолвными звездами, завершила свое злодейство. Убила несчастную Дину Ройзман, проломив ей затылок увесистым камнем. Который всегда хранила в косметичке. На всякий, знаете ли, случай.

Маркин захихикал.

Цви Нешер, после небольшой паузы, сообщил, неодобрительно кривя губы:

– Должен признать, что, несмотря на недопустимый тон, вы вполне точно сформулировали версию полицейского следствия.

– Знаю, знаю, – Розовски махнул рукой. – И эти люди упрекают журналистов в чрезмерной фантазии! Чтобы придумать такую версию, нужно действительно обладать буйной фантазией. А уж настаивать на ней... – он покачал головой. – Единственное, с чем я бы согласился в такой версии, так это с фактом убийства Аркадия Смирнова. Убийства, а не самоубийства. Что еще известно?

– Я вижу, вам известно больше, чем мне, – сказал адвокат, глядя на детектива с большим подозрением. – Например, эксперты действительно установили наличие большой дозы снотворного в организме убитой. Но вскрытие производилось сегодня утром, между тем...

– Да ладно вам! – сказал Натаниэль. – Я это понял еще вчера. Без всякого вскрытия. Также, открыли Америку...

– Вчера? – переспросил Цви Нешер. – Вы хотите сказать, что уже занимаетесь расследованием этого убийства? В таком случае, я не понимаю...

– Ничем я еще не занимаюсь. Просто так получилось, что именно мне пришлось опознавать несчастную женщину... Ладно, сейчас не до подробности, да вам они и ни к чему, – Розовски глубоко затянулся сигаретой. – Теперь ответьте на несколько вопросов.

Цви Нешер с готовностью кивнул.

– Вы сами уверены в невинности Смирновой? – спросил детектив, с интересом глядя в бесстрастное лицо адвоката.

– Она моя подзащитная, – уклончиво ответил Нешер. – На мой взгляд, ее показания уязвимы. Но...

– ...Вы постараетесь свести все к недостаточности улик, – закончил за него Натаниэль. – Это я уже слышал. Ну, а что вы скажете, если я соглашусь попробовать найти настоящего преступника?

– Скажу, что такое предложение звучит несколько самонадеянно, – равнодушно ответил адвокат. И чуть улыбнулся, вернее, дернул уголками тонких губ: – Надеюсь, вы не обиделись?

– Нисколько! – воскликнул Розовски. – Я действительно чрезвычайно самонадеянный тип. Можете себе представить: несколько лет назад я вдруг решил, что в состоянии решать проблемы всей массы русских репатриантов, – те проблемы, которые полиция решить не может или не хочет. Уволился из полиции и занялся частным сыском. И, представьте себе, до сих пор уверен в правильности тогдашнего решения!

– Что же, я буду приветствовать любые действия, которые помогут госпоже Смирновой выпутаться из этой истории, – сказал Нешер. При этом чувствовалось, что чопорный адвокат серьезно сомневается в возможностях частного сыска. – Собственно говоря, госпожа Смирнова просила вас не прекращать расследования.

– Передайте ей, что я и не собирался прекращать.

Адвокат кивнул.

– Теперь насчет гонорара, – он вытащил из внутреннего кармана чековую книжку и массивный золоченый «паркер». Натаниэль энергично помотал головой.

– А вот этого не надо, – сказал он. – Виктория уже оплатила расследование.

Из угла, в котором сидел Маркин, послышался сдавленный вздох. Адвокат посмотрел на тощего молодого человека, уткнувшегося в журнал, потом на детектива. Пожал плечами: «Как угодно», – спрятал книжку и ручку.

– Ради Бога, извините, господин Нешер, – сказал Натаниэль с виноватой улыбкой. – Не сочтите меня бестактным, но я так и не понял: как получилось, что вы вдруг стали адвокатом госпожи Смирновой? Я знаю, что вы консультировали ее мужа по деловым вопросам. Но это ведь совсем не одно и то же.

Адвокат чуть приподнял одну бровь.

– Я сам предложил ей свои услуги, – холодно ответил он. – Считаю это своим долгом. А что?

– Нет, ничего, я так и подумал, – Розовски улыбнулся, почесал мизинцем переносицу. – Скажите, господин Нешер, вы ведь только три месяца работали с Аркадием Смирновым?

– Совершенно верно. Но этого срока оказалось вполне достаточно, чтобы проникнуться к этому человеку вполне естественным уважением.

– Мне тоже так показалось, – заметил Натаниэль, причем – совершенно искренне. – Вы говорите по-русски?

– Я? Нет, конечно, с чего вы взяли? – адвокат очень удивился. – Разумеется, не говорю. С господином Смирновым мы вели дела на английском. С госпожой Смирновой – тоже. Ивритом Аркадий владеет... то есть, владел, увы... Иврита он почти не знал. Виктория знает иврит лучше, но английский, в данном случае, предпочтительнее.

– Понятно, понятно. И все-таки: как вы познакомились?

– Сейчас не помню. Кто-то порекомендовал.

– Его вам? – уточнил Розовски.

– Наоборот, – ответил Нешер. – Меня – ему. Встретились, поговорили. Вот так. А что?

– Ничего. Скажите, вы не знаете, с чего вдруг Аркадий Смирнов вздумал устроить такое странное празднество? – спросил Натаниэль. – Не волнуйтесь, вообще-то я задаю этот вопрос всем.

Адвокат пожал плечами.

– Я и не волнуюсь. Нет, не знаю. Я и о самом празднестве ничего не знал. Насколько можно понять, там присутствовали знакомые хозяев. Между нами, безусловно, установились хорошие знакомые. Но друзьями мы не были... – Нешер немного помолчал. – Вообще, Аркадий был человеком со странностями, – сказал он и вдруг поднялся. – Извините. Мне пора. Не буду больше занимать ваше внимание.

Натаниэль тоже поднялся, обогнул стол и подошел к адвокату.

– Всего хорошего, – он крепко пожал вялую мягкую руку Нешера. – Спасибо, что уделите время. До свиданья.

– Не стоит благодарностей. Это мой долг, – с некоторой чопорностью ответил господин Нешер и быстро покинул кабинет детектива.

– До свидания... – протянул Розовски, глядя в закрытую дверь.

– По-моему, ты ему не понравился, – с удовольствием сообщил из своего угла Маркин.

– Зато я влюбился в него с первого взгляда, – проворчал Натаниэль. – Интересно, правда? Человеку из России, не владеющему ивритом, почему-то рекомендуют адвоката, не знающего ни слова по-русски... – он вернулся к своему столу, выдвинул ящик и принялся сосредоточенно копаться в хранившихся там бумажках. Хаос, царивший в ящике, приобрел новые черты. – Ч-черт... – он распрямился, принялся лихорадочно переключать папки, веером лежавшие на столе. Повторив все те же бурные действия в отношении полка с документами и книгами, Розовски, наконец, успокоился. Налив в чашку остывшего кофе, он устроился в кресле и устремил задумчивый взгляд на Маркина. Тот спросил:

– Что ты искал?

– Мысль, – тотчас ответил Натаниэль. – Была у меня недавно одна мысль, и я пытался ее найти.

– Нашел?

Натаниэль грустно признался:

– Пока нет. Боюсь, у мыслей все реже появляется повод посещать мою голову... – он залпом выпил холодный кофе, поставил чашку на стол. – А вообще-то, меня сейчас интересует только одно.

– И что же именно? – с интересом спросил Маркин.

Натаниэль заложил руки за голову и уставился в потолок. Лицо его приняло отрешенно-мечтательное выражение.

– Меня интересует улика, – сообщил он. И, скосив глаза на помощника, пояснил: – Что-то же позволило инспектору Алону в последний момент предъявить обвинение нашей клиентке!

Пока Алекс обдумывал сказанное, Натаниэль вернулся к столу и попытался навести порядок в только что созданном им же самим живописном хаосе. Несколько папок при этом с шумом полетели на пол, Розовски, ругаясь последними словами, полез их поднимать.

Среди рассыпавшихся документов он увидел знакомую бумажку.

– Вот черт, – растерянно сказал Натаниэль. – Я и забыл об этом...

Усевшись прямо на полу, он принялся внимательно рассматривать обрывок плотного глянцевого картона на просвет.

– Что это ты там делаешь? – спросил Маркин, с любопытством заглядывая через стол.

– А вот... Ч-черт, – с досадой произнес Розовски и посмотрел на помощника снизу вверх. – Не разглядишь.

– Чего не разглядишь? – Маркин грудью навалился на крышку стола и уставился в белый неправильной формой треугольничек. – Это не та бумажка, которая выпала из руки господина Смирнова?

– Та, та... – проворчал Натаниэль. – Тут какие-то водяные знаки. Очень мелкие.

– В чем же дело? – Маркин с видом превосходства посмотрел на шефа. – Дай-ка сюда. Сейчас мы ее просканируем и посмотрим на мониторе. В нужном масштабе.

Натаниэль выбрался из-под стола и с восхищением уставился на ловкие уверенные движения Маркина. Тот быстро выкатил из угла столик, на котором стоял новенький компьютер, сканнер и принтер. С неожиданной гордостью он вспомнил о том, как, уступив уговорам помощника,

потратил в прошлом году несколько тысяч на эту грудку железа. Оказывается, оно бывает полезным.

– Ну вот, – сказал Маркин, отходя в сторону. – Можешь полюбоваться. Все линии рисунка я закрасил черным, чтобы можно было рассмотреть детали. Но особых деталей здесь, по-моему, нет.

На мониторе Розовски увидел большое изображение двуглавого орла. «Все-таки, Россия, – с некоторым разочарованием подумал он. – Российские дела...»

– Что теперь? – спросил Алекс. – Распечатать?

– Да, – буркнул Натаниэль. – И повесь на стенку. Как память о первом случае использования новейшей техники в наших расследованиях.

Маркин с удовольствием выполнил распоряжение начальника. Теперь на стене кабинета, прямо над любимым креслом Натаниэля, красовалось изображение двуглавого орла.

Полюбовавшись на произведение своих рук, Маркин спросил:

– У тебя нет настроения посвятить меня в курс расследования? Честно говоря, я так и не понял, что именно мы ищем.

– Настроения нет, – признался Розовски. – Но придется. Только чуть позже, – он потянулся к телефону. – Алло, нельзя ли пригласить доктора Бен-Шломо? Кто спрашивает? Старый друг спрашивает. Спасибо... – он чуть отвел трубку в сторону, прикрыл микрофон рукой. – Черта с два он мне что-нибудь расскажет, – шепнул он Маркину. – В прошлый раз, когда он мне сообщил результаты вскрытия, Алон чуть не пристрелил старика... Да, да! – заговорил он в трубку. – Нохум, привет, это Натан.

– Извини, сейчас мне не до тебя, – недовольно сказал доктор. – По-моему, ты мне кое-что обещал.

– Только один вопрос: какой яд был использован, – быстро произнес Розовски. – И больше никаких вопросов.

Доктор Бен-Шломо помолчал.

– Синтетика, – наконец, сказал он. – E-5000X. В любом магазине продается, – после чего положил трубку.

Маркин подтащил кресло ближе к столу и приготовился слушать:

– Итак?

– Итак... – повторил Натаниэль, глядя в сторону. – Итак... Как тебе известно, Аркадий Смирнов был отравлен на собственной вилле в самый разгар званого вечера. В качестве яда, как только что сообщил доктор Бен-Шломо, использовался какой-то синтетический химикат E-5000X.

– Это еще что за штука? – удивленно спросил Алекс.

– Вот! – обрадовано воскликнул Натаниэль. – Вот ты мне об этом и расскажешь. Завтра. Хорошо? Поскольку продается эта хреновина во всех магазинах. По крайней мере, так утверждает доктор Бен-Шломо. Только, пожалуйста, Саша, меня интересует чистая теория. Не надо проводить эксперименты. Ни на себе, ни на окружающих. Договорились?

Маркин досадливо отмахнулся.

– Сие, так сказать, пункт первый, – сказал Натаниэль, становясь серьезным. – Полиция, как ты, наверное, помнишь, поначалу предположила самоубийство. Основания: эксцентричный характер господина Смирнова – такой вывод наш с тобой старый друг инспектор Ронен Алон сделал на основании идиотской затеи с маскарадом.

– Вот тут я с ним вполне согласен, – заметил Маркин. – Насчет идиотизма.

Натаниэль пожал плечами.

– Это как сказать, дорогой мой, – произнес он задумчиво. – Если бы знать, для чего ему понадобилась такая странная вечеринка...

– Для того и нужна была, – сказал Маркин. – Чтобы эффектно покончить с собой!

– Ну да, – проворчал Натаниэль. – Где берешь деньги? В тумбочке. А туда кто кладет? Жена. А жена где берет? У меня. А ты где берешь? В тумбочке... Так и у тебя: зачем вечеринка? Чтобы эффектно покончить с собой. Почему ты решил, что он покончил с собой? Потому что странная обстановка...

– А что? – вызывающе ответил Маркин. – Парень-то явно со странностями. Вспомни его манеру одеваться, его...

Розовски красноречивым взглядом окинул собственную фигуру. Маркин смутился. Действительно, по небрежности одеваться его шеф мог запросто дать сто очков форы любому эксцентричному миллионеру.

– Не считаешь ли ты, что я склонен покончить с собой в ближайшее время? – ехидно поинтересовался Розовски. – Не надейся.

– И слава Богу, – проворчал Маркин. – А то плакала бы моя зарплата... Ну, и что дальше?

– Дальше? А дальше, как я уже говорил, полиция сама отказалась от версии самоубийства. Иначе следовало бы предположить странную эпидемию несвязанных одна с другой смертей в достаточно узком круге знакомых между собой людей. Скажем, Аркадий Смирнов почему-то покончил с собой, но сразу после этого убита его любовница. Вопрос: связаны эти две смерти между собой или мы имеем дело с совпадением? – не дожидаясь ответа, Розовски ответил сам: – Разумеется, связаны. Относительно второго случая никаких сомнений нет: убийство. Коли так, мы вправе предположить, что и первое было, скорее всего, именно убийством. Мало того: я, к сожалению, послужил в некотором роде ускорителем событий.

– Это как? – спросил Маркин.

Розовски помрачнел.

– Я, видишь ли, поинтересовался у госпожи Ройзман, не знает ли она повода состоявшегося торжества, – ответил он.

– А что, повод был?

– Да был, был... – Натаниэль тяжело вздохнул. – Был повод. Что-то такое собирался сообщить господин Смирнов в конце вечеринки. Причем хотел это сделать именно под этим дурацким паланкином... Так вот, поинтересовался я у госпожи Ройзман. Она, естественно, ответила: «Нет». Но по лицу ее видно было, что прекрасно дамочка была осведомлена. Похоже, наш герой не рассказал сразу обо всем жене, но удержаться от рассказа давней своей любовнице не смог... Вот, а поскольку госпожа Ройзман в тот момент уже знала, что я по просьбе Виктории расследую обстоятельства гибели Аркадия Смирнова, то сложила два и два. Получилось четыре. Видимо, она догадалась о возможном виновнике смерти любимого... Словом, – подытожил Натаниэль, – версия полиции справедлива – до известной степени. Во всяком случае, Дина Ройзман была убита именно из-за того, что знала – или догадывалась – кто убил Аркадия. С этим я согласен. А вот с тем, что убийцей является наша клиентка и с ревностью в качестве мотива, согласиться не могу.

– Понятно... – Маркин помолчал. – Думаю, ты прав. Как-то трудно представить себе женщину с булыжником в руке, убивающую соперницу-шантажистку ударом по затылку.

– Я уж не говорю о том, что в такой схеме нет место загадочному документу, – добавил Натаниэль.

– Да, если бы речь шла о самоубийстве, можно было бы предположить, что это – остатки предсмертного письма. Знаешь, дескать, в моей смерти прошу винить нью-йоркскую биржу и соседа Абрашку, не вернувшего взятый до получки червонец.

– Даже в этом случае не сошлось бы, – возразил Натаниэль. – С чего бы это самоубийца писал письмо на плотной бумаге с водяными знаками?

При этих словах они одновременно воззрились на красовавшийся на стене рисунок.

– Что будем делать? – спросил Маркин.

– Дождемся освобождения Виктории под залог, – сказал Натаниэль. – Адвокат сказал, что это решится завтра до обеда. Это первое. Второе: я хочу знать, при каких обстоятельствах Смирнов начал работать в «Лиге». И еще одно... – добавил он после паузы. – И еще одно. У меня есть список гостей, – Натаниэль протянул Маркину сложенный вчетверо лист бумаги. – Попробуй с ними поговорить.

– О чем?

– Знал ли кто-нибудь из них, по какому поводу устраивалась вечеринка? – произнес Натаниэль. – Это, боюсь, чистая формальность. Уверен, что никто из гостей ничего не знает. Вернее, один-то знал наверняка. Но, во-первых, его может не быть в списке гостей. А во-вторых, даже если его фамилия здесь значится, он тоже ответит, что не знает.

– Зачем же спрашивать, если ответ и так известен? – резонно поинтересовался Маркин.

Розовски пожал плечами.

– Черт его знает, – ответил он. – А вдруг?

– Все понял, – Маркин спрятал блокнот в нагрудный карман. – А чем собираешься заниматься ты?

Розовски хотел ответить, чем он будет заниматься, но ему помешал очередной телефонный звонок. Он махнул рукой Маркину: дескать, подожди, – и снял трубку:

– Слушаю.

– Мне нужен Толик Розовски.

Натаниэль готов был поклясться, что женский голос, раздавшийся в трубке, был ему совершенно незнаком. И уж, во всяком случае, он не мог вспомнить обладательницы этого немолодого уже голоса среди тех, кто по старой памяти называл его «Толиком». Он осторожно спросил:

– А кто его спрашивает?

– Я его спрашиваю, я! – нетерпеливо ответила женщина. – Слушайте, юноша, мне некогда с вами объясняться, мне уже семьдесят лет и я дорожу своим временем! Передайте вашему начальнику, что звонит тетя Роза!

– Какая тетя Роза? – Натаниэль быстро перебрал в уме всех родственников. Тети Розы среди них не было точно. – Ах, тетя Роза! – с фальшивой радостью вскричал он. – Здравствуйте, очень рад. Слушаю вас, слушаю!

Поймав обреченный взгляд шефа, Маркин сочувственно вздохнул и вышел из кабинета.

– Очень рад? – с иронией переспросила неизвестная тетя Роза. – Он очень рад, так я и поверила. Знаете, Толик, вот только не надо притворяться, что вы меня помните. Вы меня не помните. Хотя мы встречались совсем недавно. У моей племянницы Вики.

Тут Натаниэль, с нарастающей тревогой ощущавший внезапно развившийся прогрессирующий склероз, облегченно вздохнул: наконец, он вспомнил тетю Розу – одну из трех старушек в черном, ходивших гуськом по гостиной в доме Виктории Смирновой.

– Но почему же, – соврал он. – Я вас прекрасно помню.

– Помню – не помню. Неважно... Ну? – возмущенно заговорила тетя Роза. – Как вам это нравится? Они-таки не нашли ничего лучшего, как засадить мою девочку! Если бы кто-нибудь мне сказал, что такое может случиться в еврейском государстве, клянусь: я бы глаза выцарапала! Что я теперь скажу Симе и Фиме?

– Извините, – Натаниэль робко встрял в словесный поток. – Сима и Фима – это кто?

– Сима – это моя сестра. Мать Вики. А Фимочка – отец. Муж Симы. Они вот-вот приедут. Так они приедут, я их встречу, и что? Повезу в тюрьму? Сумасшествие какое-то!

– Да, – сказал Натаниэль, поглядывая на часы. – Это ужасная ошибка, тетя Роза, и я надеюсь ее исправить...

– Лучше бы они надавили на того оборванца! – снова тараторила тетя Роза. – С драной задницей и граблями! И чтобы он рассказал, что он делал у нее, когда она – можете мне поверить – спала сном младенца! И почему он ездит на шикарной машине, что прямо сейчас – хоть в кино!

Натаниэль стал путаться. Кто ходит с драной задницей, при чем тут грабли, почему в шикарной машине нужно прямо сейчас в кино, а также почему и кто должен на кого надавить – для него пока оставалось загадкой. Улучив момент, когда собеседница сделала крохотную паузу, чтобы вдохнуть, он осторожно сказал:

– Тетя Роза, вы сообщаете очень важные вещи! Но нельзя ли чуть подробнее?

– А я что говорю! Подробнее будет так. Она мне сказала: «Тетя Роза, что вы будете сидеть со мной, вы же устаете, езжайте к себе, отдохните, придете завтра, со мной ничего уже не случится»... Но я же не могла вот так вот бросить ее одну и уйти! Я, конечно, подождала, пока она выпила снотворное, посидела немного – и...

– Стоп-стоп! – Натаниэль насторожился. – Вы точно видели, что Виктория выпила снотворное?

– А как же! – тетя Роза очень обиделась. – Я еще не выжила из ума. Выпила. Две таблетки. Я видела бутылочку, там написано... – она задумалась. – Как же там написано... Да! Написано «фенозепам». Вот так оно называется.

– Фенозепам, – повторил Розовски. – Отлично. В котором часу это было?

– Чтоб вам не соврать – в три. Так вот, я ушла, когда Виточка, дай Бог ей здоровья, таки уже уснула. Да. Дошла до остановки, а потом думаю: «Нет». Мало ли что может понадобиться – девочка одна, спит. А я, как на грех, никак не могла вспомнить – захлопнула я за собой дверь или

не захлопнула. Что вы хотите – года не те, память дырявая, – пожаловалась тетя Роза. – Да. Так я пошла назад. Потихоньку, не торопясь – ноги у меня больные, а там от автобусной остановки дорога крутая, вверх. Так я по дороге присела отдохнуть – там лавочка есть, под тентом, метров пятьдесят от дома. Вот. Значит, сижу я на лавочке и смотрю на Виточкин дом – он оттуда как на ладони. Красивый дом, вы же видели... Да. Сижу и думаю: «Как все бывает несправедливо! Только купили дом, в таком месте, все, вроде хорошо, дай Бог, только жить и жить – на тебе! Такое несчастье, такое горе...

– Значит, вы сидите и думаете, – подсказал Натаниэль, с трудом сдерживая нетерпение, – и смотрите на их дом. И что, вы говорите, там увидели?

– Ничего я не говорю, – отрезала тетя Роза. – Ничего я вам еще не сказала, иначе вы бы уже давно не слушали меня, и мчались что есть силы в тюрьму и освобождали мою племянницу.

Натаниэль подумал, что, во всяком случае, первая часть утверждения – насчет не слушать и мчаться что есть духу, абсолютно справедлива.

– Так вот, – продолжила между тем тетя Роза. – Значит, я сижу, и вдруг – что я вижу, Толик?

– Что вы видите, тетя Роза?

– Я вижу, как из Виточкиного дома выходит этот тип! Как вам нравится?

Розовски почувствовал сильное желание разбить телефонную трубку. Тем не менее, он спросил, восхищаясь собственной выдержкой:

– Какой тип, тетя Роза? Адвокат?

– Адвокат? – недоуменно переспросила тетя Роза. – Боже сохрани, при чем здесь адвокат? Нет, какой-то оборванец. То есть, он, конечно, может быть, и не оборванец, но, знаете, в таком виде... У него были шорты до колен, майка и шляпа. А на плече грабли.

– Садовник, что ли?

– Садовник-шмадовник, я знаю? С граблями! Так вы слушайте, слушайте! – тетя Роза сделала эффектную паузу. – Он так это осмотрелся по сторонам, и – топ-топ-топ к машине! А машина, чтоб вы знали, Толик, та-акая шикарная! Чтоб нам с вами всю жизнь на таких ездить, и горя не знать. Такая большая, красная. А? Так вот, я вернулась к Вике – она спит. Ну, я подумала, что этот тип, видно, в дом не зашел, а пошел к себе в подсобку за граблями. Там у них есть такая подсобочка, в конце двора, в нее можно пройти, не заходя в дом. В обход.

– Та-ак... – протянул Натаниэль. – Очень интересно, тетя Роза. И что вы сделали?

– А что я могла сделать? Встала и пошла. Но пока я дошла до дома, он уже укатил. На своей машине.

– Вы не видели – он один был в машине?

– По-моему, один. Вот. Я вошла, посмотрела сразу – Виточка спит. Проверила – ничего не тронуто. Побежала в подсобку – таки-да. Он был там. И конечно, не закрыл за собой дверь.

– А вы долго были у Виктории? – спросил Натаниэль. – Почему она не сказала в полиции, что вы были у нее?

– Так она же не знала! – воскликнула тетя Роза. – Я досидела до девяти, смотрю – девочка спит, бедная, так я уже потихоньку себе пошла и пошла. А сегодня приезжаю – и что я вижу, я вас спрашиваю? Я вижу, что на вилле написано: «Продается», что моя племянница в тюрьме, а этого бродягу как корова языком слизала! А что он там делал, хочу я знать?

– Я тоже, – задумчиво произнес Розовски. – Я тоже хотел бы это знать... – Вы не знаете, у них был постоянный садовник?

– Садовник? Нет, не было у них никакого садовника, – уверенно ответила тетя Роза. – Я помню, Арик пару раз приглашал кого-то со стороны, подстригать газоны. По-моему, кого-то, кто работал в соседних домах. Но это редко – Вика не переносит визг газонокосилки. Она всегда убегала из дома, когда начинался этот гармидер.

– Понятно. Вы не разглядели лица этого, с граблями на плече?

– Нет, – с сожалением ответила тетя Роза. – Не разглядела... Глаза у меня слабые, а был он, чтоб не соврать, метрах в ста от моей лавочки...

– А машина? – спросил Натаниэль. – Какая была машина?

– Ну, такая, обыкновенная. Большая. Темно-красного цвета. Только названия я не знаю, я эти названия запомнить не могу... Ну? – сказала она другим тоном. – Так как я вас нашла? А?

– Действительно, а как вы меня нашли? – спросил Розовски, на этот раз – с искренним удивлением.

– А вы спросите у своей мамы, – торжествующе посоветовала тетя Роза. – Вы ее спросите: «Мамочка, ты еще, может быть, помнишь Розочку Белинсон? Так я спасаю ее племянницу от тюрьмы!» И можете плюнуть мне в глаза, если она не прослезится... – тетя Роза неожиданно всхлипнула. – Ладно, не буду больше болтать. Дай вам Бог здоровья, Толик, чтоб вы таки помогли моей девочке.

Прежде, чем они закончили разговор, Натаниэль все-таки успел записать номер ее телефона, а так же взять слово, что тетя Роза по первому зову адвоката явится в полицию засвидетельствовать алиби племянницы.

О последнем он тут же сообщил Цви Нешеру. Адвокат не выразил никаких эмоций, но согласился, что – да, теперь можно не дожидаться суда, а немедленно добиться от полиции освобождения Смирновой, – пообещал заняться этим сейчас же. Еще он добавил, что в полиции Виктории сделали анализы крови. Если обнаружатся следы снотворного, можно будет совершенно успокоиться.

Положив трубку, Натаниэль достаточно долго сидел, неподвижно уставившись в исцарапанную крышку стола. Количество сюрпризов, преподнесенных за последние часы, превысило все ожидания.

Смерть Аркадия Смирнова – теперь уже ясно, что убийство.

Документ с водяными знаками в виде российского герба, который держал Смирнов перед смертью и который явно украл убийца. Что же, документ – причина убийства?

Маскарад. Понятно, что готовился розыгрыш. Кто, черт возьми, кого собирался разыгрывать?

Убийство Дины Ройзман. Почему? Женщина догадалась о причине убийства и... И что? Шантажировала убийцу? Или решила разоблачить его? Неважно. Важно, что убийца испугался.

– Что у нас дальше? – пробормотал Натаниэль. – Да... Арест Виктории Смирновой по подозрению в убийстве мужа и его любовницы.

Загадочная улика, которую, по всей видимости, обнаружил инспектор Алон, – улика, свидетельствующая о причастности Виктории к смерти то ли мужа, то ли Дины Ройзман.

И вдобавок ко всему – неизвестный с граблями и в красной машине.

– Ох-хо-хо, бедная моя голова... За что я постоянно сую тебя в петлю, ведь ты мне ничего плохого не сделала...

Бедная его голова не отозвалась, внутренний голос помалкивал. «Всегда вот так, – обиженно подумал Натаниэль. – Как нужно посоветоваться, так он куда-то девается...»

Он отмотал кассету, которая всегда фиксировала переговоры на служебном телефоне. Прокрутил еще раз рассказ тети Розы.

«...Вижу, как из Виточкиного дома выходит этот тип... Какой-то оборванец. У него были шорты до колен, майка и шляпа. А на плече грабли... Этот тип, видно, в дом не зашел, а пошел к себе в подсобку за граблями. Там у них есть такая подсобочка, в конце двора, в нее можно пройти, не заходя в дом. В обход... Пока я дошла до дома, он уже укатил...»

– Укатил, – повторил Натаниэль и остановил запись. – Укатил... Офра! – крикнул он. Секретарь появилась не сразу. Когда же появилась, то в руках у нее был поднос с очередным дымящимся кофейником.

– Офра, – сказал Натаниэль, – за кофе, разумеется, спасибо, но я тебя позвал по другому поводу.

В лице девушки появилась настороженность.

– Видишь ли, – задушевно начал Розовски, – я решил стать эксплуататором-кровососом. Ну, сама посуди: какой же я хозяин, если все пытаюсь делать сам? Так вот, теперь все будете делать вы. Ты и Маркин.

– Что именно делать? – сердито поинтересовалась Офра. – Мыть полы? Я их и так мою. Что еще?

– Нужно поехать в Кфар-Шауль, – серьезно сказал Розовски. – Улица Пальмах. И поговорить с соседями нашей клиентки.

– О чем? – спросила девушка, мгновенно преображаясь. От хмурости не осталось и следа. Она поставила поднос на стол, извлекла из кармашка юбки крохотный блокнотик.

– Нас интересует: нет ли на одной из ближайших вилл садовника, приезжающего на работу в роскошном автомобиле темно-красного цвета?

– Темно-красного цвета, – повторила Офра сосредоточенно. – Роскошный автомобиль. Это что – еще один сериал, что ли? Где ты видел садовников, разъезжающих на роскошных автомобилях?

– Ну, во-первых, у каждого могут быть свои причуды. Хобби, так сказать. Во-вторых, роскошным автомобиль назвала весьма пожилая дама. Может быть, для нее все, что на четырех колесах, считается роскошью, – объяснил Натаниэль.

– Понятно. Других примет нет?

– Видишь ли, шорты нельзя считать особой приметой. Возможно, этот человек – выходец из России. Но может быть, и нет.

Офра кивнула и направилась было к двери.

– Да, вот еще что! – крикнул ей вдогонку Натаниэль. – Представляйся кем угодно, но только не сотрудницей сысского агентства.

– Ты всегда все испортишь! – Офра уничтожающе посмотрела на шефа. – Мне, слава Богу, не три годика, кое-что соображаю! – она хлопнула дверью.

Вечернее солнце многократно отражалось в зеркальных стеклах отеля «Дан». Натаниэль Розовски сидел за столиком в расположившемся напротив отеля уютном уличном кафе. Перед ним стояли три крохотных – не больше наперстка – кофейных чашечки и блюдце с соленым арахисом. Все три чашки были пусты, а в блюдце было гораздо больше шелухи, чем самих орешков.

Кафе продувалось ветерком, шедшим с моря, и это немного нейтрализовало обрушившуюся на город в последние дни жару. Короткий период нормальной погоды закончился вместе с апрелем. Теперь дни просто жаркие чередовались с удушающими периодами хамсинов, когда небо затягивалось болезненно-желтой пеленой из мельчайших песчинок.

Натаниэль посмотрел на часы. Человек, которого он ждал, опаздывал по меньшей мере на четверть часа. Можно было бы, конечно, позвонить ему и поторопить, но Натаниэль не хотел этого делать.

Тот, кого он ждал, только вчера приехал в Израиль. Звали его Сергей Анатольевич Венедиктов и занимал он пост президента компании «Лига», то бишь, был непосредственным руководителем Аркадия Смирнова. Розовски, позвонив Венедиктову, договорился о встрече – здесь, в уличном кафе напротив отеля Дан.

Но президент «Лиги» опаздывал. Впрочем, Натаниэль был виноват сам – он избрал такой тон разговора, который позволял собеседнику предположить необязательность встречи.

Розовски вздохнул, попросил еще чашку кофе. Флегматичный Нисим – хозяин кафе – с явной неохотой отвел взгляд от телевизора, закрепленного за стойкой, почти под потолком. Передавали футбольный матч между двумя тель-авивскими командами – «Ха-Поэль» и «Маккаби». Нисим пошуровал бронзовой джезве в раскаленном песке, наполнил густы и очень сладким напитком очередной фарфоровый наперсток, торжественно поставил его на столик и молча удалился за стойку.

Натаниэль закурил очередную сигарету – третью за последние полчаса – и уставился на сверкающее высотное здание. В ту же минуту дверь распахнулась, выпустив из стеклянного нутра очередную группу гостей. Розовски насторожился. Двое из вышедших огляделись по сторонам, после чего почти одновременно пересекли мостовую и направились к кафе. И тот, и другой обликом вполне соответствовали представлению детектива о современном российском бизнесмене. Между собой они различались разве что цветом волос – первый, шедший чуть впереди, был темным шатеном, второй – рыжеватым блондином. Натаниэль внимательнее присмотрелся к ним, пытаясь решить, с кем из двоих он назначил встречу. Решил, что с блондином – тот шагал увереннее и выглядел наглее.

Близнецы-бизнесмены вошли под тент и направились к стойке. На одинокого посетителя они почему-то даже не взглянули, зато к Нисиму обратились по-английски и, что поразило детектива больше всего, без акцента. То есть, без русского акцента. Зато с явно выраженным акцентом американским.

Натаниэль озадаченно прислушивался к тому, как мнимые русские покупали сигареты и зажигалки.

– Вы ждете меня?

Розовски повернулся на вопрос, заданный по-русски. Перед его столиком стоял высокий и очень худой человек лет сорока. Длинные волосы были забраны на затылке в косичку. Футболка с надписью «New-York City» прекрасно сочеталась с выцветшими джинсами и надетыми на босу ногу сандалиями.

– Может, и вас, – пробормотал Натаниэль чуть растерянно. – А вы кто?

– Моя фамилия Венедиктов. Если вас зовут Натаниэлем, то вы звонили мне около часа назад, – ответил худой человек, не дожидаясь приглашения, отодвинул пластмассовый стул и сел напротив детектива.

– Понятно, – сказал Натаниэль. – Извините, я как-то не предполагал... – он зачем-то оглянулся на двух «бизнесменов», все еще топтавшихся у стойки и громко переговаривавшихся по-

английски. – Вы не очень-то похожи на президента торговой компании, – честно признался он. – Я думал, что вы – один из них, – Натаниэль показал на американцев.

Венедиктов рассмеялся.

– А вы поменьше читайте книжки про «новых русских», – посоветовал он. – А эти ребята, по моему, спортсмены. Приехали в Израиль то ли на сборы, то ли на соревнования. Я слышал краем уха, как они говорили об этом в лифте. Мы живем на одном этаже, – объяснил Венедиктов.

Натаниэль сокрушенно покачал головой.

– Вот уж действительно, – сказал он. – Как же это я, а? Кому-кому, а уж мне-то не пристало оценивать все по стандарту. Какой же я после этого сыщик?

– Если вас это утешит, – заметил Венедиктов, – могу признаться: я тоже был немного удивлен. Вы мало соответствуете облику частного детектива. Во всяком случае, я представлял вас совсем другим. Не возражаете, если я тоже закажу кофе? И что-нибудь перекусить... – он махнул рукой, подзывая Нисима, соизволившего бросить взгляд на посетителей. Видимо, матч закончился.

Нисим неторопливо приблизился к столику. Натаниэль, по просьбе Венедиктова, сделал заказ.

– Похоже, я опять поступаю неправильно, – сказал президент компании «Лига». – Бизнесмен, тем более – солидный бизнесмен, должен обедать в приличном ресторане. например, при отеле. Верно?

Розовски засмеялся.

– Да, уличное кафе – это, скорее, для частных детективов.

– Все дело в том, что я обожаю уличные кафе, – объяснил Венедиктов. – И терпеть не могу рестораны. К сожалению, при всех изменениях, происходящих в России, наш тамошний сервис пошел по пути создания ресторанов. Дорогих и очень дорогих. Там нет возможности просто так, прогуливаясь по городу, сесть за столик, стоящий прямо на тротуаре, выпить кофе или колы, посидеть, почитать газету... Между прочим, такие вот уютные уголки особенно хороши во Франции. Там к кофе подают восхитительные булочки. Почти невесомые. Вы бывали во Франции?

– Нет.

– Но в Израиле они тоже имеют свою прелесть, – великодушно признал президент компании «Лига». – Хотя я пока что не так много успел посмотреть – только вчера прилетел.

Нисим принес заказ. Натаниэль совершил ошибку, машинально переведя фразу Венедиктова: «Что-нибудь поесть», – без уточнений. Нисим сделал выбор, исходя из собственного вкуса. Он принес гостю питу – лепешку, представлявшую собой своеобразный карман из теста. Карман был битком набит ее ломтями жареного, сочащегося жиром мяса и всеми овощами, имевшимися в кафе. При взгляде на нее у Венедиктова отпала челюсть.

– Это что? – потрясенно спросил Венедиктов. – Вместо булочки к кофе?

– По мнению Нисима – да, – серьезно ответил Натаниэль. – Он же не знал, что именно вам понравилось во французских кафе. Но вы, насколько я понял, еще не обедали. Вот, кстати, и обед.

– И ужин, – обреченно добавил Венедиктов. – И завтрак, – он тяжело вздохнул и попробовал откусить край лепешки. По мере углубления в лепешку, лицо его приобретало все более одобрительное, а в конце и вовсе восторженное выражение. Нисим довольно улыбнулся и величественной походкой ушел к себе за стойку. Теперь его не интересовало ничего – даже телевизор. Он смотрел в пространство полностью отрешенным от жизни взглядом. Такой возвышенно-философский взгляд Розовски однажды наблюдал у Эйтана Шимшони – великого мошенника, обставившего однажды банк «Мизрах-а-Тихон» на семьсот тысяч шекелей. Именно так – отрешенно-одухотворенно смотрел Этан Шимшони сквозь полицейских, когда Розовски с коллегами явились его арестовывать.

– Вы сказали, что я мало похож на частного детектива, – сказал Натаниэль, с интересом наблюдая за тем, как президент «Лиги» пытается справиться с плодом кулинарного искусства Нисима. – А что, многих видели?

Венедиктов кивнул и добавил, проглотив огромный кусок:

– В кино.

– Тогда понятно... Знаете, я ведь поначалу тоже конструировал собственный облик с помощью голливудской продукции. Когда мне пришлось в голову уйти из полиции и заняться частным сыском, я руководствовался двумя безусловными факторами. Первый – это врожденное недоверие бывших советских людей к представителям власти. Особенно к полиции. А второй –

романтическое звучание слов «частный детектив» для советского слуха, не успевшего еще испортиться всеми прелестями капиталистической жизни.

Венедиктов коротко засмеялся.

– Да-да, – сказал Натаниэль. – Именно так. Потому я решил, что нужно соответствовать. Клиент, переступая порог моего кабинета, должен был увидеть человека, хорошо знакомого ему по фильмам и книгам, защитника справедливости, смелого, решительного, умного.

– Вы от скромности не умрете, – ехидно заметил Венедиктов.

– Надеюсь, что не только от скромности, – невозмутимо ответил Розовски. – От всего остального тоже. И потом: я ведь не о своих качествах, я об образе, который должен был возникать в мозгу репатрианта из бывшего СССР, измученного денежными, а тем более, криминальными проблемами. Так вот, я даже купил себе классический киношный револьвер – кольт тридцать восьмого калибра. Я изменил своему верному «Йерихо», с которым не расставался в течение всех двенадцати лет полицейской службы! – Натаниэль сокрушенно покачал головой. – Целыми днями сидел, уткнувшись в экран телевизора и просматривая бесконечные теле и киносерии о сыщиках. Даже начал говорить с американским акцентом! Поверите ли: моя родная мама настолько испугалась всего этого, что хотела отправить меня в психиатрическую лечебницу...

Венедиктов, удовлетворенно вздохнув, отодвинул тарелочку с остатками еды и взялся за кофе.

– И чем же все это закончилось? – вежливо спросил он.

– Голливудский период? – Розовски пожал плечами. – Кольт валяется дома в письменном столе. Видеомагнитофон я не включаю вот уже четыре года. Фильмы подарены племяннику – у меня невероятное количество племянников и кузенов, – доверительно сообщил Розовски. – Что же касается эффекта, оказываемого на клиентов, ничего определенного сказать не могу.

Венедиктов допил кофе, промокнул губы салфеткой.

– Ладно, – сказал он. – Будем считать, что разминка закончена. Поговорим серьезно. Насколько я понимаю, наша встреча связана со смертью Арика Смирнова?

– В общем – да, – ответил Натаниэль. – Я занимаюсь расследованием – не самого убийства, этого я не могу делать, не имею права. Прерогатива полиции.

Венедиктов кивнул.

– А что с его женой? То есть, вдовой? – спросил он. – Мне говорили, будто она арестована?

Розовски качнул головой.

– К счастью, она провела в полиции всего полдня. Вовремя обнаружился человек, подтвердивший ее алиби... Но вообще-то ее задерживали не в связи со смертью мужа – во всяком случае, формально. Дело в том, что через три дня после убийства Аркадия Смирнова, была убита его бывшая подруга. Дина Ройзман. Вы случайно не знали ее?

– Нет, не знал, – Венедиктов нахмурился. – Однако... Две смерти подряд. И вдову Аркадия арестовали по подозрению во втором убийстве?

– Задержали, – поправил Натаниэль. – Не арестовали, а задержали. Да, именно так. Но, как я уже сказал, было установлено алиби, и полиции пришлось снять свои обвинения. Правда, насколько я знаю человека, возглавляющего расследования, он будет продолжать копать – теперь уже пытаюсь доказать сомнительность алиби. Поскольку свидетелем является близкая родственница Виктории. Ее родная тетя.

– Понятно... Понятно... – Венедиктов озабоченно потер переносицу. – Да, история...

– Вот, – продолжил детектив, – но вдова вашего израильского представителя попросила меня собрать кое-какую информацию личного характера, косвенно касающуюся и обстоятельств смерти. И еще одно: не будучи полицейским, я не вправе вести, так сказать, допрос кого бы то ни было. Плюс ко всему, сведения, которые я могу получить в ходе нашей беседы, не признаются судом. Уф-ф! – выдохнул Розовски. – Кажется, обо всем предупредил.

– Ну-ну, – Венедиктов юмористически посмотрел на собеседника. – Никогда бы не подумал, что вы давно уехали из Союза.

– Правда? А почему? Что, акцент не слышен? – вежливо спросил Натаниэль.

– Акцент? Акцент ни при чем. Просто сплошные канцеляризм в речи, – объяснил Венедиктов. – Я от таких отвык.

Натаниэль обескуражено уставился на него.

– Вот тебе и раз... – растерянно произнес он. – Даже в голову не приходило... Венедиктов нетерпеливо махнул рукой.

– Неважно. Задавайте вопросы, я готов ответить на все.

– Вопросы... – Розовски задумался. – Вопросы... Видите ли, уважаемый Сергей, ваш сотрудник погиб при весьма странных обстоятельствах. Ну, это вы, наверное, знаете.

Венедиктов кивнул.

– Маскарад... Какие-то странные наряды... Появление непонятной процессии...

– Да-да, – нетерпеливо перебил Венедиктов. – Это все я действительно знаю.

– Конечно. Конечно... Так вот, уважаемый Сергей, – сказал Натаниэль. – Во всей этой истории идти нужно от самого начала.

– Вообще-то я полагал, что в любом деле следует идти от начала, – заметил Венедиктов.

– Вовсе нет. Чаще мне приходилось расследовать дело с конца, – возразил Розовски. – Но тут, представьте, тот самый редкий случай... Когда ваш представитель пришел ко мне в контору, он упомянул какой-то контракт, недавно подписанный им. Причем контракт чрезвычайно удачный. Более того, Аркадий намекнул, что именно заключение контракта и является чем-то вроде повода к устройству торжества. Во всяком случае, косвенного повода. И контракт этот, насколько я понял, он подписал в Швейцарии. Что вы можете рассказать об этом?

Венедиктов задумался.

– Н-нет, – сказал он. – Не знаю. Нет, точно. Никаких контрактов он в последнее время не заключал. Я имею в виду – от имени компании. Тем более – в Швейцарии. У нас нет партнеров в Швейцарии, это я могу утверждать определенно.

– Стоп! – Натаниэль удивленно поднял брови. – Погодите... Но ведь он ездил в Швейцарию? Не так давно, полгода назад. Неужели вам об этом не известно?

– Почему же неизвестно? Известно, разумеется. Но при чем здесь контракт? Арик ездил по личным делам, в отпуск.

Пока Натаниэль переваривал полученную информацию, Венедиктов успел докурить длинную коричневую сигарету.

– И потом, – сказал он, – вам, должно быть, неизвестно, но в последнее время Арик коммерческими проектами не занимался.

– Вот как? А чем же он занимался? И что значит – «в последнее время»?

– В последнее время – значит, около года. А чем занимался – гуманитарными программами.

– Угу... Значит, гуманитарными. И в Швейцарию ездил по личным делам... – растерянно повторил Розовски. – По личным... И что это за дела, вы, конечно, не знаете.

Венедиктов с сожалением развел руками.

– Ну да, ну да... – Розовски нахмурился, потом махнул рукой. – Жаль, конечно... Так вот, перед устройством злополучного вечера Аркадий Смирнов получил какой-то документ – так я, во всяком случае, предполагаю, – имевший ко всем последующим событиям отношение.

– Что за документ? – быстро спросил Венедиктов.

– Увы, – Натаниэль развел руками точно так же, как до этого – его собеседник. – Убийца – или сообщник убийцы, мы не можем отрицать факт чьего-либо соучастия – вырвал его из рук жертвы. Мне на память остался лишь клочок. Самый уголок документа.

– Без всяких надписей?

– Без. Но с водяными знаками. Скажите, Сергей, ваша фирма использует для каких-нибудь бланков плотную бумагу с водяными знаками.

– По-моему, нет, – Венедиктов ответил чуть неуверенно. – Знаете, я не видел всех без исключения документов. Да и не я подписываю образцы бумаг для изготовления. Но что-то не помню документов с водяными знаками... А что за знаки?

– Двуглавый орел, – ответил Натаниэль. – Российский герб.

– Вот как? Но, в таком случае, это мог быть документ от какого-нибудь официального учреждения!

– Все может быть, – без особой надежды Натаниэль вытащил из бумажника сложенный листок, на котором был изображен увеличенный рисунок водяного знака, и протянул его собеседнику. Президент торгового дома «Лига» долго и сосредоточенно рассматривал рисунок, потом вернул его детективу.

– Не хочется вас разочаровывать, Натаниэль, – сказал он. – Такие водяные знаки могут использовать многие учреждения – и частные, и государственные. У некоторых компаний государственный герб стал частью фирменного знака.

– Да, возможно, возможно... – Натаниэль спрятал листок в карман. – Если вы уже сыты, может быть, пройдемся? Эта духота мне порядком надоела. Давайте прогуляемся по набережной – там, по крайней мере, ощущается ветерок с моря.

На набережной дышалось легче – или, вернее, казалось, что дышится легче. На самом деле влажность лишь усиливала ту душную тяжесть, которая, казалось, придавила Тель-Авив в последние два дня. Но размеренно шуршавшее море, белые барашки, то и дело возникавшие на спинах катившихся волн создавали обманчивое ощущение хоть и слабой, но все-таки, прохлады.

– Не нравится мне Средиземное море, – признался Венедиктов, когда они спустились с набережной к самой воде. – Черное лучше. Здесь все какое-то... лицемерное. Вот, кажется, волны слабые, чуть заметные. А я вот вчера, в связи с приездом, решил вечером окунуться – так еле выбрался на берег. Утягивает, как в омут. И вода соленая. Нет, на Кавказе лучше... Было лучше, – добавил он после небольшой паузы.

Розовски пожал плечами, рассеянно заметил:

– Во-первых, морская вода не предназначена для питья. А во-вторых, вечером купаться не следует – отлив, все-таки.

Натаниэль подошел к самой кромке прибоя, присел на корточки, зачерпнул пригоршню воды, оттер горевшее лицо. Выпрямился. Уселся на огромный валун, нависший над водой.

Венедиктов пристроился рядом.

– Скажите пожалуйста, Сергей, в фирме у Аркадия были враги? Такие, чтобы могли пожелать его смерти?

– Что вы! – Венедиктов посмотрел на Натаниэля с негодованием. – О чем вы говорите, Натаниэль, Бог с вами! Какие враги!

– Не знаю, какие, – ответил Натаниэль. – Чему вы так удивляетесь? Кто-то же убил его. Значит, враги у него были. Может быть, не враги – соперники, конкуренты. Кому-нибудь человек перебежал дорогу. По службе. В карьере. В бизнесе. А?

– Нет, – сердито ответил президент «Лиги». – Никому он не мог перебежать дороги. Кроме него никто и не претендовал на пост представителя в Израиле. Не было у него врагов или конкурентов. По крайней мере, внутри «Лиги».

– Сергей, а вас он не приглашал на это самое торжество? – спросил Розовски.

– Приглашал, как же! Дважды звонил в Москву. Но мне было некогда. Вот, только сейчас удалось вырваться на недельку. Увы, слишком поздно.

– Да, поздновато... – Натаниэль помрачнел, уставился в мерно вздыхающее серо-голубое пространство. По ряби кое-где вспыхивали белоснежные гребешки бурунов. – Поздновато. Говорите, только сейчас удалось вырваться. Означает ли это, что вы приехали не по делам, а в отпуск?

– Означает, – Венедиктов коротко усмехнулся. – Именно это и означает. Плюнул на все дела и устроил себе отдых. Решил расслабиться под вашим солнышком. Рассчитывал на компанию Арика. Теперь вот и сам не знаю – чем буду заниматься.

– У вас нет других друзей в Израиле? – спросил Натаниэль.

– В общем, нет. Знакомые есть, но если уж ехать на отдых с компанией, то хотелось бы, чтобы в нее входили не просто знакомые.

– Когда вы собираетесь навестить Викторию Смирнову?

– Еще не решил, – Венедиктов поморщился. – Знаете, очень не люблю все эти официальные траурные ритуалы и формулы – «Позвольте выразить соболезнование», и так далее. С Ариком мы дружили, а его вдову я и видел-то пару раз, не больше.

– Можете выразить ей соболезнование по телефону, – посоветовал Натаниэль. – Действительно, чего ради тащиться Бог знает куда, чтобы сказать два слова... Скажите, Аркадий вам тоже не называл повода? – скорее утверждая, чем спрашивая, произнес Натаниэль. – Когда приглашал в гости?

Венедиктов вспоминал довольно долго. За это время Розовски успел выкурить одну сигарету и закурить вторую.

– Он не называл какого-либо повода для торжества напрямую, – сказал, наконец, Сергей Венедиктов. – Но мне показалось, что Аркадий собирается распрощаться с нашей компанией.

От неожиданности Розовски поперхнулся дымом.

– С чего вы взяли? – спросил он, откашлявшись.

– Понимаете, он говорил что-то о новом этапе жизни, о том, что ему... Как он тогда выразился? Да: что ему теперь, возможно, не с руки будет заниматься торговлей. Хотя он давно уже ею не занимался.

– Теперь? – повторил Натаниэль. – Что значит – теперь?

– Понятия не имею. Наверное нашел какое-то другое занятие, несовместимое, так сказать, с торговлей, – это Венедиктов произнес с несколько отстраненной иронией.

– Да, возможно, возможно... – Натаниэль в растерянности покачал головой. – Любопытные вещи вы мне сообщили, Сергей. Оказывается, Аркадий собирался прекратить свою деятельность на торговом поприще. Собственно, вы утверждаете, что в последнее время он и не занимался этим. Во-вторых, документ, полученный им перед смертью и исчезнувший загадочным образом, не имеет отношения к России. В-третьих... – Розовски замолчал. – Все это похоже на еще один маскарад, в котором каждый рядится в чужую одежду. Вы не находите?

Венедиктов развел руками.

– Мы всю жизнь рядимся в чьи-нибудь одежды, разве не так? Вся наша жизнь – это, по большому счету, маскарад. Или цепь маскарадов.

– Один из которых может оказаться смертельным, – закончил Натаниэль. – Да, наверное вы правы. И мне все-таки придется отыскать убийцу. Иначе моей клиентке еще долго придется доказывать, что она невиновна. Хотя у нее сейчас хороший адвокат. Цви Нешер. Слышали это имя?

– Слышал конечно. Как же я могу не слышать имени юридического консультанта собственной фирмы? – Венедиктов удивился. – Он, правда, консультировал только здешнее представительство.

– Да-да, – сказал Розовски. – Здешнее представительство. Поскольку оно состояло из одного человека, то, выходит, консультировал он только Аркадия лично. А кто этого адвоката нашел?

– Аркадий и нашел, насколько мне известно.

– Кстати, а кто вам порекомендовал самого Аркадия? – спросил Розовски.

– Никто не рекомендовал, – ответил Венедиктов. – Слава Богу, мы с Ариком сто лет знакомы. Это я ему предложил – когда узнал, что он едет в Израиль. О неприятностях его я был наслышан – ну, вы, наверное, тоже в курсе.

Натаниэль кивнул.

– Я как раз искал человека, который взял бы на себя представительство фирмы в Израиле, – продолжил Сергей Венедиктов. Горячий воздух трепал его косичку из стороны в сторону. – Ну, вот. Если честно, то я не сразу решился его брать на работу. Знаете... конечно, о покойниках *aut bene, aut nihil*, но только Аркадия часто подводил характер.

– Где вы изучали латынь? – с любопытством спросил Розовски. – Или это просто издержки всеобщей грамотности?

– Простите? – занятый воспоминаниями о погибшем друге Сергей не сразу отреагировал на вопрос детектива. – Я не расслышал вопроса.

– Ерунда, – Натаниэль махнул рукой. – Я не спрашивал, я слюной поперхнулся. Так что там у нас насчет характера Аркадия?

– Он был чересчур увлекающимся человеком, – объяснил Венедиктов. – Я ведь уже сказал, что мы были давно знакомы. Не сказать, что со студенческой скамьи, но что-то вроде. Аркадия поперли со второго курса университета за год до того, как поступил я. А познакомились мы в кабаке. Вместе подрабатывали в оркестре, играли на свадьбах...

– Говорите, поперли из университета? А на каком факультете он учился? – спросил Натаниэль.

– На юридическом. Там случилась неприятная история – наркотики, по-моему... Вообще-то, дело не в самих наркотиках, тем более кто ими не баловался в студенческие времена?

– Что за неприятная история?

– Какая-то девушка покончила с собой. Из их компании. Подробностей я не знаю – сам Аркадий ничего не рассказывал. Почти ничего. Только однажды – мы уже были хорошо знакомы –

обмолвился: дескать, пострадал за чужие грехи. Я так понял, его поперли из университета, а главный виновник вышел сухим из воды... – Венедиктов замолчал, потом добавил: – Но это всего лишь слухи, к тому же – почти двадцатилетней давности.

– Верно, верно... – пробормотал Натаниэль. – Грехи молодости, позавчерашний день... Вы хотели рассказать о характере Аркадия, – напомнил он.

– Да, верно. Так вот, была у Аркадия черта, мешавшая нормально работать. тем более, в бизнесе. Он слишком быстро охладевал к одним проектам, хватался за другие. Слов нет, его идеи всегда были оригинальны, но вот насчет воплощения в жизнь... – Венедиктов покачал головой. – Когда он сказал, что уезжает в Израиль, я подумал: почему бы нам не обзавестись своим человеком здесь? Как раз для Аркаши дело. Все – в новинку, может чего придумает. И сделали мы его своим представителем. Представьте себе, пошло. Поставки продуктов отсюда – его идея. Он тут связался напрямую с кибуцами, с сельхозпредприятиями. Заработал для фирмы приличные деньги. Ну и для себя тоже... – Венедиктов снова замолчал.

– И опять быстро охладел, – подсказал Розовски.

– Да, но на этот раз, представьте, предложил любопытный поворот. Предложил нашей компании начать активную разработку гуманитарных проектов. Весьма экзотических.

– Кстати о проектах, – сказал Натаниэль. – Поясните вы мне, темному человеку, что пользы вашему торговому дому от каких-то гуманитарных проектов и программ? Это же не коммерческие проблемы. Или я ошибаюсь?

– Ошибаетесь, – ответил Венедиктов. – Иная гуманитарная разработка приносит больше дохода чем стопроцентно коммерческая операция. Просто в первом случае все происходит опосредованно. Именно поэтому те, кто ищет сиюминутной выгоды, проходят мимо поистине золотых жил. А западные партнеры, кстати, сразу же начали нас выделять из числа прочих. Поскольку мы не приходили с протянутой рукой и ничего у них не кланчили. Наоборот – предлагали.

– И к чему же имели отношение ваши проекты? – спросил Натаниэль.

– К образованию. К высоким технологиям. К новейшим коммуникационным системам, – Венедиктов немного подумал. – Ну, если хотите – я вам пришлю регистр проектов.

– И все эти программы представляют собой реализацию идей вашего друга?

– Большинство.

– Интересно... Конечно, пришлите. И по возможности – завтра. Хорошо?

– Хорошо... – Венедиктов покрутил свою косичку, снял солнцезащитные очки. Взгляд его неожиданно напомнил взгляд Аркадия Смирнова.

«Да они ведь и правда друзья... – чуть растерянно подумал Натаниэль. Вслух сказал:

– Вы мне очень помогли, Сергей. Очень. Большое спасибо.

– Помог? – президент «Лиги» недоверчиво усмехнулся. – Чем же?

– Пока еще не знаю, – честно ответил Розовски.

На экране телевизора безостановочно шли предвыборные ролики. Понять что-либо в этом мелькании знакомых лиц и лозунгов мог только человек, постоянно интересующийся политикой. Натаниэль Розовски относился к тому счастливому меньшинству, которое узнает о существовании властей лишь тогда, когда на голову ни с того, ни с сего начинают сыпаться бомбы – как, например, во время войны в Персидском заливе. К счастью, это происходило крайне редко – а для такой безумной страны, как Израиль, просто удивительно редко. В прочих же случаях он вряд ли мог определить, что за депутат или министр улыбается ему с плаката или экрана. Тем более, что итогом двенадцатилетней службы в полиции стала изрядная путаница в лицах. Недавно Натаниэль долго и безуспешно пытался вспомнить, что за тип заискивающе улыбнулся ему на улице – бывший клиент, досрочно выпущенный из Абу-Кабира, или нынешний кандидат, стремящийся в парламент. Заноза засела в голове так прочно, что Розовски не успокоился, пока не выяснил наверняка. Оказалось – и то, и другое.

Поэтому во время показа предвыборной рекламы Розовски занимался экспериментами. Например, смотрел без звукового сопровождения, пытаюсь угадать: к чему призывает граждан бодрый голос диктора, когда очередной кандидат с вымученной улыбкой пожимает руки торговцев с рынка А-Тиква. Или наоборот: вырубал изображение и слушал вполне бредовый звуковой комментарий, воображая видеодейство. Почему-то обычно в голову лезли совсем неприличные сцены.

Время от времени подобные упражнения доводили старенький «Хитачи» до нервного расстройства. Вот и сегодня развлечения Натаниэля привели к тому, что на экране постоянно шел один и тот же репортаж откуда-то из центральной Африки, показывающий брачные игры белых носорогов, причем сопровождалась эти впечатляющие кадры бодрими и проникновенными призывами типа: «Мир и безопасность», «Имярек (имелся в виду лидер конкурентов) опасен для государства». Больше всего Натаниэля умилило следующее совпадение: самка носорога, чем-то разозленная, ринулась на своего партнера, который испуганно припустил со всех столбообразных ног. Колоритная сцена шла под впечатляющий призыв: «Нет насилию в семье!»

Невинное развлечение с телевизором отнюдь не мешало Натаниэлю думать. Он полулежал в кресле, держа в руке дистанционный переключатель, автоматически отмечая смешные моменты, но в то же время постоянно прокручивал в голове детали последних событий.

Стоявшая на журнальном столике пепельница полна была окурков, рядом лежали две пачки сигарет – одна пустая, вторая наполовину полная.

Алекс Маркин, вот уже добрых полчаса скромно сидевший на стуле в углу, не решался ничего сказать. Наконец период глубокой задумчивости закончился. Розовски сжалился над маявшимися помощником и свихнувшимся телевизором, щелкнул выключателем и нехотя взглянул на Сашу.

– Ну что? – спросил он. – Что тебе удалось выяснить? Что насчет яда?

– Насчет яда, – Маркин полез в свой верный блокнот, нашел нужную запись. – Инсектицид E-5000X используется для борьбы с вредителями плодовых деревьев. Но, как мне удалось выяснить, в больших дозах смертельно опасен и для человека. Его действие в самом деле напоминает действие синильной кислоты. E-5000X тоже вызывает паралич дыхательных путей. Смерть может наступить через пять – двенадцать минут после того, как яд попадет в организм. Время зависит от концентрации... – Алекс закрыл блокнот. – И еще одно. Хоть ты и не поручал мне этого, я все-таки выяснил, что за улику обнаружил инспектор Алон.

Розовски воззрился на помощника со слабым интересом:

– Ну?

– Пластмассовую колбу с E-5000X, – торжественно сообщил Маркин. – И нашлась эта колба не где-нибудь, а на вилле Смирновых, в подсобном помещении для хранения садового инвентаря.

– Да, интересно, интересно... – пробормотал Натаниэль. – Что еще?

– Этот яд очень горький на вкус, – сообщил Маркин. И поспешно добавил: – Не волнуйся, я его не пил. И не поил никого. У меня друг учится на химическом факультете. Там, по-моему, входит

щелочь... Ну, не знаю, я не специалист. Опыта суицида у меня, конечно, тоже немного. Но только Смирнов должен был сразу почувствовать горечь и просто выплюнуть...

– У него в бокале была налита горькая настойка, – сказал Натаниэль. – Я выяснял. Любимый напиток... Так что не почувствовал он горечи поначалу. Не обратил внимания. А крикнуть... – детектив покачал головой. – Видимо, что-то помешало. Или кто-то. Пока не знаю.

– Емкость с ядом – пластиковая колба, ее можно запросто купить в магазине. На этикетке написано: «Опасна при ненадлежащем употреблении»... – Алекс хмыкнул. – Формулировочка, а? При ненадлежащем. Хочешь еще одну новость? Инспектор ездил туда не по причине резко обострившейся интуиции. Как ты думаешь, почему?

– Ему подсказали, – сердито ответил Розовски. – И не имей такой привычки экзаменовывать начальство на предмет умственных способностей. Начальство может крепко обидеться.

– И не думал экзаменовывать! – Маркин прижал руки к груди. – Честное благородное слово. Тем более, что начальство абсолютно право. Ему подсказали.

– Спрашивать, кто подсказал, в данном случае демонстрировать полное отсутствие тех самых умственных способностей, – Натаниэль вздохнул. – Ясно, что подсказка была анонимной... – он вновь надолго замолчал. Потом сказал: – Думаю, подсказал ему некий человек в шортах и майке, с граблями и прочим садовым инвентарем на плече. Ударник садоводческого труда и, похоже, ба-альшой специалист по борьбе с разными вредителями. Вот, значит, при чем тут садовник, – Натаниэль потер переносицу. – Между прочим, Смирновы не пользовались услугами постоянного садовника. Как сообщила мне Виктория, Аркадий время от времени нанимал кого-нибудь – подстричь газоны. Обычно она уходила на это время из дому. Ее раздражает вой газонокосилки.

– Меня тоже, – сказал Маркин. – Особенно по утрам. Возле нашего дома работает такой ретивый парень – в шесть часов врубает свою машинку на полную катушку. Рехнуться можно.

Натаниэль отправился на кухню.

– Ужинать будешь? – крикнул он оттуда. – Мама уехала к родственникам в Димону, – Розовски вернулся из кухни с маленьким пластиковым подносом. На подносе горкой лежали несколько крупно нарезанных ломтей хлеба, белая коробочка с копченым мясом и две чайные чашки. Поставив на столик поднос, Натаниэль сел на прежнее место, жестом пригласив Алекса угощаться.

– В Димону? – переспросил Маркин. – Это не к тем родственникам, от которых было памятное письмо?

– К тем самым. Поехала залечивать душевную травму, полученную из-за очередного провала матримониальных планов относительно великовозрастного холостого сына, – объяснил Розовски. – По этому поводу мы с тобой могли бы чуть-чуть принять, но... – он развел руками. – Увы, у меня есть только минералка.

Маркин махнул рукой.

– Ладно, не страшно. В другой раз.

Натаниэль согласно кивнул.

– Между прочим, очаровательная была женщина, – с искренним сожалением сказал он. – Но у твоего начальника мозги повернуты в полицейскую сторону. По-моему, она испугалась, когда я ей объяснил, что «Гамлет» представляет собою классический шпионский боевик и что именно таким его автор и задумывал.

– И как же ты объяснял?

– В следующий раз, – ответил Розовски. – Вот под сто грамм и расскажу. Видимо, девушка по здравом размышлении пришла к выводу, что муж с такими наклонностями не только непредсказуем, но и вообще – опасен... Вот черт, бутерброды кончились, а чай еще не закипел, – он поморщился. – Что же, значит будем ждать.

– Чего именно?

– Во-первых, когда закипит чайник. Во-вторых, информацию Офры. Кстати, – он озабоченно посмотрел на часы, – что-то она давно не звонила, тебе не кажется? Второй день. Я начинаю волноваться.

Чайник закипел через три минуты. Из кухни послышался усиливающийся свист.

– О! – Натаниэль поднял палец. – Одного мы уже дождались. Если все остальное произойдет так же быстро – есть шанс довести расследование до конца.

Он принес из кухни фыркающий паром чайник, пачку чая «Липтон» и банку растворимого кофе.

– Мне лень варить кофе, – заявил он. – Так что выбирай: чай или растворимый?

Маркин выбрал чай. Розовски разложил по чашкам пакетики и залил их кипятком. В ожидании, пока чай заварится, он спросил:

– Как насчет второго поручения?

– Ты о гостях? Так это третье. Разговаривал, конечно. О причинах пышного сборища никто из них никакого понятия не имеет. Одним наш клиент обещал сенсационный сюрприз, другие сами не особенно интересовались: праздник – и ладно, почему бы и нет? В общем, никто ничего толком не знает.

– А не толком? – спросил Натаниэль.

– И не толком – тоже.

Натаниэль вздохнул и потянулся было к чашке с уже заварившимся чаем. Но тут Маркин сказал:

– Зато очень интересные сведения из фирмы «Пуримшпиль».

Рука Натаниэля замерла в воздухе. Он осторожно поставил чашку на столик и ласково посмотрел на помощника.

– Саша, – сказал он задушевым тоном, – радость моя, я сколько раз тебя учил: не говори под руку. И выбрось на помойку свои любимые театральные эффекты. Ясно? Выкладывай! – рявкнул он.

Маркин обиженно насупил, но начал рассказывать. По его словам, фирма «Пуримшпиль» находилась всего в квартале от офиса Натаниэля и занимала две комнаты в первом этаже старого четырехэтажного здания.

– Вывеска классная! – оживленно сообщил Маркин. – Ну, там клоунские маски, воздушные шары, но главное – реклама! Вот, я специально переписал, – он протянул Натаниэлю раскрытый блокнот. Розовски прочел: «Фирма 'Пуримшпиль' берет на себя организацию детских праздников, семейных торжеств, карнавальных вечеров к празднику Пурим». Написано было на иврите, а ниже тот же текст – по-английски. В конце же было приписано уже по-русски: «А также новогодних утренников и маскарадов – для частных лиц и учреждений».

Розовски усмехнулся. Еще совсем недавно на празднование нового года в Израиле смотрели косо – традиционно этот праздник связывался с христианством. Но ревнители еврейской чистоты ничего не могли поделать с привычками русскоязычных граждан. И вот уже несколько лет в помещении центральной тель-авивской автостанции под новый год появлялись украшенные елки, фигуры Деда Мороза и Снегурочки, а руководство всех учреждений неофициально объявило выходным днем 1 января. Привычка устраивать застолье 31 декабря мало-помалу привилась и в семьях коренных израильтян. Так что, в принципе, последнюю строку рекламы хозяева «Пуримшпиль» могли бы написать и на иврите тоже.

– Дальше, – потребовал Розовски. – Не думаю, что кроме рекламы ты ничего не узнал.

– Узнал, конечно. Во-первых, – Маркин загнул один палец, – наш клиент пожелал, чтобы для одного из его гостей костюм был сшит по особому эскизу. Причем – в двух экземплярах.

– Что значит – по особому эскизу? – Натаниэль чуть привстал с дивана и заглянул в блокнот. Ничего не понял в крючочках и палочках. – Почему в двух экземплярах? Что за костюм?

– Это – во-вторых, – ответил Алекс и положил на столик вчетверо свернутый лист бумаги. Развернув его, Натаниэль увидел нарисованный цветными мелками костюм, в которых хозяин вечера предстал перед своими гостями.

– Эскиз, – объяснил Маркин. – Изготовлен очаровательной девушкой по имени Авива. Художницей фирмы «Пуримшпиль». Она работала на основе, представленной заказчиком. Смирнов принес ей рисунок. Вернее, фоторепродукцию. По словам Авивы – с какой-то древней фрески. Или мозаики. Но рисунок не сохранился. Она не помнит точно – вроде бы, Смирнов забрал репродукцию после того, как посмотрел ее модель.

– Так почему в двух экземплярах? – повторил Натаниэль, откладывая рисунок в сторону.

– Он объяснил, что не хочет никаких неожиданностей. Что для него важно быть на вечере именно в этом костюме – по причине какой-то театрализованной эскапады. Сюрприза для собравшихся.

– Опять сюрпризы, – проворчал Натаниэль. – Сплошные сюрпризы. Вся вечеринка – один большой сюрприз.

– Что? Да, он говорил о сюрпризе, – Маркин закрыл блокнот. – Теперь насчет четверых парней, таскавших в злосчастный вечер чертов паланкин. Все четверо – студенты Тель-Авивского университета, трое живут в общежитии. Вот список и телефоны.

Натаниэль кивнул и потянулся к чашке. Сделал глоток. Чай остыть не успел. Маркин хотел что-то спросить, но тут раздался звонок в дверь.

– Пойди, открой, – велел он недовольным голосом. – Черт, ни утром, ни днем покоя нет...

Маркин послушно пошел к двери, повернул замок. Дверь открылась. Натаниэль, сидевший спиной к входу, услышал сдавленное восклицание, обернулся и увидел как его помощник медленно пятится от двери. Он поднялся.

На пороге стояла молодая женщина со смутно знакомым лицом. Она была в длинном, почти до щиколоток, платье свободного покроя. Голову украшала соломенная шляпка с искусственными цветами. Волосы под шляпкой были тщательно убраны в черный платок.

При всем том юная дама была, как выражалась мать Натаниэля, «и таки хорошо беременной». Во всяком случае, вырисовывавшийся под платьем округлый живот тянул месяцев на шесть, не меньше.

Рука Натаниэля, державшая чашку с ароматным напитком, так и замерла на полпути в воздухе.

– Офра? – спросил он неуверенно. В его расширившихся глазах явственно читался совершенно идиотский вопрос: «Когда это ты успела?»

Офра поставила на пол большую хозяйственную сумку, после чего выдернула из-под платья поролоновую подушку и бросила ее на диван.

– Ну? Чего вытаращились? – сердито спросила девушка. – Что я, на улице должна была вытаскивать? – она подошла к креслу и не села, а упала в него. – Уф-ф, ну и ну. Устала, как черт знает кто...

Маркин упал на диван.

– Офра, – заикаясь произнес он, – т-ты чего... а...

Офра исподлобья смотрела на него в ожидании продолжения. Но похоже, способность к членораздельной речи Саша утратил на неопределенное время. Поняв это, девушка перевела взгляд на Натаниэля.

– У тебя опять приступ склероза? – мрачно спросила она.

В голове слегка обалдевшего Натаниэля мелькнула мысль, что вопрос касается причин беременности, которые почему-то секретарь агентства связывает с ним. Рука его дрогнула, горячий чай полился прямо на ногу. Он вскочил, уронил чашку и громко выругался.

После этого оба – и Розовски, и Маркин пришли в себя. Насколько это было возможно.

– Ты что – с ума сошла? – рявкнул Натаниэль. – Предупреждать надо! А если бы мама была дома? Представляешь, что она могла бы подумать?

В отличие от прочих претенденток на руку и сердце Натаниэля, которые получали статус временных, Офру Сарра Розовски втайне рассматривала как постоянную и самую перспективную. Увидев ее беременной, мать испытала бы сильнейший удар.

– Я вчера звонила, – безмятежно ответила Офра и сняла шляпку. Шляпка плавно полетела по комнате и приземлилась на цветочную вазу. – Твоя мама мне сказала, что собралась к родственникам в Димону, – она перешла в атаку: – Ты же сам сказал: ни в коем случае не представляться сотрудником детективного агентства! Что мне оставалось делать?

Розовски заторможено кивнул.

– Ну вот, – сорвав черную косынку, она трянула головой, и завитые пружинками рыжеватые локоны тут же превратились в пышную прическу. – Я и решила притвориться обманутой девушкой из хорошей ортодоксальной семьи. А что? Непохоже?

– Еще как похоже!

– Там тоже все поверили, – сказала Офра. – Я ходила от виллы к вилле и искала твоего садовника. Из репатриантов. Описывала его так же, как эта твоя свидетельница. Объясняла, что вот, дескать, встречались, обещал жениться. А как забеременела, удрал. И теперь я не могу вернуться домой – религиозная семья, они меня не примут, это позор! Все жалели.

Маркин захохотал. Правда, хохот его имел слегка истерическую окраску.

Офра нахмурилась.

– Нечего смеяться.

– Погоди, погоди, – Натаниэль нащупал позади себя стул и осторожно сел. – Рассказывай. Тебе удалось что-нибудь узнать?

Вместо ответа Офра вернулась к двери, подняла сумку и перевернула ее. Из сумки выпал объемистый сверток.

– Сказала, что это мое, – объяснила она. – Что подлец не только обесчестил, но и обокрал меня.

– Поверили? – только и спросил Маркин. Офра грозно посмотрела на него и внушительно заметила: – Попробовали бы не поверить.

Маркин понял, что – да, попробовал бы кто-нибудь не поверить...

Между тем, Розовски присел на корточки и развернул добытый Офрой сверток.

– Ого... – протянул детектив. – Вот это да...

Маркин с любопытством заглянул через его плечо.

Перед ними на полу лежал искрящийся золотым шитьем карнавальный наряд покойного Аркадия Смирнова. Натаниэль поднял голову, посмотрел сначала на Маркина, потом на Офру. Под его пристальным взглядом девушка впервые после своего эффектного появления проявила некоторые признаки беспокойства.

– Ну а что? Что ты смотришь? – она фыркнула. – Этот тип был единственным русским, работавшим на этой улице. Вилла рядом с домом Смирновых. Так? Я вхожу в подсобное помещение – хозяева меня проводили.

– С чего вдруг? – замороженным голосом спросил Натаниэль. – Вот так вот запросто взяли и проводили? По собственной инициативе?

– Н-ну-у... Н-ну нет, конечно, – Офра отвела глаза в сторону. – То есть, в общем...

Натаниэль принялся ходить по комнате размеренным шагом и вещать:

– Дорогие мои сотрудники, я ли не учил вас действовать исключительно в рамках закона? Я ли не говорил, какое это неблагодарное дело – обманывать полицию? И что в итоге? – он остановился напротив притихшей Офры. – В итоге мы имеем кражу. Элементарнейшую кражу, за которую инспектор Ронен Алон с величайшим удовольствием отправит тебя, дорогая, за решетку. А меня лишит лицензии пожизненно, – он мельком взглянул на Маркина и небрежно махнул рукой. – По твоему поводу он тоже что-нибудь придумает, не сомневайся... – Розовски уселся на диван, откинулся на спинку и уставился в потолок. – Офра, ты хоть понимаешь, что важная улика перестала быть таковой в ту самую минуту, когда ты стащила эту сумку? Кому ее можно предъявить? Полиции? – Натаниэль фыркнул. – Черта с два! Разве что в качестве улики совершенного тобой преступления...

– Зато мы можем припереть к стенке убийцу, – встрял Маркин. – Как он сможет отвертеться, если этот балахон нашли среди его вещей?

Натаниэль устало посмотрел на своего помощника

– Саша, – ласково сказал он, – ты очень добрый человек. Ты очень хочешь помочь Офре. Но скажи, пожалуйста, откуда мы возьмем убийцу? Мы даже не знаем толком, как он выглядит.

– Почему это не знаем? – подала голос Офра. – очень даже знаем. Лет тридцать пять, может быть чуть больше или чуть меньше. Волосы светло-русые, редкие. Грузный. Рост, примерно, сто семьдесят пять. Говорит с сильным русским акцентом. Вообще, иврит знает плохо. По мнению хозяев, в стране живет максимум год. А может быть, и того меньше, – все это она отбаранила так, словно зачитывала с листа.

Теперь в глазах Розовски, повернувшегося к проштрафившейся девушке, появился проблеск слабого интереса.

– Ну-ка, ну-ка, – произнес он. – И каким же образом тебе удалось все это выяснить?

– Да хозяева сами, наперебой, описывали мне его, я только всхлипывала и поддакивала. Иногда говорила: «Да-да, это он. Мой Валентин», – объяснила Офра. – В конце концов, они сами мне предложили просмотреть его вещи: вдруг он оставил там что-то, что поможет его отыскать... – она виновато сказала: – Ну да, это не они, это я сказала. Но они-то охотно мне помогли! Мы начали осматривать помещение – знаешь, там лопаты, грабли, машинка для подстригания

газонов. Такая штукавина, опрыскиватель. Я ее как раз отодвинула, вижу – сумка, а на ней – русская надпись. «Ой, – кричу, – это же моя сумка!»

Розовски посмотрел на стоявшую у двери сумку. На ней действительно красовалась трафаретная надпись «Компания „Трансаэро“».

– Послушай, Офра, – сказал он примирительным тоном. – Будем считать, что ты задание выполнила. Даже перевыполнила. Что еще рассказали хозяева? Например, был ли садовник на вилле в тот вечер, когда убили их соседа?

– Садовник, может, и был, – ответила Офра. – Только вот их самих не было. Они уезжали в Европу. Во Францию. На две недели.

– Так, – он хлопнул себя по коленям. – Надо как-то выходить из этой ситуации. Саша, – он обратился к Маркину, – ты с машиной?

Маркин кивнул.

– Значит, так. Едем в Кфар-Шауль, попробуем незаметно вернуть сумку на место. Заодно я переговорю с хозяевами этого садовника. И с нашей клиенткой, – добавил он. – Кстати, который час?

– Двенадцать с четвертью, – ответила Офра.

– Поехали. Мне нужно успеть еще кое-куда.

Подойдя к двери, Натаниэль поднял с пола все еще лежавший карнавальный костюм. Вдруг он присвистнул.

– Вот это да... – повернувшись к помощнику, Розовски сказал: – Мы-то с тобой ломали голову – почему Смирнов не вскрикнул, не позвал на помощь, когда почувствовал признаки удушья. Вот он, ответ! – он возбужденно потряс пестрым балахоном. – Смотри! – с этими словами детектив вывернул наизнанку, и глазам Алекса и Офры предстал наряд, в который был обряжен человек, первоначально внесенный во двор четверкой дюжих парней.

– Теперь понимаешь? Они были в одинаковых костюмах, только один надел этот чертов балахон лицевой стороной, другой – изнаночной, – объяснил Розовски. – Видимо, заказали такие двусторонние наряды специально, чтобы устроить сюрприз. В оговоренное время убийца надел костюм таким образом, чтобы быть похожим на Смирнова. И заменил его – для гостей, пока тот устраивался в носилках. Я вспомнил: в какой-то момент хозяина во дворе не было. Я еще спросил у Виктории: «Где господин Смирнов?»

– И что она ответила?

– Тоже удивилась, по-моему. Но не очень. Сказала: «Наверное, болтает с кем-нибудь из гостей. Потом Смирнов появился. То есть, появился некто, переодевшийся Смирновым. Когда внесли носилки с якобы новым гостем, лже-Смирнов подошел поприветствовать его. Налил в его бокал отравленного вина. Они чокнулись и выпили. После этого еще немного поговорили – пока яд не подействовал. Возможно, Аркадий успел почувствовать первые признаки удушья, но не сразу – оценить состояние ему мешало, во-первых, нетрезвое состояние, во-вторых – маска. Когда же почувствовал – было поздно. Гремела музыка, а рядом с ним, лицом к лицу стоял убийца. Не мог Смирнов позвать на помощь. Не имел возможности, – Натаниэль помрачнел. – Вот так. Ну, а убедившись, что Смирнов мертв, этот тип спокойно прошествовал через весь двор к забору. И исчез... – он посмотрел на Офру. – Переоделся в соседнем дворе, где, судя по всему, работал садовником. Спрятал наряд в сумку.

– И куда он делся потом? – спросил Маркин.

– Куда он делся потом? – повторил Розовски. Все его возбуждение вдруг улетучилось. – А действительно: куда он исчез потом?

– Приехали... – Маркин чертыхнулся. – Узнаешь?

Еще бы Натаниэлю было не узнать старенький «рено» инспектора Алона с красными полицейскими номерами!

– Назад! – скомандовал он. – Сдай назад и сверни за угол. Вот так. А теперь высадите меня здесь, и дуйте в Тель-Авив. Ты, Алекс, подскочи в банкетный зал «Султановы пруды». Это на а-Масгер, по-моему, рядом с автосалоном «Мицубиси». Пообщайся там с барменом, официантом и музыкантами, которые обслуживали смирновскую вечеринку.

– А я? – спросила Офра. – Что мне делать?

– Саша завезет тебя в контору.

– А ты куда? – поинтересовался Саша.

– А я пойду поговорю с Алоном, – Натаниэль покосился на сверток с карнавальным костюмом покойника и тоскливо вздохнул. – Что вы делаете со мной, босяки...

Розовски еще издали увидел огромный плакат «Продается» на особняке Смирновых и остановился, делая вид, что внимательно изучает условия. Краем глаза он заметил, как из калитки соседнего дома вышел очень озабоченный инспектор Алон. Увидев Натаниэля, Алон решительным шагом направился к детективу.

– Прицениваешься? – язвительно поинтересовался инспектор, останавливаясь рядом с Натаниэлем и тоже внимательно читая объявление.

– Что? – Розовски сделал вид, что только сейчас заметил Алона. – О, Ронен, привет! Нет, просто подъехал к госпоже Смирновой, но не успел войти... А что у тебя? Что ты здесь делаешь?

Инспектор Алон, и без того хмурый, еще больше нахмурился.

– Вызвали, – сообщил он, глядя в сторону соседней виллы. – Тут некоторые хозяева забеспокоились.

– А в чем дело?

– Вчера и позавчера тут регулярно появлялась какая-то девушка. Входила в каждый дом и расспрашивала о садовниках. Нет ли среди них репатрианта, якобы соблазнившего ее, а потом сбежавшего... – ответил инспектор. – Вообще-то, она действительно беременная – кажется, на шестом месяце. Из ортодоксальной семьи, родители выгнали, сам понимаешь – какой позор, незамужняя девушка забеременела! У харедим² с этим строго.

– Знаю, знаю, – ответил Натаниэль, старательно пряча глаза. – Еще бы. Так что подозрительного?

– Да вот, понимаешь ли, мы тоже ищем садовника. Экспертиза установила: причиной смерти Аркадия Смирнова был яд, используемый против насекомых. А половина садовников, обслуживающих Кфар-Шауль, пользуются аналогичными средствами... – Ронен вздохнул. – Что посоветуешь? Я вот думаю: не объявить ли розыск этой девицы? По описанию – лет двадцать, на шестом месяце беременности. Она ведь своего ухажера так и не нашла. Значит, сбежал. Не от нее же! Может быть, действительно замешан в убийстве? Найдем ее, удастся получить сведения о нем. А?

– Конечно! – с энтузиазмом поддержал его Натаниэль. – Обязательно объяви. Кстати, а ты уверен, что она действительно из ортодоксальной семьи? Может, специально так оделась?

– Да ну, ты что! – Ронен даже обиделся. – Мы опросили всех, с кем она говорила. Никаких сомнений – и поведение, и разговор. Одежда одеждой, но манеру поведения перенять невозможно... Типичная девочка из религиозной семьи.

– Тогда я тебе советую проверить в Меа-Шеарим³ и Бней-Браке⁴. Скорее в Бней-Браке, – при этом он с гордостью посмотрел в сторону исчезнувшей светло-серой «субару».

– Я так и собирался сделать, – уныло сказал инспектор. – Ч-черт, все идет наперекосяк...

² Харедим (ивр.) «богобоязненные» – так в Израиле называют представителей ультраортодоксальной религиозной общины

³ Квартал в Иерусалиме, населенный ультраортодоксами

⁴ Город, входящий в «Большой Тель-Авив», населенный преимущественно религиозными евреями

В этом Натаниэль был с инспектором вполне согласен. Он сочувственно промычал и даже собрался предложить инспектору поехать, пропустить где-нибудь по рюмочке.

Инспектор посмотрел на часы.

– Ладно, мне пора, – сказал он. – Передавай мой привет госпоже Смирновой.

– Непременно, – ответил Розовски. – А как насчет извинений? За необоснованное задержание?

– Обойдется, – буркнул Алон. – Я еще не уверен в необоснованности, – он повернулся и не оглядываясь пошел к машине. Натаниэль проследил за тем, как «рено» умчался в сторону Тель-Авива, покачал головой. Отворил невысокую калитку и вошел во двор.

Викторию Смирнову он застал в обществе адвоката Нешера. При виде входящего сыщика они прервали оживленный разговор и одновременно повернулись в его сторону.

Против ожидания, вдова выглядела сейчас даже лучше, чем до неприятностей с полицией. Во всяком случае, свежее. Что же до адвоката, то, по-видимому, сдержанно-недовольное выражение его лица было хроническим.

Насколько Натаниэль успел понять из последних фраз, услышанных им, речь шла о линии поведения в случае судебного процесса. Розовски считал подобный разговор преждевременным, а возможно, и просто излишним. Он был уверен, что полиция больше не будет тревожить Викторию подозрениями. Несмотря на последние слова инспектора Алона.

Тем не менее, Розовски сделал вид, что не понял сути беседы.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он. – Выглядите чудесно. Рискую быть ложно понятым, скажу: пребывание в полиции пошло вам на пользу.

Виктория слабо улыбнулась.

– Может быть, это происшествие меня как следует встряхнуло. Во всяком случае, я сумела взять себя в руки. И потом – полицейские были очень любезны... Садитесь, Натаниэль, я как раз собиралась вам сегодня позвонить. Есть какие-нибудь новости?

– Как вам сказать... Кое-какие есть, – ответил Натаниэль, усаживаясь в предложенное кресло. – Но мне все-таки нужно задать вам еще несколько вопросов.

– Конечно, пожалуйста!

Нешер промолчал.

– Простите, что вновь заставляю вас возвращаться к тому злосчастному дню, – сказал Розовски. – Мои вопросы касаются некоторых деталей. Вот, например: каждый карнавальный костюм должен что-то означать, – сказал Розовски. – Чаще всего наряд отражает какие-то стороны характера человека, его привычки, увлечения – не обязательно главные, не обязательно сегодняшние. Иной раз в этом удивительным образом трансформируются желания далекого детства. Например, один мой приятель мечтал когда-нибудь примерить гусарский мундир. В возрасте то ли шести, то ли семи лет он по уши влюбился в актрису Ларису Голубкину. Помните фильм «Гусарская баллада»? Вот. С тех пор он бредил этими ментиками, киверами и прочими эполетами. А потом женился. И, представьте себе, вдруг разом потерял интерес к военно-исторической мишуре. Знаете, почему? Ни за что не догадаетесь.

Виктория не выразила никакого интереса к словам детектива. Натаниэль, несмотря на это, произнес после эффектной паузы:

– Именно потому, что его жена оказалась внешне очень похожей на любимую им актрису. Но, увы, семейная жизнь вскорости убила романтику образа, а с ним и все, что ассоциировалось для вашего знакомого с образом очаровательной девушки в гусарском мундире. Вскорости они развелись.

– Да, – вежливо заметила Виктория. – Очень интересная история. Вы хотите еще о чем-то спросить?

– Да-да, конечно. Вы правы, вернемся к нашим делам. Вспомните, пожалуйста: вы на том вечере предстали перед гостями в образе восточной красавицы. Вам очень шел наряд. А что означал костюм вашего мужа?

– Понятия не имею. Наряд какого-то короля... – вдруг в ее глазах мелькнуло удивление. – А ведь и об этом он пообещал рассказать в свое время! Да-да, теперь я вспоминаю...

– То есть, фасон его костюма имел отношение к тому самому сюрпризу? – быстро спросил Натаниэль. – К сюрпризу, который он вам обещал?

– Теперь мне кажется, что да, – растерянно ответила Виктория. – Действительно... Может быть, он хотел разыграть какой-то спектакль? Скетч? Нет, вряд ли... Не знаю, не знаю, Натаниэль. Возможно, вы правы. Сюрприз... Да, возможно все это взаимосвязано.

Цви Нешер негромко, но отчетливо кашлянул. Розовски посмотрел на него.

– Вы собираетесь таким образом искать убийцу? – Нешер даже не пытался скрыть своего невысокого мнения о способностях частного детектива. – Вот так, выясняя, чье одеяние что означало? Почему господин А нарядился зайчиком, а госпожа Б ведьмой?

– Вообще-то меня интересует только смысл, который придавал своему костюму Аркадий, – охотно ответил Натаниэль. – Что же до первого вопроса, ответ: «Да, собираюсь». Подумайте сами, господин Нешер: праздничный маскарад. Да? Очень типичное времяпровождение в Израиле. Вы не находите? Каждую неделю у нас проходят частные костюмированные вечеринки.

Адвокат что-то промычал.

– Вот-вот, – словно услышав подтверждение, обрадовано продолжил Розовски. – Я и говорю: хлебом не корми наших сограждан, дай только нарядиться поэкзотичнее. Вот в такой, например, костюм, в каком появился господин Смирнов.

– Два костюма, – поправил адвокат. – В одном он был почти весь вечер, в другом, увы... – он покосился на вдову, но Виктория ничего не сказала.

– Да нет, Цви, в том-то и дело, что на господине Смирнове был надет один и тот же костюм. В обоих случаях, – сказал Натаниэль. – Просто вывернут наизнанку. Он и шился таким образом, чтобы в разных случаях по-разному носиться. Такой вот костюм. Какого-то короля, как сказала Виктория.

– Не понимаю, как все это связано с убийством, – упрямо повторил адвокат.

Натаниэль не стал объяснять. Вместо этого он вновь обратился к Виктории:

– Еще один вопрос. Швейцария. Кто-нибудь из ваших знакомых был в Швейцарии в одно время с Аркадием?

Она покачала головой:

– Этого я не знаю.

– Жаль, жаль. Скажите, все-таки, о каком знакомом упоминал ваш муж? Я имею в виду – того, кто помог ему на первых порах здесь, – пояснил Натаниэль.

– Не знаю, – ответила Виктория. – Он редко о нем упоминал. И ни разу не приглашал в гости.

– А по телефону он когда-нибудь с ним говорил? При вас?

– Да, говорил. Что-то о... – Виктория задумалась. – Кажется, о каких-то былых знакомых, студенческих времен. Какое-то женское имя называл...

– Какое именно?

– Ммм... Светлана... Нет, Татьяна... Нет, не помню.

– Женское имя. Аркадий вам когда-нибудь рассказывал о том, почему его отчислили из университета? – спросил Натаниэль.

– Нет, не рассказывал. Однажды упомянул, что по вине какого-то приятеля. Как он его называл... Ах, да – Гриша Орловский.

Натаниэль разочарованно кивнул. Имя ему ничего не говорило. Да и вряд ли к гибели Смирнова могла иметь отношение какая-то криминальная история, случившаяся в другой стране и совсем в другое время. Могла, конечно. Но – маловероятно.

– Ладно, поговорим о другом. Виктория, не могли бы вы рассказать о своей знакомой? Я имею в виду Дину Ройзман.

– Да, конечно, – Смирнова заметно помрачнела, зябко потерла руки. – Да, безусловно. Что вас интересует? Бедняжка...

– Как давно вы с ней были знакомы?

– Около трех лет. С перерывом. Я познакомилась с ней за два года до нашего отъезда в Израиль – нас познакомил Аркадий... – легкая тень пробежала по бледному лицу Виктории. – Да, это произошло в одной из компаний – собирались его друзья... Вообще, мы, в основном, общались с его друзьями – как-то так получилось. Мои друзья и подружки после свадьбы появлялись в нашем доме нечасто. Да, это была встреча Нового года. Дина пришла с каким-то мужчиной – я не помню, как его звали...

– Не с Николаем?

– Нет, с Колей она познакомилась позже. Гораздо позже. Так вот, она мне тогда не понравилась. Не могу точно сказать чем. Скорее я инстинктивно почувствовала, что эта женщина была очень уязвлена тем, что Аркадий оставил ее ради меня... – она помолчала немного, потом пояснила: – Я еще не знала о том, что они были любовниками. Аркадий мне об этом рассказал гораздо позже. После переезда сюда, в Израиль.

– Для чего? – спросил Натаниэль.

– Что – для чего?

– Для чего он вдруг рассказал вам? Просто так, без всякого повода? Ни с того, ни с сего?

– Нет, почему. Повод был. Пришло письмо. От Дины и Николая. Они сообщали, что приняли решение репатрироваться. Спрашивали, не могли бы они остановиться у нас?

– Вы уже жили в этом доме? – поинтересовался Розовски.

– Да, в этом. Купили как раз незадолго. Так вот, я не возражала. Хотя и сказала Арику, что на меня Дина производит неприятное впечатление. А он ответил, что никаких остановок в нашем доме у этой пары не будет, лучше заранее снять им приличную квартиру. Пусть обживаются. Я сначала возразила – мне казалось, что ничего страшного не произойдет, если они все-таки проживут неделю у нас. Вот тогда он мне и рассказал. Что они долгое время были любовниками.

– Долгое – это как?

– Более трех лет. Потом расстались. Это произошло незадолго до нашего знакомства, но Дина почему-то уверена... была уверена в том, что если бы не я, Аркадий непременно вернулся бы к ней. Я так не думаю, – добавила она после крохотной паузы.

«Сейчас уже не проверишь», – подумал Натаниэль. Вслух спросил:

– А когда познакомились с Николаем вы? – спросил Натаниэль. – Уже здесь, в Израиле?

– Я? – Виктория сначала чуть удивилась, потом задумалась. – Нет, раньше. Точно не помню... По-моему, незадолго до их свадьбы... Да, они уже подали заявление и пришли к нам, чтобы пригласить на свадьбу. Вот тогда мы и познакомились. До нашего отъезда оставалось меньше года. В то время он, если не ошибаюсь, работал преподавателем истории в какой-то школе. Аркадий рассказывал, что у него были статьи по... Кажется, по средневековью, он собирался защищать диссертацию. А может быть, даже защитил. После нашего отъезда.

– А здесь работает сторожем на автостоянке. Бывает, бывает... Ну, а как насчет нее? Я имею в виду – Дину. Поймите меня правильно, – поспешно заговорил Розовски, видя, что Виктория начинает хмуриться, – я не стал бы вас спрашивать, но, сами видите, смерть Дины Ройзман связана с гибелью вашего мужа. Поэтому, пожалуйста, ответьте откровенно: вы верите в то, что любовная связь вашего мужа и Дины возобновилась здесь, после ее приезда? Не торопитесь, подумайте. Вспомните, может быть, какие-то мелочи.

– Я уже сказала, – сухо ответила Виктория. – Никаких отношений у Аркадия с ней не было. Ни здесь, ни там – после того, как мы познакомились. Вообще, ее уверенность в собственной неотразимости... – она замолчала, потом сказала другим тоном: – Простите меня, Натаниэль, я немного забылась. Дина... Дина достаточно быстро устроилась на приличную работу – в турбюро. Ездит гидом с туристическими группами – в том числе, и за границу.

– В Европу? – спросил Розовски.

– Кажется, да.

– Вот как... – Натаниэль задумался. – Вы не знаете, кто-нибудь помог ей устроиться? Или она сама нашла эту работу?

– Не знаю.

Тут Цви Нешер, слушавший все это с явным неодобрением (разговор давно уже велся по-русски, поэтому неодобрение адвоката относилось к самому факту его, а не к содержанию), счел нужным вмешаться:

– Мне кажется, господин Розовски, что вы не отдаете себе отчета в том тяжелейшем психологическом состоянии, в котором находится госпожа Смирнова.

– Почему же, вполне отдаю, – возразил Натаниэль. – Можете мне поверить: я не задавал никаких сложных вопросов – самые элементарные, которые задал бы на моем месте любой. Не правда ли? – обратился он к Виктории.

Та нехотя кивнула.

– Все верно, господин Нешер. Самые обычные вопросы. Но сейчас я хотела бы отдохнуть. Извините, Натаниэль.

– И впредь, – подхватил адвокат, – будьте добры говорить на языке, который я понимаю.

Натаниэль посмотрел сначала на Викторию, потом на Нешера, пожал плечами.

– Вы правы, Виктория, – сказал он. – Я, наверное, действительно пришел не вовремя. Что же до вас, господин Нешер, то вы все время забываете: я не полицейский следователь. Я частный детектив, нанятый вашей же клиенткой. Иными словами, я нахожусь в вашей команде, а не в команде противников.

«Во всяком случае, мне бы этого очень хотелось», – мысленно добавил он, проходя мимо сидевшего с кислой физиономией адвоката к выходу.

Остановившись у ворот, Розовски некоторое время внимательно обзирал окрестности. Полицейских у соседних ворот не было. Он неторопливо двинулся вдоль по улице к автобусной остановке. Был уже конец дня, косые лучи заходящего солнца давали густые длинные тени, от чего окрестности словно напялили на себя пятнистый камуфляж.

Отойдя метров сто от виллы Смирновых, Натаниэль уселся на кстати стоявшую тут небольшую лавочку, расслабленно откинулся на спинку. От автобусной остановки оживленно топала группа молодых парней в военной форме с автоматами. Болтали между собой по-русски, хотя из троих по крайней мере один был уроженцем знойной Африки – темнокожий, с жесткими курчавыми волосами и выпуклыми глазами.

Проводив их взглядом, Натаниэль вновь уставился в ворота виллы Смирновых.

– Ох-хо-хо... – пробормотал он. – Так что же мы имеем, тетя Роза? Красную машину с граблями?

Он докурил сигарету и побрел к автобусной остановке. Когда автобус подкатил и распахнул дверцу, зазвонил лежавший в кармане куртки телефон. Натаниэль убрал с подножки ногу, извлек из кармана телефон.

– Слушаю!

– Привет, Натан. Сто лет не виделись. Как дела?

Только через долгие несколько секунд Розовски узнал голос старого своего друга Давида Гофмана.

– Дуду, привет! – обрадовано воскликнул он. – Как хорошо, что ты позвонил! Ты не представляешь, насколько мне осточертело говорить о делах.

Натаниэль уселся на скамейку под пластиковым козырьком. Водитель, ожидавший его, укоризненно глянул на несостоявшегося пассажира. Автобус укатил.

– Ты бы и сам мог позвонить, – ворчливо заметил Гофман. – А вот насчет того, что тебе осточертело говорить о делах – заранее приношу свои извинения. Я, видишь ли, хотел бы с тобой посоветоваться именно по делам. Правда, не по своим.

– Ну вот, – проворчал Розовски. – Кажется, я начинаю понимать зубных врачей, избегающих общения с друзьями. Ладно, выкладывай – что там у тебя случилось? Университет ограбили? Твои студенты сколотили преступную группировку на предмет торговли старинными рукописями?

– Слава Богу, нет, – Гофман засмеялся. – Студенты в порядке, университет тоже. Просто у нас в лаборатории работает одна репатриантка. Уборщицей. Сегодня пришла на работу, я смотрю – на ней лица нет. Спросил, что случилось – она в слезы. Кое-как добился от нее ответа – она еще и говорит на иврите плохо, еле смогла объяснить. В общем, оказалась жертвой мошенничества. Я бы хотел, чтобы ты ей помог. Рассказать подробности?

Натаниэль посмотрел на часы.

– Подробности лучше бы услышать от нее самой, – ответил он. – Ты звонишь с работы?

– Да, конечно. Я буду в университете до десяти минимум.

– А она?

– А что? Ты можешь подъехать? Тогда я просто попрошу ее задержаться.

– Могу подъехать, могу, – Натаниэль притворно вздохнул. В действительности он даже немного обрадовался необходимости заехать в университет. Во-первых, действительно соскучился по старому другу, а во-вторых, очень кстати вспомнил о парнях-студентах, подрабатывавших в фирме «Пуримшпиль».

Новый автобус появился через пятнадцать минут. Пассажиров было немного – человек пять или шесть. Розовски прошел в конец салона, опустил в кресло.

Быстро темнело. Автобус долго кружил по тель-авивским предместьям, потом еще дольше колесил по городу и, наконец, вывернул на трассу Дерех Петах-Тиква. Когда позади остался железнодорожный вокзал и улица повернула в направлении университета, была уже половина девятого.

В это время зазвонил телефон. Натаниэль поднес аппарат к уху.

– Натан, это я, – голос говорившего то и дело прерывался – связь была не очень, – так что Натаниэль не сразу узнал собственного помощника. – Только что из «Султановых прудов». Есть кое-что интересное. Бармен – его зовут Эли – утверждает, что бокал с горькой настойкой человеку, сидевшему в паланкине, поднес не хозяин. То есть, не тот человек, который изображал из себя Аркадия.

– А кто?

– Он не помнит. Слишком много было шума, суеты. Но этот Эли уверен: когда он налил настойку, «Аркадий» стоял в центре двора. То есть, на расстоянии минимум пяти метров от стойки бара! Но это была женщина! Кроме того... – в трубке послышался треск. Розовски с досадой посмотрел на линию электропередач, мимо которой они как раз проезжали:

– Ч-черт... Алло, Саша! Саша!

Телефон отключился. Розовски хотел было перезвонить, но тут автобус, повернув в очередной раз, оказался рядом с воротами в университетский городок. Натаниэль спрятал телефон в карман и вышел из автобуса.

Несмотря на раннюю темноту, тут все еще было жарко. Розовски миновал автостоянку, охранника на пропускном пункте, пересек двор и вошел в учебный корпус.

У двери со знакомой табличкой «Профессор Давид Гофман», он остановился и настороженно прислушался. Слава Богу, никаких рыданий не доносилось. Он постучал, услышал: «Войдите», – толкнул дверь.

Сначала он увидел черную с проседью шевелюру хозяина кабинета и только потом – женщину, из-за которой ему пришлось приехать. Ей было лет сорок или около того. Она сидела в углу кабинета, боясь пошевелиться – чтобы не тревожить занятого делом профессора.

– Привет, Дуду! – бодрым голосом произнес Розовски. Женщина вздрогнула и испуганно уставилась на гостя. Зато Давид расцвел улыбкой.

– Привет, Натан! Вот видите, – сказал Гофман, обращаясь к женщине, – я же говорил – обязательно приедет. А вы сомневались. Не надо было.

– Это точно, – подтвердил Натаниэль. – Во мне сомневаться не следует. Так что у вас произошло?... – но, прежде чем женщина начала рассказывать, он быстро протянул Давиду список с тремя фамилиями: – Вот этих ребят мне нужно срочно порасспросить кое о чем. Живут в общегитии. Можешь обеспечить их, так сказать, явку?

Гофман пожал плечами.

– Попробую, – ответил он, пробежав глазами короткий список. – Кажется, я их знаю. Второй курс. Сейчас попрошу, чтобы их позвали. Если только они на месте, – Гофман внимательно посмотрел на Натаниэля, затем на уборщицу. – Я позвоню из коридора, – сказал он. – Вы пока поговорите.

Гофман вышел. Натаниэль бесцеремонно уселся на его стол, улыбнулся женщине:

– Рассказывайте.

Слушая ее историю не то, чтобы вполуха, напротив, вполне внимательно, Натаниэль в то же время прекрасно понимал, что все эти аферы, жертвами которых становятся репатрианты, не имеют никаких шансов на раскрытие и пресечение. Тем более, если человек сам, собственными руками отдает кровные шекели первому попавшемуся бездельнику, умеющему убедить жертву в том, что этот взнос необходим для устройства на высокооплачиваемую работу. «Уж сколько раз твердили миру... – подумал Натаниэль. – Пришел устраиваться на работу – никаких взносов. Ну что тут поделаешь?»

Впрочем, женщина – ее звали Татьяной – и сама прекрасно понимала, что ничего тут, скорее всего, не поделаешь. Но ей необходимо было выговориться. А тут – бывший соотечественник, говорящий на одном с ней языке, слушающий с участием.

– Что же, – сказал Натаниэль. – Все понятно. Я обязательно наведу справки об этой... как вы сказали? Да, о фирме «Контакт». У меня есть свои каналы, что-нибудь непременно выясню. И обязательно сообщу. А уж потом мы из них непременно вытрясем ваши семьсот шекелей, не сомневайтесь! – он бодро улыбнулся. Татьяна с готовностью ответила на улыбку.

– И постарайтесь смотреть на это не так, – посоветовал он, провожая женщину к двери кабинета. – Не как на конец света. Вы когда приехали?

– Полгода назад.

– Так у вас еще все впереди! И поверьте: не только такие неприятности.

Проводив Татьяну, Натаниэль вернулся к столу и рассеянным взглядом окинул книжные полки, занимавшие целый угол лаборатории и тянувшиеся от пола до потолка. При этом у него появилось смутное ощущение того, что эта картина совсем недавно уже представлялась его глазам. Но вспомнить, где именно, он не успел. Дверь в лабораторию отворилась, и на пороге появились двое высоких молодых ребят, сопровождаемых профессором Гофманом.

– Вот, – сказал он, подталкивая их к столу, на котором сидел, заложив ногу за ногу, сыщик. – Это – Боаз, а это – Ноам. Студенты-историки.

– А где ваш третий друг? – поинтересовался Натаниэль. – Ури, кажется? Не захотел идти?

– Он ушел в кино, – ответил за студентов Гофман.

– Ну, неважно, – сказал Натаниэль, поочередно рассматривая насупившиеся лица парней. Они были одеты почти одинаково – в длинные свободные футболки и разрезанные внизу светло-голубые джинсы. Отличались исключительно мастью: Боаз был смуглым брюнетом с крохотной серебряной сережкой в ухе, а волосы Ноама были выкрашены в рыжий цвет, и сережка поблескивала золотой искоркой.

Розовски весело улыбнулся.

– Ребята, – сказал он, – не знаю, что там вам успел наплести насчет меня ваш профессор, но все равно: это неправда. Вы ничего не успели натворить, и я отнюдь не являюсь пожирателем маленьких незащитных историков. Мне просто нужно кое-что уточнить относительно одного дела, которым сейчас приходится заниматься. Только и всего.

Боаз и Ноам немного повеселели. Но настороженность из их взглядов полностью не исчезла.

– Вы работаете в фирме «Пуримшпиль», – Натаниэль извлек из кармана пачку сигарет, протянул студентам. Те отказались. Он закурил сам, пододвинул к себе пепельницу. Продолжил: – Не так давно вам приходилось обслуживать заказ в Кфар-Шауль на улице Пальмах.

Они одновременно кивнули.

– Там случилась неприятность, – сообщил Натаниэль. – Не знаю, слышали ли вы, но только ваш заказчик скончался в тот же вечер.

– Да, слышали, – ответил Боаз.

– Читали, – добавил Ноам. – А при чем тут мы?

– Ни при чем, – Натаниэль поднял руки, словно защищаясь от несправедливых обвинений. – Я разве сказал, что вы к этому причастны? Мне просто кое-что нужно знать. Вот, например: когда вы приехали туда?

– По-моему, к десяти часам вечера, – ответил Ноам.

– Вас было четверо, верно?

– Да, верно.

– Что за костюмы на вас были?

– Костюмы? – Боаз удивленно поднял брови. – Не знаю, нам их фирма выдала. Костюмы и маски.

– По-моему, их шили на заказ, специально к этому вечеру, – сказал вдруг Ноам. – Я краем уха слышал в конторе.

– Отлично, – обрадовался Натаниэль. – А что еще ты слышал краем уха? Например, что за эскизы использовались?

– Не знаю.

– Жаль, жаль... – Розовски разочарованно вздохнул. – Ладно. Ребята, – сказал он после небольшой паузы, – Вы мне еще вот что скажите: кем, по-вашему, был человек, которого вы внесли на этих дурацких носилках?

Студенты удивленно переглянулись.

– Что значит – по-нашему? – спросил Боаз. – И по-нашему, и не по-нашему это был хозяин дома. Наш клиент, заказчик. Аркадий Смирнов. Мы ждали у соседней виллы, переодевшись в маскарадные костюмы и собрав носилки. Кстати говоря, наши костюмы и носилки тоже были изготовлены по специальным эскизам господина Смирнова. Точно в назначенное время к нам вышел вышеназванный господин Смирнов, собственной персоной, в соответствующем костюме.

– И маске, – подсказал Розовски.

– Маску он держал в руках. Влез в паланкин, надел маску. Мы торжественно внесли все это во двор, поставили. Опять-таки, место тоже было определено заранее.

– Кем?

– Да им же! Он объяснил: войдете, пройдете чуть ближе к эстраде, поставите возле пальмы. Так, чтобы тень падала прямо на паланкин.

– А дальше? – спросил Натаниэль.

– Дальше – все, – ответил Боаз. – Мы ушли. Сели в машину и уехали.

– А костюмы?

– Костюмы остались у нас, – Ноам посмотрел на друга. – Вообще-то мы должны их сдать, но специально из-за этого переться в «Пуримшпиль» неохота. Будет следующий заказ, нам позвонят – вот тогда и сдадим.

– Вы можете принести показать? – спросил Натаниэль.

– Конечно.

Спустя несколько минут запыхавшийся Ноам приволок в лабораторию довольно объемистый сверток в пластиковом мешке.

Ноам развернул его и извлек расшитый фантастическими животными балахон темно-вишневого цвета.

– Вот, – сказал он. – Все четыре костюма одинаковые.

– Да, я помню... – Натаниэль рассеянно погладил шелковистую ткань.

Давид Гофман, до этого стоявший чуть в отдалении и не мешавший своему приятелю беседовать со студентами, подошел ближе.

– Что это? – спросил он. – Какой интересный орнамент.

– Карнавальный костюм, – пояснил Розовски. – Просто карнавальный костюм. Что-то он, по моему, означает... – он отошел от стола.

– Действительно, очень интересно, – повторил Давид, внимательно разглядывая балахон. – Кому это пришло в голову использовать в качестве орнамента поздневизантийский мотив?

Натаниэль, в раздумье мерявший шагами лаборатория, остановился и повернулся к нему.

– Что ты сказал? – спросил он. – Ну-ка, ну-ка, повтори. Какой мотив?

Вместо ответа профессор подошел к книжному стеллажу.

– Где-то у меня тут... – он принялся рыться в книгах. – Ага, вот, – Гофман снял с полки увесистый том в тисненном переплете, быстро перелистал его. – Вот, можешь убедиться, – он протянул Натаниэлю книгу. Розовски взял ее, вернулся к столу. Цветная вклейка воспроизводила какую-то старинную мозаику. В центральной ее части изображен был человек в просторном длинном одеянии, сидевший на троне. Справа и слева от него видны были фигуры в балахонах, украшенных точно такими же фигурами крылатых чудовищ, как те, которыми художница фирмы «Пуримшпиль» расшила наряды ребят-носильщиков.

Но не это по-настоящему удивило сыщика. Куда поразительнее показалось Натаниэлю то, что центральная фигура на мозаике была обряжена в одежду, избранную покойным Аркадием Смирновым для себя – в тот злополучный вечер.

– Вот так-так... – только и сумел выдавить из себя Розовски. – Сюрпризик... – он невидящим взглядом уставился на переминавшихся с ноги на ногу студентов.

– Мы можем идти? – спросил Боаз.

– Что? – Натаниэль словно очнулся. – Да-да, ребята, вы идите. Значит, в носилки забрался именно Аркадий Смирнов? Вы ничего не путаете?

– Не путаем, – ответил Ноам чуть обиженно. – Мы были трезвыми. Это он, между нами говоря, был хорошо поддатим.

– Ладно, – Натаниэль уселся в старое кресло, стоявшее в лаборатории Гофмана с момента ее основания. – Спасибо, парни, вы мне очень помогли.

Боаз и Ноам удалились с явным облегчением.

– А чему ты так удивился? – поинтересовался Гофман, останавливаясь напротив детектива. – Конечно, странно, что кому-то пришло в голову использовать такие редкие рисунки в качестве эскизов для карнавальных костюмов.

– Странно? – Натаниэль хмыкнул. – Странно. Знаешь, Давид, более невероятного расследования я не помню. Ты читал в газетах о вечеринке в Кфар-Шауль, окончившейся смертью хозяина дома?

– Да, кажется, читал... – Давид вдруг воскликнул: – Ну, конечно, я же видел фотографии в статье! То-то мне показался знакомым костюм...

– Черт-те что получается, – с досадой произнес Розовски. – Никак не могу вспомнить, где я видел эту книгу... Вспомнил! – он изумленно посмотрел на друга. – Вот так-так. Все складывается. Как вот эта мозаика... – он вытащил из кармана вчетверо сложенный эскиз костюма, полученный в Маркиным в фирме «Пуримшпиль». Одновременно на пол упал еще один сложенный листок. Его поднял Гофман.

– Какая прелесть! – воскликнул он, разглядывая изображение двуглавого орла. – Откуда картинка, Натан?

– Какая картинка? – Натаниэль, занимавшийся сравнением эскиза с репродукцией и готовым костюмом, искоса глянул на отпечаток. – А-а, водяной знак. Герб России.

– России? Но это вовсе не российский герб!

До Натаниэля, поглощенного своим занятием, не сразу дошли слова приятеля.

– Не российский герб? – переспросил он удивленно. – А чей же? Это же двуглавый орел! У меня, по-моему, не двоится в глазах. А если бы и двоилось, то, наверное, не так избирательно.

– Верно, только... – Гофман засмеялся и извлек из кармана металлический кружок. – У меня с собой российская монета, – объяснил он. – Лея привезла из Москвы. Вечно таскаю в кармане, вместо талисмана. Вот, видишь? – он протянул Натаниэлю одну из монет. – Вот так выглядит русский герб. Крылья орла распластаны – раз, имеются три короны – два, в лапах у него держава и скипетр – три. Плюс ко всему – на груди изображение Георгия Победоносца, пронзающего копьем змея. Теперь посмотри на твоего орла, – Венедиктов ткнул указательным пальцем в рисунок. – Пропорции совершенно другие. Ни одной короны. Георгия со змеем – тоже, скипетр и держава, опять-таки, отсутствуют. И крылья, как видишь, не распластаны, а чуть сложены – то ли он собирается взлететь, то ли, наоборот садится. Вообще, обрати внимание: твой орел выглядит более хищным. Нет, это не российский герб... Удивительная точность, – пробормотал Гофман. – Просто удивительная. Редкая штука.

– Хочешь сказать, что знаешь, чей это герб? – Розовски затаил дыхание.

– Ну конечно знаю. Я ведь, все-таки, медиевист. Это византийский орел, разумеется! Герб Византийской империи времен династии Палеологов. А что?

– Чего-чего?! – глаза Натаниэля поползли на лоб. – Византии? Какой еще Византии? Погоди... А вот это? – он кивком указал на лежавшую на столе книгу и тускло поблескивавший костюм. – Это связано с гербом? И если да, то каким образом?

– Каким образом? – Давид потер указательным пальцем переносицу. – Ну, во-первых, костюм представляет собою тронное одеяние короля так называемой Греческой Индии. Который, в свою очередь, считался какое-то время вассалом византийского императора. Так сказать, титул, входивший в номенклатуру византийского императорского дворца. Тебе это о чем-то говорит?

Не отвечая, Натаниэль осторожно забрал рисунок из рук Гофмана и бережно свернул его. Наклонился над раскрытой книгой и прочитал вполголоса подпись под репродукцией:

– «Мозаика из Верхнего Бахтваша. Изображает короля Греческой Индии в тронном облачении. Приблизительно, I–II века нашей эры»... Где это – Верхний Бахтваш? Не в Швейцарии, случайно? – с надеждой спросил он.

– При чем тут Швейцария? – Давид удивился. – Какая Швейцария?

– Ну, такая... – Натаниэль неопределенно взмахнул рукой. – Страна такая, в центре Европы. С хорошим климатом. Вольнолюбивый народ там живет, потомки Вильгельма Телля. Знаешь? Который имел привычку стрелять по яблокам... И еще очень много банков на душу населения. А?

– Нет, Швейцария к этому не имеет никакого отношения, – серьезно ответил Гофман. – Верхний Бахтваш находится на территории нынешнего Пакистана. Греческое государство там

было создано воинами Александра Македонского во время индийского похода. Оно просуществовало около трех столетий. Когда императоры из династии Палеологов принялись за восстановление былой пышности своего двора – это случилось после того, как из Константинополя были изгнаны крестоносцы, – они вспомнили и о былых победах великого завоевателя и включили в регистр почетных должностей своего двора некоторые титулы, связанные с владениями Александра Македонского. Разумеется, чисто номинально. Тем не менее...

– Стоп-стоп-стоп! – Розовски умоляюще поднял руки. – Ради Бога, Дуду, это все, конечно, интересно, просто чертовски интересно, но, пожалуйста, не сейчас. Ладно? – он спрятал рисунок. – Ну и дела...

– А в чем дело? – осведомился Гофман. – Что тебя так встревожило?

– Ничего, – ответил сыщик замороженным голосом. – Ровным счетом ничего. Если не считать, что раньше я ничего не понимал. А сейчас, спасибо тебе, Дуду, я не просто ничего не понимаю. Я вообще ничего не понимаю. Если кому-нибудь сказать, что мне сейчас пришло в голову, меня немедленно упрячут в психушку, – Розовски тяжело вздохнул. – Да что там – упрячут! Я сам себя упрячу в психушку... И буду, между прочим, абсолютно прав, – добавил он.

Утром следующего дня светло-серая «субару» остановилась у дома номер десять по улице Элиягу-Цедек в Рамат-Гане.

– Думаешь, нам стоит с ним поговорить именно сейчас? – спросил Маркин, не выключая двигателя. – Все-таки, у человека траур, наверное, сидит шив'у. Между прочим, последний день. Седьмой. Как раз сегодня, – он посмотрел на черную ермолку, надетую начальником по такому случаю. Поправил точно такую же, чудом державшуюся на его коротко стриженной голове.

Натаниэль, между тем, с интересом разглядывал уже знакомых ему пожилых еврейских представителей черной и желтой расы. Старички продолжали резаться в нарды.

– Интересно, у них перерыв бывает? – задумчиво спросил он помощника. – Такое впечатление, что они отсюда даже ночевать не уходят.

Маркин посмотрел на игроков, пожал плечами и выключил двигатель.

– Мне подождать? – спросил он. – Или пойти с тобой?

– Пойдем, – Натаниэль выбрался из машины. – Вместе поговорим. Выразим соболезнование. Ничего, нормально. Насчет удобно, неудобно – как-нибудь переживем. И не такое переживали. Пусть лучше нас считают нахалами, чем... – он не договорил.

Розовски остановился у лавочки. Китайский еврей (или еврейский китаец) поднял голову и приветливо посмотрел на сыщика. Глядя на него, Натаниэль вспомнил недавно слышанную историю. В середине сороковых, а может быть, тридцатых годов ассоциация американских раввинов получила письмо из Китая. Оно оказалось написанным на средневековом иврите и отправлено в Штаты еврейской общиной провинции Сычуань. Из письма американские раввины с немалым для себя удивлением узнали, что в далекой загадочной стране вот уже на протяжении чуть ли не пяти столетий жили их единоверцы, хранившие язык и религиозные традиции. В письме излагалась просьба – прислать раввина, так как последний знающий литургию член общины скончался и заменить его сычуанским иудеем было некем. Туда отправился молодой раввин, выпускник Иешивы-Университета⁵, о чем американцы, естественно, известили сычуанских собратьев. На аэродроме, выйдя из самолета, посланец из-за океана обнаружил прямо на летном поле странную группу людей, державших плакатик с его именем. Подойдя ближе, он слегка обалдел. Встречавшие его люди ни внешностью, ни одеждой не походили на евреев – длинные шелковые халаты, странные для европейского взгляда головные уборы. Желтые, почти лишенные растительности лица, узкие глаза-щелки.

Встречавшие смотрели на раввина с неменьшим подозрением. Но, после обмена приветствий – на иврите, – отправились вместе с ним прямо в синагогу, больше походившую на пагоду. Правда, внутри американский раввин нашел все необходимое – и арон-кодеш⁶ со свитком Торы, и изображение Моисеевых скрижалей, и шкаф с молитвенниками. После некоторого молчания, завязалась беседа. Сычуанские евреи наперебой задавали приезжему вопросы, связанные с галахическими⁷ постановлениями, причем вопросы, как он впоследствии признавал, оказались весьма каверзными. Своеобразный экзамен длился несколько часов, и американцу пришлось здорово попотеть. Наконец, желтоватые лица расцвели приветливыми улыбками: видимо, ответы молодого раввина удовлетворили сычуанцев. И один из них – самый старший по возрасту, – сказал: «Простите, ребе, нашу недоверчивость. Но она вполне понятна: ведь вы совсем непохожи на еврея!»

Тут Натаниэль обнаружил, что стоит, по-идиотски уставившись в доску, и что оба пожилых господина уже несколько раз вопросительно поглядывали на него. Маркин вдумчиво дымил трубкой чуть поодаль.

Натаниэль приветливо улыбнулся игрокам и сказал:

– Жарко сегодня. Опять хамсин.

⁵ Иешива-Университет – высшее еврейское религиозное учебное заведение в США.

⁶ Специальный шкаф в синагоге для хранения свитков Торы.

⁷ Галаха – еврейское религиозное законодательство.

Старики согласно качнули головами и с интересом воззрились на детектива, ожидая продолжения столь многообещающего начала. Натаниэль сел на лавочку напротив. Маркин, после некоторого раздумья, остался стоять, но подошел ближе.

– Вы в этом доме живете? – спросил Натаниэль.

– В этом доме, в этом. На первом этаже, слава Богу, в хорошей квартире, – ответил темнокожий. В его речи звучала легкая шепелявость, характерная для амхарского акцента выходцев из Эфиопии.

– И я на первом, – сообщил возможный репатриант из провинции Сычуань. – Как раз напротив.

Больше всего Натаниэля удивило то, что китайский акцент был почему-то очень похож на амхарский – то же отсутствие шипящих. Но тут он вспомнил, как давным-давно, двадцать лет назад, изучая в студии-ульпане иврит, вся группа, в которой он занимался, вдруг заговорила с очень сильным испанским акцентом. Легко понять удивление учителей, с учетом того, что группа почти полностью состояла из выходцев из СССР, слегка разбавленных жителями Центральной Европы. Объяснилось все достаточно просто: на переменах учащиеся добровольно консультировала репатриантка из Аргентины.

– Вы знаете хозяина шестой квартиры? На третьем этаже? – спросил он.

– Который жену похоронил? Знаем, конечно. Он шив'у сидит, никуда не выходит, – сказал постаревший Хендрикс.

– У человека друзей нет, – подхватил постаревший Чан. – Никто не приходит.

– Говорят, она с ним крепко поссорилась. В день смерти, – сказал Натаниэль. – Не слышали?

– Слышали, – ответил Чан. – Как же не слышать! Они так кричали – ой-ва-вой! На всю улицу. Окна открыты – все слышали. По-русски ругались, громко-громко.

– Только не в тот день, – заметил Хендрикс. – Совсем не в тот день. Накануне они ругались. А в тот день тихо все было.

– Вот как? Понятно. Значит, совсем никто не приходит? – уточнил сыщик.

Старики задумчиво посмотрели друг на друга и покачали головами. Натаниэль поблагодарил и направился в подъезд. Маркин на ходу вытряхнул из трубки горящий табак и устремился за ним.

Дверь с пластмассовой шестеркой была прикрыта неплотно. Николай Ройзман сидел на низенькой скамеечке у окна – как и положено человеку, сидящему шив'у по умершему родственнику. Был он основательно небрит, голову покрывала черная ермолка с двумя блестящими заколками. Красные воспаленные веки четко выделялись на бледном нездоровом лице. Он молча уставился на сыщика, видимо, не узнавая его. Маркин вообще не был удостоен взглядом. Натаниэль прошел в комнату, пододвинул к себе такую же низкую табуретку и сел напротив хозяина. Саша постоял в некоторой растерянности, огляделся и, не найдя ничего подходящего, уселся прямо на пол – в углу, рядом с входной дверью.

Ройзман безразлично посмотрел на него, потом на Натаниэля. Моргнул. Лицо его сморщилось.

– А, это вы... Частный детектив, – сказал он неприязненно. – Все вынюхиваете. Высматриваете. Что вам нужно? И кто это с вами? Полицейский?

– Это мой помощник, его зовут Саша. Вообще-то я мог бы сказать, что мы пришли выразить вам свое соболезнование, – ответил Натаниэль. – Но не буду, хотя доля истины в таком утверждении содержится. Откровенно говоря, я пришел за другим. Я хочу получить от вас ответы на несколько вопросов.

Из угла, в котором сидел Маркин, послышалось легкое покашливание. Натаниэль коротко глянул на своего помощника, которому явно было неловко за чересчур жесткий, по мнению Саши, тон начальника. Вновь повернулся к неподвижно сидевшему Ройзмону.

– А если я не отвечу? – спросил тот глухо.

Розовски пожал плечами.

– Тогда мы уйдем. Настаивать не имеем права. Вы можете в любую минуту позвонить в полицию и потребовать, чтобы нас вышвырнули отсюда, – сказал он спокойно, даже благожелательно. – В этом случае вы останетесь один на один со своими проблемами. Я не уверен, что вам удастся их решить. Так как? Могу я задавать свои вопросы?

– У меня телефон отключен, – угрюмо произнес Николай. – Так что никуда я звонить не собираюсь. Спрашивайте. Не думаю, что смогу ответить на ваши вопросы, но – задавайте. Мне на все наплевать.

Прежде, чем последовать этому разрешению, Розовски окинул внимательным взглядом книжные полки. Подошел, провел рукой по корешкам. Нашел нужный том, принялся листать его. Разочарованно закрыл.

– Тут была цветная вклейка, – сказал он. – Я вчера очень внимательно просмотрел такую же книгу. У моего друга Давида Гофмана. Вы не слышали его имени? Он специализируется на истории Византии. Вы, кажется, тоже. Во всяком случае, кто-то мне говорил об этом... Ах, да, Виктория Смирнова.

Николай ничего не ответил на это, опустил голову. Натаниэль подождал немного.

– Николай, – мягко произнес Натаниэль. – Вы ведь не работаете на автостоянке в Бней-Браке, верно? Вы работаете... вернее, работали садовником на улице Пальмах в Кфар-Шауль. Приходящим садовником. Дом номер двенадцать. Это рядом с домом номер десять, в котором жили Смирновы. Почему вы солгали – тогда, при нашей первой встрече?

Ройзман не ответил. Он сидел, чуть раскачиваясь на своей крохотной скамеечке, больше похожей на подставку для обуви, уставившись в пол. Ноги его, несмотря на духоту, были укутаны тонким клетчатым пледом. Натаниэль вернул книгу на место. Вновь сел напротив раскачивавшегося хозяина.

– Вы и сами знаете, – едва слышно ответил, наконец, Ройзман, по-прежнему глядя в пол. – Это я ее убил. Это я убил Дину. Если бы не моя глупость, она была бы жива. А о том, что я работал садовником, знала только Дина. Кроме Аркадия, конечно. Аркадий знал. Он меня и устроил туда, к соседям.

– Почему же ничего не знала Виктория? – спросил Натаниэль.

– Я попросил Арика никому об этом не говорить. Достаточно и того, что я стал ночным сторожем на автостоянке.

– Ну да, понятно. А видеть она вас не видела – Аркадий приглашал вас подстричь газоны только в ее отсутствие... Маскарадный костюм в комнате для садового инвентаря, – задумчиво произнес Розовски. – Концентрат E-5000X, который вы обычно использовали для опрыскивания деревьев и которым был отравлен Аркадий Смирнов. И вот эта книга – тоже. Так куда же делась вклейка?

– Сжег. Я испугался. Я хотел избавиться от всего, что... – тут он впервые посмотрел на Натаниэля. – После того, как вы спросили насчет повода вечеринки и маскарада, – ну, тогда, через день. Когда мы пришли к Виктории, я вдруг понял, что меня очень легко выставить убийцей. Вы тогда сказали: «Отравление ядом». А у меня несколько пластиковых ампул из-под концентрата. И две пустые. Две! Я очень редко пользовался этим инсектицидом. Одной ампулы хватало надолго, и я точно помнил, что использовал именно одну – за весь сезон. И то – не полностью. На самом видном месте лежат. И маскарадный костюм этот...

Натаниэль кивнул – то ли принимая к сведению сказанное, то ли стараясь приободрить говорившего. Но Николай вновь уткнулся взглядом в пол.

– Это я ее убил, – повторил он безжизненным голосом. – Я ей рассказал – насчет ампул, насчет костюма. Дина сказала, что пойдет вечером к Смирновым – якобы в гости. А когда будет уходить, постарается пройти через ту виллу, рядом со Смирновыми. На которой я работал. И забрать все это. Туда можно было пройти через дом Аркадия...

– Вы там и переоделись для вечера? – спросил Розовски. – После того, как встретили паланкин с носильщиками?

– Конечно, где же еще? – Николай вяло повел плечами. – Там и переоделся. Оставил костюм и вернулся назад в обычном.

– И вы не ссорились в день ее смерти, так? – произнес Натаниэль. – Поссорились вы накануне.

– Да, накануне, – Николай тяжело вздохнул. – Я ведь знал о том, что у Дины с Ариком когда-то был роман. Ну вот, мне и показалось, что она чересчур уж убивается по бывшему любовнику. Черт меня дернул сказать, что, мол, по мужу она так убиваться не будет... Знаете, я тогда крепко поддал, завелся. Как оно бывает... Ну, поругались. Покричали, потом помирились. А на следующий день пошли навестить Викторию. Неудобно как-то, на похоронах мы не были. Тут-то я и услышал.

Насчет отравления. От вас. То, что это не самоубийство, я сразу понял – слава Богу, характер Арика я узнать успел, никогда бы такой человек не покончил с собой, тем более – вот так, на людях. Значит либо несчастный случай – уж не знаю, какой, ошибка, еще что-то... Либо убийство. А у меня в подсобке, как назло, этот чертов костюм и баллончики с отравой... – он замолчал, потом спросил – как показалось Натаниэлю, с надеждой: – Меня арестуют?

– Чего вас арестовывать... – буркнул Розовски, рассеянно перебирая лежавшие на журнальном столе книги. – Сами говорите – не виноваты. Не виноваты – значит, не виноваты... Вы уверены в том, что она разговаривала с Викторией? В тот вечер?

– Нет, не уверен, – ответил Николай. – Я ведь был уже под хорошей банкой. Может, и не с ней.

– Долго длился разговор?

– Не очень.

– Ну а кому принадлежала идея маскарадного вечера?

– Мне, – угрюмо ответил Николай. – Аркадий хотел, чтобы все выглядело ярко, эффектно.

– Что именно? – спросил Натаниэль, отвлекаясь от книг. – Что должно было выглядеть ярко и эффектно?

– Ну как – что? – Ройзман выглядел удивленным. – Коронация, разумеется!

Розовски, до того сидевший вполоборота, развернулся так, что у крохотной табуреточки едва не отлетели ножки. Он ругнулся, уставился на Николая. Маркин, не вставая с пола, тоже подался вперед. Это выглядело комично. Натаниэль посмотрел на вытянутое лицо помощника и вновь обратился к Ройзману.

– Диплом, – сказал он. – Что за диплом Аркадий держал в руке перед смертью?

Теперь Николай Ройзман выглядел слегка сбитым с толку.

– Там же написано! Вы что, не читали?

– Он исчез, – терпеливо сообщил Розовски. – Остался лишь клочок. Без каких бы то ни было надписей. С водяными знаками в виде герба династии Палеологов.

– А, вот в чем дело, – пробормотал Ройзман. – Понятно.

– Зато мне непонятно! – разозлился Натаниэль. – Если вы хотите, чтобы вас признали невиновным, уж давайте. Расскажите мне все, что вы знаете. И не заставляйте тянуть из вас слова, у меня и так времени нет. У вас, кстати говоря, тоже. Полиция интересуется исчезнувшим садовником, – Натаниэль, разумеется, не стал говорить, что определенную роль в интересе полиции сыграл он и его сотрудники. – По порядку: что за диплом, что за вечер, при чем тут Византия и ее чертовы императоры. И какая еще коронация? Давайте, Коля, давайте.

– Простите, – сказал Ройзман. – Я думал, вы знаете. Его величество император Юлиан Оттон VI присвоил Аркаше титул короля Греческой Индии.

Розовски подумал, что насчет добровольной сдачи в психушку он был давеча абсолютно прав. Интересно, их с Ройзманом поместят в одну палату? Или в разные?

– Коля, – ангельским голосом произнес он. – Давайте еще раз. Значит, его императорское величество Оттон какой-то там сделал Аркадия Смирнова королем.

Ройзман кивнул.

– Понятно, – сказал Натаниэль. Он оглянулся к слегка ошарашенному Маркину и пояснил со счастливой улыбкой: – Все очень просто, Саша. Наш покойный клиент был, оказывается, королем Греческой Индии. То-то, я думаю, он расхаживал в дранных джинсах и мятой футболке. Помнишь, я еще говорил: «Миллионеры так не ходят». А вот короли, оказывается ходят. Короли. Греческой Индии. Действительно, с кем не бывает? Я мог бы и сам догадаться. И как же такая напасть с нашим покойным другом случилась? – спросил он у Николая.

Ройзман пожал плечами.

– Ну, как... Подробностей я не знаю. Кстати, с чего вы взяли, что Аркадий был миллионером? Он был достаточно обеспеченным человеком, это верно. Но уж никак не миллионером.

– Ладно, это я так. Вы лучше насчет короля объясните. Хорошо?

– Вообще-то, согласно протоколу обладатель этого титула должен оказать серьезные услуги его императорскому величеству.

– Вот! – обрадовано воскликнул Натаниэль, вновь обращаясь к Маркину. – Вот! Я-то, дурак, ломаю голову – как да что. А оказывается наш знакомый изобрел эту... как ее... машину времени. И решил слетать ко двору императора. Там ему удалось оказать царственной особе некие

неоценимые услуги и получить в награду королевскую корону. Вот только короноваться он решил в наше время. И благополучно вернулся из прошлого.

Маркин неуверенно улыбнулся. Николай Ройзман некоторое время смотрел на Натаниэля, потом серьезно спросил:

– Вы сумасшедший?

Натаниэль от вопроса онемел на добрых три минуты. Саша коротко хохотнул и тут же замолчал под суровым взглядом шефа.

– Э-э... ну... вполне возможно. Не исключаю, во всяком случае, – осторожно ответил Натаниэль. – Бывшие мои сослуживцы, полагаю, ответили бы на ваш вопрос положительно. Но все-таки: как иначе можно оказаться при дворе императора Византии?

– Никакой машины времени для этого не нужно. Аркадий воспользовался обычным «боингом» компании «Эль-Аль», совершавшим рейсы в Швейцарию, – сухо ответил Ройзман. – Его императорское величество Юлиан Морис Оттон VI Палеолог проживает в пятидесяти километрах от Цюриха. Есть там такой маленький городок Айсбург. Так вот, в Айсбурге и находится императорская канцелярия ныне здравствующего императора Византии.

Если бы Натаниэль в этот момент стоял, он бы наверняка сел. Но поскольку он сидел, то ему ничего не оставалось делать, как вскочить. Глядя на него снизу вверх, Николай невозмутимо добавил:

– Диплом, о котором вы говорили, – это патент на королевское звание, присланный императорской канцелярией. Можете проверить.

– Погодите, погодите, – Розовски присел на корточки и искательно заглянул в небритое осунувшееся лицо Ройзмана. – Давайте-ка еще раз. Вы хотите сказать, что в наше время живет себе и здравствует в швейцарском городке с таким смешным названием самый настоящий император Византии?

– Конечно. Чему вы удивляетесь? В Париже, например, по сей день живет человек, имеющий титул короля Константинопольского – потомок крестоносцев, завоевавших Византию в XIII веке и правивших ею в течение нескольких десятков лет. Господин Юлиан Палеолог самый что ни на есть настоящий император Византии, прямой потомок династии Палеологов. То есть, он, конечно, номинальный император. Тем не менее, присуждение всех титулов, входивших некогда в регистр титулов византийского двора, по-прежнему остается в его юрисдикции. В том числе, например, титул короля Иерусалимского. Или графа Эдесского. Этот порядок сохранился со времен первого крестового похода, когда вожди крестоносцев принесли ленную присягу императору Алексею Комнину.

– Так-так-так... – пробормотал Натаниэль. – И чем же этот, с позволения сказать, император занимается? Кроме раздачи слонов? В смысле, титулов?

– Тем же, чем занимается большинство подобных же эфемерных организаций – благотворительностью. При императорской канцелярии существует несколько фондов, выполняющих различные гуманитарные программы.

В голове Натаниэля начало проясняться. Он даже подумал, что, возможно, рано записался в будущие пациенты сумасшедшего дома.

– Гуманитарные программы, – повторил он. – Слышишь, Саша?

– Слышу, конечно, – Маркин, похоже, тоже немного пришел в себя. – Аркадий Смирнов в последнее время занимался гуманитарными проектами, я же тебе рассказывал.

– Верно, – подтвердил Николай. – Он как-то сказал, что ему надоела коммерция, тем более, ни черта он в ней, по-моему, не смыслил. И тут ему предложили разработать парочку интересных гуманитарных программ – таких, которые могли бы привлечь внимание международных организаций. Ну вот, стало быть, он этим и занимался все последнее время. И с большим удовольствием... – он замолчал, нахмурился. – Я так понимаю, что именно с этой деятельностью вы связываете его гибель?

– С чем я ее связываю, это другой вопрос. Вы пока что расскажите-ка, в чем заключался последний проект и при чем тут... Ну, в общем... – Натаниэль не мог заставить себя произнести: «Император Византии». Это все еще звучало для его слуха дико. – Э тот... Эта...

– Швейцария, – тихонько подсказал Маркин.

– Вот-вот, – облегченно подхватил Натаниэль, – Швейцария.

– Ну хорошо, попробую, – Николай помолчал немного, собираясь с мыслями. – Значит, дело обстояло так. Я собирал материалы для статьи о позднем периоде истории рыцарских орденов. Сидел безвылазно в Интернете, скачивал материалы. И наткнулся на страничку Византийского императорского дома. Кстати говоря, – сказал он, немного оживляясь, – не знаю, почему вас так удивляет факт существования византийского императора. Но ведь продолжают существовать и Тевтонский рыцарский орден, и орден госпитальеров, даже орден Храма! Я обнаружил и объединение потомков первых крестоносцев, и прочие, столь же экзотические учреждения. Просто известны они куда меньше, чем, скажем, российский императорский дом. Так вот...

– Очень интересно, – перебил его Натаниэль. – Действительно, очень интересно. Когда-нибудь я с удовольствием послушаю ваш рассказ. О крестоносцах и прочем. Но пока что давайте, все-таки, о византийском императоре. И о вашем друге. Хорошо?

– Да, понимаю. Все эти организации – и Византийский двор тут не исключение – существуют преимущественно как благотворительные и научно-просветительские организации. Выступают спонсорами при проведении исторических исследований. Проводят гуманитарные акции. Ну, там... – Николай сделал неопределенный жест рукой. – Финансируют помощь беженцам. В Руанде, а до того – в Камбодже. Проводят научные конференции – по истории восточного средневековья, по истории православной церкви. Учреждают премии. И так далее.

– И вы рассказали об этом Аркадию? – подсказал Розовски. – Я имею в виду – об этой организации.

– Да – как курьез. А он как раз искал идею для очередного проекта. И прямо вцепился в мой рассказ. После этого у него родилась идея создания международного фонда, который он назвал «Регина Бизантейа».

– Что это значит?

– «Византийская царица». Гуманитарный фонд, призванный оказать помощь России в условиях разрастающегося экономического и политического кризиса, – объяснил Николай. Он отбросил, наконец, плед, в который кутался, скорее, машинально. Голос его окреп – видимо, он сам увлекся рассказом. Даже появились лекторские интонации. – Фонд, учрежденный императорским двором при деятельном участии и по инициативе российского бизнесмена Аркадия Смирнова. Дело в том, что Византия всегда была связана с Россией – когда Византийская империя еще существовала. Одна из византийских принцесс – Софья Палеолог – стала женой Ивана III. Вот так, кстати говоря, в гербе России появился двуглавый орел. Идея Аркадия была изящно упакована: потомки властителей Второго Рима помогают народу Рима Третьего. Он поделился этой идеей с императорской канцелярией. Проект их заинтересовал. Они уже сами связались с Аркадием, предложили выслать подробную разработку. Что тот и сделал. После этого его пригласили в Швейцарию... Есть в регламенте двора одна особенность. Люди, входящие в попечительские советы и тому подобные органы, связанные с деятельностью Византийского императора – как я уже сказал, это благотворительная деятельность, – так вот, перечисленные мною люди обычно получают титулы, право присваивать которые принадлежит Юлиану Оттону VI. Вот почему, став директором-распорядителем фонда «Регина Бизантейа» – именно это ему предложили в Айсбурге, он получил право на такой экзотический титул. А когда вернулся, мы решили устроить из этого шумное празднество – знаете, не каждый день обычные люди становятся королями...

– Директором-распорядителем фонда, – задумчиво повторил Натаниэль. – Вот это уже интересно. И велик ли бы уставной капитал? Не знаете ли?

– Что? – рассеянно переспросил Ройзман, роясь в разбросанных на нижних полках стеллажа папках. – Что, простите? Капитал?... – он выпрямился. – Мм... кажется, пять миллионов долларов...

– Хорошенькие игры, – озадаченно сказал Натаниэль. – Значит, став директором-распорядителем фонда, Аркадий получал контроль за очень солидными суммами, которые должны были уходить в Россию на финансирование гуманитарной помощи? Вот так-так. Маскарад...

Николай уселся на прежнюю скамеечку. После внезапного прилива бодрости, вызванного византийско-швейцарской историей, он вновь впал в оцепенение.

Натаниэль подошел к двери, молча поманил за собой Маркина. Они спустились вниз в маркинскую «субару».

– Куда едем? – осведомился Саша, поворачивая ключ зажигания.

– Никуда, – ответил Натаниэль. – Выключи. Я просто хочу подумать. Недолго, минут пятнадцать. Можешь пока вздремнуть.

– А потом?

– А потом будет потом, – Натаниэль закурил, высунув руку с сигаретой в окно. – Потом мы посмотрим.

Маркин послушно заглушил двигатель. Натаниэль пускал дым, глядя рассеянным взглядом на стариков, продолжавших свою бесконечную игру в нарды. Сделав несколько затяжек, он отбросил щелчком недокуренную сигарету и извлек из бардачка пакет из плотной желтой бумаги.

– Это у тебя что? – поинтересовался Маркин.

– Фотографии, – коротко ответил Натаниэль. – Еле выпросил. Хочешь взглянуть?

Маркин кивнул. Розовски распечатал пакет.

– Вот, погляди.

Маркин внимательно изучал фотографии. Их было десять, все – сделаны во время злосчастливого вечера. Некоторые Саша сразу же отложил в сторону – на них были изображены различные моменты торжества, показавшиеся фотографу интересными, но с точки зрения Маркина, ничего собою не представлявшие: музыканты в обезьяньих костюмах, слегка растерянные лица депутатов Кнессета, неведомым ветром занесенных на странную вечеринку, небольшие группы гостей.

Он отобрал четыре фотографии. Натаниэль одобрительно кивнул.

На одной из фотографий, сделанных с относительно большого расстояния – из дальнего угла двора, – четко был виден паланкин и человек в маске в знакомом Маркину костюме. Рядом стоял еще один маскированный. Сидящим был Аркадий Смирнов, а стоящим – Николай Ройзман, только что ими оставленный. На другой – хозяин виллы, лежащий и без маски, с искаженным гримасой лицом. Та же фотография, но крупным планом. И еще одна – плачущая Виктория, рядом – Дина и Николай.

– И что ты на них разглядел? – спросил Маркин.

– На этих – ничего, – невозмутимо ответил Натаниэль. – Ничего нового, – он отобрал фотографии у помощника, сунул их в конверт. Вместо этого взял отбракованные Маркиным. Выбрал одну из них. – Лучше присмотришься вот к этим, – сказал он, – ну-ка!

Маркин послушно ткнулся в снимок. Обследовав с максимальной тщательностью каждый квадратный сантиметр глянцевого поверхности и даже попытавшись заглянуть на обратную сторону, он отрицательно покачал головой и вернул фотографию Натаниэлю.

– Ничего не видишь? – спросил Розовски разочарованно.

– Ничего.

– А то, что в руках у какой-то дамы, скрытой от камеры чьими-то спинами, тот самый псевдогреческий керамический бокал, который затем оказался у покойника? Тоже не видишь?

– Где? – Маркин снова уткнулся в фотографию. – Где ты это усмотрел?

Натаниэль молча ткнул пальцем в правый верхний угол. После этого вытащил из бардачка лупу в пластмассовом футляре, протянул ее помощнику:

– На, смотри как следует.

– Да, похоже, что так... – чуть пристыжено протянул Саша. – Похоже.

– Не похоже, а он и есть! – Натаниэль сунул помощнику под нос ту из фотографий, которая запечатлела момент обнаружения несчастья. Возле руки лежавшего Аркадия Смирнова можно было разглядеть опрокинутый бокал. – Вот тут и тут, – Розовски черкнул ногтем по обеим фотографиям. – Да ты лупу возьми, не стесняйся! Видишь рисунок? Один и тот же. Во всяком случае, второго такого бокала там не было. Видимо, еще одна деталь игры. Бокал – имитация античной керамики. Греческой. Или что-то в этом роде.

– Совпадает с показаниями бармена, – заметил Маркин. – Насчет того, что бокал взяла женщина.

– Вот-вот. Ну, а теперь посмотри сюда, – Розовски протянул Саше очередную фотографию. На этот раз перед Маркиным оказался существенно увеличенный участок еще одного изображавшего общий план снимка. Маркин присвистнул: на увеличенном снимке кубок переключивал из женской руки в мужскую.

– Нравится? – спросил Натаниэль. – То-то. Художественная работа, что ты хочешь – профессионалы, хоть сейчас на выставку...

– Откуда картинки? – любопытно спросил Саша.

– Ты забыл – Аркадий ведь хотел подразнить прессу. Там на вечере имел честь присутствовать Амнон Герцог из «Хадашот а-ир». Вместе с фотографом.

Маркин вспомнил индийского раджу, бегавшего по двору с фотокамерой и вспышкой и всем действовавшего на нервы.

– Вот так, – закончил Розовски, вновь складывая фотографии в пакет. – Хорошо поддерживать с прессой теплые отношения. Он мне отпечатал копии. В обмен на обещание рассказать о результатах расследования.

– Ты ему расскажешь? – недоверчиво спросил Маркин.

– Может, и расскажу. Мало ли что придет в голову... – уклончиво ответил Натаниэль. – Вот что, поехали в контору. По дороге заглянем на пару минут к Баренбойму. Что-то у меня... – он вдруг замолчал.

Маркин встревожено посмотрел на шефа.

– Зеев... – пробормотал Розовски. – Зеев – это же Владимир, правильно? А Натаниэль – Анатолий. Старая израильская традиция... Знаешь, Саша, можешь назвать меня идиотом. Загадка-то на поверхности лежит! Боже мой, как же можно быть таким слепцом... – он нетерпеливо похлопал Маркина по плечу. – Вылезай-ка из машины!

– Зачем? – опешил Маркин.

– Затем, что мне нужно уточнить кое-какие мелочи, а ты сейчас отправишься в контору и пригласишь на завтра вот этих господ, – он вырвал из блокнота лист и написал несколько имен. – Держи. На завтра, на десять утра.

Маркин покорно уступил место за рулем начальнику. Больше всего он расстроился из-за того, что не успел воспользоваться великодушным разрешением Натаниэля – обругать того от чистого сердца.

Натаниэль, как обычно, чуть опоздал на утреннее собрание, так что, войдя в кабинет, застал всех в состоянии нервного ожидания. Правда, вслух выражал недовольство только инспектор Алон, раздраженно расхаживавший по кабинету. Но в молчании остальных явно чувствовалась полная солидарность с темпераментным полицейским.

Розовски вошел с независимым видом.

– Тысячу извинений! – заявил он. – Мой помощник все перепутал. Я просил его передать мое приглашение на одиннадцать утра, почему он назначил встречу на десять, для меня полная загадка, – Розовски укоризненно посмотрел на возмущенного Маркина. – Ну, неважно. По крайней мере, мы можем начать немедленно. Благодарю всех за то, что пришли сюда.

Виктория Смирнова, как и следовало ожидать, явилась вместе с адвокатом Нешером. Она по-прежнему носила траурную одежду. Безукоризненный костюм и чопорные манеры ее адвоката также не претерпели существенных изменений. Натаниэль улыбнулся в ответ на гневные взгляды адвоката, поздоровался с остальными присутствующими. У Сергея Венедиктова сохранилась лишь косичка, в остальном он уже не походил на молодого хиппи, выглядел тем, кем был – вполне преуспевающим бизнесменом сорокалетнего возраста: дорогой костюм, галстук – все это, несмотря на раскаленное дыхание Иудейской пустыни, доносившееся даже сюда. Николай Ройзман был все в той же черной ермолке и так же небрит. Он остался стоять, только чуть прислонился к стене, рядом с Маркиным, занимавшим любимое угловое кресло.

Когда Натаниэль вошел, Венедиктов сказал:

– Извините, господин Розовски, я не успел подготовить регистр проектов, над которыми работал Аркадий. Ваш помощник позвонил так неожиданно.

Натаниэль махнул рукой.

– И слава Богу, что не подготовили. Ни черта бы я в нем не понял, только окончательно запутался.

Инспектор демонстративно посмотрел на часы.

– Да-да, – сказал Розовски. – Да-да, пора начинать... – он зябко потер руки. – Должен сказать откровенно: расследование мое продвигалось в ложном направлении вплоть до недавнего времени. Меня все время сбивала с толка театральность происшедшего. Для того, чтобы сразу покончить с этой стороной проблемы, давайте-ка послушаем господина Ройзмана, – повернувшись к инспектору, он добавил: – Я тебе переведу, Ронен. Прошу тебя, слушай внимательно и не перебивай, каким бы невероятным не казалось все происшедшее... Николай, пожалуйста, расскажите то, что уже рассказали нам – о дипломе, о конкурсе. И о том, кому и как пришла в голову идея вечера-маскарада.

Николай помолчал, собираясь с мыслями, потом сказал:

– Месяц назад мне позвонил Аркадий. Он сообщил, что его идея с фондом «Регина Бизантейа» дала неожиданный результат...

По мере рассказа Ройзмана, Натаниэль с удовольствием отмечал вытягивавшееся лицо инспектора. Когда Николай закончил говорить и неслышно вернулся на свое место, в салоне установилась напряженная тишина.

Первым пришел в себя Ронен – видимо, сказывалась психологическая закалка опытного полицейского.

– Ну... – он откашлялся. – Предположим, что все так и есть. С фондом, с титулом... Ты хочешь сказать, что смерть господина Смирнова связана с этой стороной его деятельности?

– Я так думал. До поры до времени, – ответил Натаниэль. – Мне показалась очевидной такая связь. Сами посудите, – он обращался не столько к инспектору, сколько ко всем остальным, – убийство произошло в момент шутовской коронации. Я предположил: что, если кто-то не хотел, чтобы Аркадий Смирнов оказался директором-распорядителем фонда? – Розовски посмотрел на внимательно слушавшего Сергея Венедиктова. – Вот, например, вы, господин Венедиктов. Вы недавно сказали: «Иная гуманитарная разработка приносит больше дохода чем стопроцентно коммерческая операция. Просто в первом случае все происходит опосредованно».

Венедиктов удивленно поднял брови.

– Я это сказал? Возможно. Тем более, так оно и есть на самом деле. Ну и что?

Натаниэль развел руками.

– Согласитесь: прекрасная возможность отмывки денег, – сказал он. – Правда, я не очень в этом разбираюсь, но мне так кажется. Международный фонд учрежден и возглавляется вашим представителем. Имеет базовый капитал около пяти миллионов долларов. Немало возможностей открывается, разве нет? Но только в том случае, если директор-распорядитель согласен исполнять ваши распоряжения. Если же нет...

– То я должен его убить, – Венедиктов покачал головой и засмеялся. – Ну и ну. Извините, Натаниэль, но это бредовое предположение. Начнем с того, что меня в это время не было в Израиле. Это во-первых. А во-вторых – ну зачем, скажите пожалуйста, мне устраивать такие театральные эффекты? Кроме того, я не знал всех этих подробностей – насчет титула, насчет Швейцарии. Я ведь вам говорил – последняя его поездка туда носила сугубо личный характер. Видимо, ему понравилась сама идея – встать во главе независимого фонда... Нет, что-то вас не туда занесло, господин детектив.

– А я и не говорю, что именно так все происходило, – возразил Натаниэль. – Правда, ваше отсутствие ни о чем не говорит – совсем необязательно лично участвовать в преступлении... Нет-нет, я вовсе не собираюсь вас обвинять. Просто рассказываю, какими путями шло следствие.

Венедиктов промолчал. Розовски некоторое время смотрел на него, потом перевел взгляд на Смирнову.

– Тут накопилось слишком много лжи, – сказал он медленно. – Слишком много. Маленькой и большой. Старой и не очень. Имеющей принципиальное значение и не имеющей такового. Хорошо бы в ней разобраться. Договорились? Начнем, например, с вас, Виктория, – он повернулся к своей клиентке. – Поговорим о вашем алиби на момент гибели Дины Ройзман.

Смирнова, застигнутая его словами врасплох, покрылась красными пятнами. Глаза ее гневно прищурились.

– То есть... Что вы хотите этим сказать? Какую ложь вы имеете в виду?

– Показания вашей родственницы, тети Розы, – невозмутимо ответил Натаниэль. – Она утверждала, во-первых, что в момент, когда возвращалась к вам в дом от автобусной остановки, то увидела, что из вашего дома выходил какой-то человек в шортах и с граблями на плече, – он взглянул на стоявшего Ройзмана, который при этих словах нахмурился. – Причем сел этот человек в темно-красную, весьма дорогую машину, – Натаниэль перевел взгляд на адвоката. – Во-вторых, что она вошла в дом, когда вы уже спали. Посидела там до девяти часов вечера, после чего уехала домой, предварительно закрыв за собою дверь на замок. Из ее рассказа, таким образом следовало, что на момент убийства госпожи Ройзман вы находились дома и спали под воздействием снотворного – раз, и что в деле замешан некий человек с внешностью садовника, разъезжающий на дорогом автомобиле.

Тут признаки нетерпения начал выказывать инспектор Алон.

– И кто же этот человек? В автомобиле, с граблями? – спросил он недоверчиво. – Тебе удалось установить?

– Удалось, – ответил Розовски. – Разумеется, удалось. Такого человека просто не существует в природе. Плод воображения. Видишь ли, Ронен, существуют люди, которые любую ложь стремятся непременно расцветить правдоподобными подробностями. Вот тут мы, как раз, имели дело с таким человеком. Скажи на милость, станешь ты проверять, видно с той скамеечки ворота этого дома или нет? Разумеется, не станешь. И я не стал бы. Это получилось случайно. Откуда взялся садовник в красном автомобиле? Автомобиль, разумеется, срисован с «фольксвагена-пассата» господина Нешера. Садовника с соседней дачи мадам Роза тоже видела – в другой день... В общем, я позвонил тете Розе. И она вынуждена была признать, что да, действительно, не возвращалась в тот день от остановки, а дождалась автобуса и поехала домой. Просто потом племянница позвонила и попросила ее рассказать, что она, будто бы, возвращалась и видела ее спящей. А тетя Роза уже сама, как я говорил, для вящей правдоподобности приплела все эти автомобили, садовников. Вот и все.

Виктория искусственно рассмеялась.

– Ерунда какая-то, – сказала она. – Я никому не звонила и ничего не просила, я действительно спала. Приняла снотворного и спала.

Натаниэль с озабоченным видом покачал головой.

– Вряд ли, – он раскрыл лежавшую на столике папку. – Вот справка телефонной компании. Ровно в 19.00 сюда звонили с телефона Ройзманов. По всей вероятности, Дина Ройзман.

– Очень может быть, – Виктория оглянулась на адвоката, слушавшего Натаниэля с напряженным вниманием. – Я же говорила: сквозь сон я слышала телефонный звонок. Но не проснулась.

– Не хотелось бы с вами спорить, – возразил Розовски, – но увы: ей ответили. Разговор продолжался около пяти минут. Вы, видимо, забыли: на станции автоматически фиксируют соединение. Если здесь, – он показал на справку, – указан звонок, значит, разговор состоялся. Значит, кто-то в вашем доме снял трубку. Но вы говорите, что спали в это время и позже. Так как же это могло произойти?

– Мог включиться автоответчик, – предположил вдруг адвокат.

– Не мог, – ответил Натаниэль, по-прежнему глядя на Викторину Смирнову. – Во-первых, госпожа Смирнова непременно упомянула бы об этом в полиции – это ведь косвенно подтверждало ее алиби. Во-вторых – разговор, повторяю, длился свыше пяти минут. Ни с каким автоответчиком так долго разговаривать не будут. Не о чем.

– Послушайте, – начала было Виктория. – Я готова объяснить вам...

Розовски остановил ее жестом.

– Позвольте мне продолжить. И перейти к другим действующим лицам нашей истории.

Смирнова беспомощно оглянулась на адвоката. Нешер успокаивающе взял ее за руку.

– Поговорим о другом герое нашего расследования. Поговорим о вас, господин адвокат, – сказал Натаниэль.

Цви Нешер, что-то говоривший Викторине вполголоса, удивленно взглянул на сыщика:

– Обо мне? В каком смысле?

– Вы утверждали, что познакомились с покойным Аркадием Смирновым три месяца назад, – продолжил Розовски.

– Именно так. Три месяца назад, когда господин Смирнов пришел в мой офис и попросил об оказании некоторых юридических услуг.

– Могу ли я вас спросить, Виктория, – Розовски обратился к напряженно слушавшей вдове, – вы узнаете эту визитную карточку? – Натаниэль протянул ей маленький картонный прямоугольник.

– Узнаю? А что тут узнавать? Это визитная карточка адвоката Нешера. Я видела ее у мужа.

– Очень хорошо. Превосходно. И эту карточку, если вы помните, вы дали мне. При первой нашей встрече.

Смирнова кивнула.

– А вы, господин Нешер? Узнаете ли вы эту карточку?

– Разумеется! Это моя визитная карточка, я, действительно, вручил ее Аркадию при нашей первой встрече.

– Три месяца назад, – уточнил Натаниэль. – И никак не раньше.

– Именно так, – сердито ответил адвокат.

– Ронен, – сказал Розовски, обращаясь к инспектору, – обрати внимание. Визитная карточка адвоката Нешера, – Натаниэль протянул инспектору визитную карточку. – По утверждению господина адвоката, он вручил карточку Смирнову при первой встрече, состоявшейся три месяца назад. Господин адвокат, – он повернулся к Нешеру, – вы никогда не интересовались полиграфией? Печатными работами, сортами бумаги? А вот мне пришлось. Так вот: в сентябре прошлого года, точнее – шестого числа, – ваша секретарь заказала визитные карточки в типографии «ДФУС Цева», в связи с тем, что визитные карточки кончились. Именно там отпечатаны те карточки, которыми вы ныне пользуетесь. А вот эта, – он вновь поднял первую, – была отпечатана задолго до этого. В другой типографии и на другой бумаге. Имеется заключение экспертизы. Понимаете? И по словам вашего секретаря, они давно кончились.

– У меня, в конце концов, могли остаться несколько старых карточек! Одну из них я и вручил господину Смирнову! – нервно произнес адвокат.

Натаниэль покачал головой.

– Не исправив номер телефона? И адреса? Ведь полгода назад у вас был другой номер служебного телефона. Он и фигурирует на карточке. Следовательно, вы дали ее покойному гораздо раньше, чем, как вы утверждаете, познакомились с ним! Раньше, господин адвокат, раньше. Не три месяца, а, как минимум, год назад. У вас есть объяснение этой странности?

– Нет у меня никаких объяснений! – адвокат поднялся. – Боюсь, что у меня больше нет времени на то, чтобы выслушивать весь этот бред, – сухо сообщил он. – Вам, похоже, нечего рассказать клиентке. Отсюда и все фантазии: император, король. Фонд, карточки... Господа, простите, я должен идти. Слишком много дел.

– Минуточку, – сказал Розовски. – Прежде чем вы уйдете, господин Нешер. Я хочу, чтобы вы взглянули вот на эти снимки.

– С какой стати? – буркнул адвокат, но, тем не менее, подошел к письменному столу, у которого стоял Натаниэль.

Детектив протянул ему снимки, которые давеча показывал Алексу. Адвокат пожал плечами.

– Хотите, чтобы я кого-то опознал? – раздраженно спросил он. – Бесплезно, ничем не могу помочь. Я не был на этой вечеринке.

Вместо ответа Натаниэль показал ему один из снимков.

– Обратите внимание, – он поднял фотографию, – здесь очень неудачный ракурс, но все-таки можно заметить, как какая-то женщина – во всяком случае, это женская рука, – передает мужчине некий бокал. Видите?

– Абсолютно ничего не вижу.

Инспектор Алон подошел к ним и тоже заглянул в фотографию.

– Хорошо, – сказал Натаниэль, – тогда вот вам увеличенный вариант. Здесь четко видно, как из женской руки бокал переходит в мужскую.

– Предположим, – вынужден был согласиться Нешер. – Но это руки. А не лица. Вы собираетесь по этим руками искать... – он вдруг замолчал. Лицо его заметно побледнело.

– Перстень, – произнес Натаниэль. – Это же ваш перстень, господин адвокат. С печаткой. Он и сейчас на вашем пальце. Это ваша рука. Следовательно, вы были на вечеринке. Разумеется, тоже в карнавальном костюме. Мало того: вы поднесли бокал с ядом хозяину вечера. Именно этот момент и запечатлен на снимке... Ронен, – сказал он, обращаясь к инспектору. – Позволь представить тебе господина Цви Нешера, одного из преступников, виновных в убийстве Аркадия Смирнова... – и после паузы добавил: – Вообще-то настоящая его фамилия Орловский. Григорий Орловский, в прошлом – друг и однокурсник Аркадия Смирнова.

В полной тишине, воцарившейся после его слов, Натаниэль обошел письменный стол, упал в продавленное кресло и попытался высечь искру из давно и безнадежно испорченной зажигалки.

Инспектор не выдержал:

– Брось ты свою чертову зажигалку, прикури от моей!

– Да, спасибо... – Натаниэль глубоко затянулся, осторожно положил дымящуюся сигарету на край пепельницы. – Ну ладно, – он зябко потер руки, – похоже, нам пора перейти к другому убийству. Дина Ройзман знала причину, по которой Аркадий устроил роковой прием в Кфар-Шауль, – он коротко глянул на Николая. Тот кивнул. – Полагаю также, что она знала и убийцу. Я грешил на себя – думал, что из моей оговорки она слишком быстро сделала роковые для себя выводы... Похоже, что нет, – он обратился к адвокату, стоявшему рядом с полицейским и слушавшим все с безучастным лицом. – Скажите, господин Нешер, о чем вы с ней говорили в тот вечер?

Натаниэлю пришлось дважды повторить свой вопрос, прежде чем Нешер отреагировал на него.

– Вы имеете в виду вечер ее смерти? – уточнил адвокат равнодушным голосом. – Да, говорил с ней я. Мне нужно было кое-что выяснить у госпожи Смирновой, и я приехал вечером к ней. Дверь была незаперта, но, когда я вошел, госпожа Смирнова спала. Рядом на столике стоял флакон со снотворным. Я не собирался задерживаться в доме. Но как раз в этот момент зазвонил телефон. Госпожа Смирнова продолжала спать – видимо, доза снотворного была достаточно велика, – и я снял трубку – сам не знаю, зачем. Оказалось, звонила Дина Ройзман... – тут Нешер все-таки отвел взгляд в сторону. – Короче говоря, сразу же стало понятно, что она решила пойти на

попятную. Ей вдруг стало жаль своего олуха-мужа, на которого обязательно должно пасть подозрение. Нужно было срочно принимать меры. Я назначил ей встречу в кафе «Апропо». Дальше, полагаю, вы знаете...

– Снотворное прихватили в доме Смирновых? – спросил Розовски.

– Да, на всякий случай...

– Ты... – Николай, с искаженным от ненависти лицом, ринулся было к Нешеру. Его перехватил Маркин. – Ты, сволочь! Все равно я придушу тебя собственными руками!

Цви медленно повернул к нему голову и взглянул прямо в лицо пустыми глазами.

– Дурак, – произнес он негромко, но внятно. – Откуда, по-твоему, я узнал о вашей идиотской затее с маскарадом? Откуда взялся яд? Ты ей вовсе не был нужен. И я ей не был нужен. Ей нужно было отомстить бывшему любовнику.

Николай внезапно обмяк и обессилено опустился на заботливо подставленный Маркиным стул.

– Увы, Николай, – сказал Натаниэль участливым тоном. – Ничего не поделаешь, это в самом деле так. Ваша жена была соучастницей преступления. Соучастницей, а уж потом жертвой. Там, на фотографии – ее рука. Это она передает бокал с ядом господину Нешеру. Они познакомились достаточно давно. Если я не ошибаюсь, все в той же Швейцарии. Господин Нешер – или мы будем называть вас Орловским? Ну, неважно. Так вот, господин Нешер-Орловский ездил по туристической путевке от бюро «Евро-турс». А Дина Ройзман было гидом в этой группе. Когда приедете домой, внимательно рассмотрите фотографию на стене. Ту, где запечатлены Швейцарские Альпы. Я вот только сегодня сообразил, почему лицо одного из туристов – на заднем плане – показалось мне знакомым...

– Все равно – я убью его, – упрямо повторил Николай. В голосе его уже не слышно было ярости. Только усталость. Натаниэль некоторое время молча смотрел на него, потом вновь повернулся к Орловскому-Нешеру.

– Она хотела отомстить, – повторил детектив. – Допустим. А вы? Что двигало вами?

Цви Нешер передернул плечами и криво усмехнулся.

– Я хотел спать спокойно, – ответил он. – Как ни странно это звучит. Аркадий постоянно намекал на ту старую историю. Когда в общежитии из окна его комнаты выбросилась девушка... – он провел по лицу обеими руками. – Его сначала хотели отдать под суд – непредумышленное убийство, кажется. Ему удалось доказать, что его в тот момент в комнате не было. Правда, он скрыл от милиции, кто был в комнате.

– Это были вы, – догадался Натаниэль.

– Это был я. Таня... Да, ее звали Татьяной... Она обкурилась плана. Захотела полетать... Я удержать ее не смог, сам был немногим лучше... – все это Нешер излагал бесстрастным голосом, словно зачитывал какой-то протокол. – Тогда я был благодарен Аркадию – за то, что он не назвал моего имени. За двадцать лет жизни в Израиле я уже забыл о той истории. Я сменил имя и фамилию, – он мельком глянул на Натаниэля. – Наверное, следовало проявить больше изобретательности.

– Верно, – сказал Розовски. – Немного нужно фантазии для того, чтобы просто перевести на иврит собственное имя⁸... Понятно. Вам показалось, что Аркадий, по приезде сюда, намерен вас шантажировать тем давним случаем.

– Показалось? – Нешер саркастически усмехнулся. – Что тут могло показаться? Ни одной встречи не обходилось без того, чтобы он не напомнил мне о той истории! Я уже сто раз жалел, что позволил родственникам в Москве дать ему мой номер телефона...

– Визитная карточка, – подсказал Натаниэль.

– Именно... – внезапно Нешер, до того державшийся прямо, обмяк. Будто из него вытащили стержень. Он покачнулся, оперся руками о стол. – Это было ужасно... – прошептал он. – Я не хотел убивать Дину. Она... Она была очень милой женщиной. Она мне нравилась...

Ему никто не помог, все сидели в каком-то оцепенении и слушали. Даже инспектор Алон.

⁸ Цви – еврейский вариант имени Григорий, Нешер – на иврите «Орел»; фамилия Нешер может быть переведена как Орлов или Орловский.

Цви Нешер сам поднялся, вытер рукой покрытый испариной лоб. Вновь заговорил – хотя никто ни о чем его не спрашивал. Голос его был очень странным, прерывающимся, будто от волнения, – и в то же время лишенным каких бы то ни было эмоций:

– Вы правы – мы познакомились в Швейцарии – я ездил туда с туристической группой, а она эту группу сопровождала. Вскоре после знакомства я узнал, что мы ненавидим одного и того же человека. И я подумал: это перст судьбы. А когда она пришла и рассказала о том, что Аркадий устраивает грандиозное празднество с маскарадом, я понял, что дождался своего. И Дина дождалась... Я не хотел ее убивать, – повторил он. – Но у меня не было выхода.

В полном молчании инспектор Алон подошел к адвокату и защелкнул на его руках наручники. Похлопал по плечу и молча указал на выход. Цви Нешер, словно внезапно проснувшись, обвел помещение растерянным взглядом. Именно помещение, он старательно избегал смотреть на людей, сидевших здесь. Медленным неуверенным шагом двинулся к двери.

– Вы бы вернули Виктории записную книжку ее мужа, – сказал вдруг Натаниэль. – Вам-то она нужна была из-за одной-единственной записи – из-за вашего номера телефона. С прежним именем.

Цви Нешер остановился, повернулся всем телом к детективу.

– Я ее выбросил, – ответил он. – Вместе с этим чертовым швейцарским дипломом... – адвокат помедлил немного, потом спросил: – Вы давно меня заподозрили?

– С первой встречи, – хмуро произнес Натаниэль. – И знаете почему? Вы слишком настаивали на оправдании вашей предполагаемой подзащитной – госпожи Смирновой – за недостаточностью улики. Не за отсутствием состава преступления, а именно за недостаточностью улики. Вас не заботил тот факт, что таким образом на ее репутации остается пятно, понимаете? Вы очень торопились избавиться от этого дела. Очень. А вот насчет смены имени – только вчера. Я вдруг вспомнил, что это ведь очень распространенная израильская привычка: менять старое имя на новое. Владимир становится Зеевом, Анатолий – Натаном. А Григорий превратился в Цви.

После окончания расследования убийства в Кфар-Шауль прошло около полутора месяцев.

– Смотри, какой интересный конверт пришел сегодня, – сказала однажды Офра, высыпая на стол перед шефом утреннюю почту.

Действительно, среди десятка стандартных длинных конвертов, в которых обычно доставляют счета и которые Натаниэль имел обыкновение выбрасывать нераспечатанными, ссылаясь на забывчивость, лежал настоящий полиграфический шедевр.

Его украшал тисненый золотом двуглавый орел, хорошо знакомый Натаниэлю.

– Откуда это? – спросила Офра с любопытством. – Из России? У них, по-моему, такой герб.

Натаниэль покачал головой.

– Нет, – ответил он с удовольствием. – Герб России – тоже двуглавый орел, но другой. Собственно, когда-то эти птички были похожи. Но в данном случае мы имеем дело, если можно так выразиться, с орлом, который приходится российскому орлу папашей. Это герб Византийского императора.

– А что, есть и такой? – Офра удивленно подняла брови. – И где же находится его империя? В Африке? В Антарктиде?

– Везде! – торжественно ответил Розовски и вскрыл большой почти квадратный конверт с пернатым гербом. В конверте оказалась плотная бумага, сложенная вдвое.

Развернув ее, Натаниэль прочитал (письмо было написано по-английски, от руки, каллиграфическим почерком):

Уважаемый господин Розовски!

Считаю своим долгом выразить искреннее восхищение Вашим профессиональным мастерством и тем, как энергично и точно раскрыли Вы запутанное дело с убийством господина Смирнова. Его Императорским Величеством Юлианом Оттоном VI я уполномочен предложить Вам должность начальника службы безопасности императорской гвардии. В случае Вашего согласия Его Величество изъявил желание возвести Вас в дворянское достоинство. Сообщаю Вам также, что это означает одновременное пожалование Вам титула Патриция Империи и графа Триполитанского. Еще раз позвольте выразить свою признательность и восхищение.

Начальник канцелярии Его Величества Императора Византии Юлиана Оттона VI Палеолога

Джордж М.Хеллер,
вице-король Бактрии и Согдианы.

Айсбург, Швейцария, 12 июля 1999 года

Натаниэль слегка обалдел, дочитав до конца это послание. Посмотрев на Офру, глядевшую на него с таким же изумлением, он понял, что читал вслух.

– Н-ну? – спросила Офра, откашлявшись. – Т-ты как? согласишься?

– Я подумаю, – серьезно ответил Розовски. – Патриций Империи и граф Триполитанский. Неплохо звучит, правда?